

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 7 (129)

Academic Journal

Series:
International Relations.
Regional Studies

Moscow 2014

ВЕСТНИК РГГУ
№ 7 (129)

Научный журнал

Серия «Международные отношения.
Регионоведение»

Москва 2014

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Международные отношения.
Регионоведение»

Редакционная коллегия:
В.В. Минаев – ответственный редактор
А.Э. Арсенян
Г.Г. Водолазов
А.Д. Воскресенский
А.В. Гуцин
В.Б. Жиромская
В.И. Журавлева
А.В. Мельцов
О.В. Павленко
Т.А. Шаклеина

Номер подготовили:
В.Б. Жиромская

СОДЕРЖАНИЕ

Мировая политика и глобальные проблемы современности

<i>В.Ф. Прякин</i> Философско-политическая концепция «общего дела» в контексте формирования «мягкой силы» внешней политики России	11
<i>Н.С. Самаркина</i> Стратегии и проекты развития современного оборонного сектора РФ	21
<i>С.А. Гаврилюк</i> Современный терроризм и обеспечение безопасности стран СНГ на постсоветском пространстве	29
<i>Э.А. Ермилова</i> Основные мероприятия по противодействию терроризму на территории США после событий 11 сентября 2001 года	39
<i>Б.И. Шевченко</i> Военно-экономическая интеграция стран блока НАТО: состояние, тенденции, противоречия	47
<i>О.А. Хлопов</i> Международная энергетическая безопасность: проблемы и угрозы	62
<i>С.Н. Бурцев</i> Роль Каспийского региона в мировой политике	74
<i>Е.С. Халина</i> Транзитный фактор в энергетическом сотрудничестве между Россией и ЕС (на примере нефтяной отрасли)	85
<i>Л.А. Можаяева</i> Антимилитаристская борьба и международная солидарность молодежи в политическом фокусе Международного юношеского дня	93
<i>В.Б. Жиромская</i> Население постиндустриальных стран Европы в глобальном демографическом измерении	103

<i>П.А. Торочкова</i> Социальные сети как элемент информационных технологий – новый актор мировой политики	116
--	-----

Гуманизация образования и науки – вызов инновационной модернизации мирового социума

<i>В.В. Минаев</i> Гуманизм и образовательный процесс	127
<i>Ю.А. Красин</i> Гуманизм, модернизация, интеллигенция	130
<i>Г.Г. Водозадов</i> Интеллигенция в контексте мировой и российской истории	145
<i>А.Х. Бурганов</i> Источники саморазвития и миссия современной интеллигенции	158
<i>А.И. Репинецкий</i> Глобализация образовательного пространства и проблемы школьного исторического образования в России	165

Внутренние и внешние аспекты регионального развития

<i>М.Р. Деметрадзе</i> Современные социокультурные традиции в США как результат практического применения социологических теорий	172
<i>А.Г. Сенокосов</i> Эволюция внешнеполитического курса Великобритании в 1898–1904 гг.: от «блестящей изоляции» к антигерманской Антанте	184
<i>В.Ю. Божко</i> Позиция президента Франции Франсуа Миттерана по германскому вопросу (до 1989 г.)	199
<i>Н.А. Гасымов</i> Роль ислама в формировании государственных и общественных институтов в монархиях Персидского залива	208

<i>М.А. Цома</i>	
Китай – партнер или конкурент	217
<i>Н.А. Араловец</i>	
Заболѣваемость и смертность населения стран СНГ в конце XX века	223
<i>А.В. Белов</i>	
Иностраннѣе граждане – жители городов Центральной России в правление Екатерины II (сравнительный анализ)	232
<i>Н.Ю. Андрианова</i>	
Роль Наркомпроса как идеологического центра в Советской России (1917–1920 гг.)	245
Abstracts	256
Сведения об авторах	265

CONTENTS

World politics and global modern problems

<i>V. Pryakhin</i>	
Philosophic and political concept of “the common cause” in the context of forming «soft power» of Russian foreign policy	11
<i>N. Samarkina</i>	
Strategies and development projects of the modern defense-industrial sector of the Russian Federation	21
<i>S. Gavrilyuk</i>	
Modern terrorism and ensuring security of the CIS countries	29
<i>E. Ermilova</i>	
The basic measures on counteraction to terrorism on the territory of the United States after the events of 11 September 2001	39
<i>B. Schevchenko</i>	
Military-economic integration of NATO countries: state, tendencies, contradictions	47
<i>O. Khlopov</i>	
International energy security: new problems and threats	62
<i>S. Burtsev</i>	
The role of Caspian Sea region in world politics	74
<i>E. Khalina</i>	
Transit factor in energy cooperation between the EU and Russia (on the example of the oil industry)	85
<i>L. Mozhayeva</i>	
Anti-militarist struggle and youth international solidarity in the political focus of International Youth Day	93
<i>V. Zhyromskaya</i>	
Population of the post-industrial countries of Europe in the global demographic dimension	103

P. Torochkova

Social networks as an element of information technologies – a new actor in world politics	116
--	-----

**Humanization of education and science call
for innovative modernization of world society**

V. Minaev

Humanism and educational process	127
--	-----

Yu. Krasin

Humanism, modernization, intelligentsia	130
---	-----

G. Vodolazov

Intelligentsia in the context of world and Russian history	145
--	-----

A. Burganov

Sources of self-development and mission of the modern intellectuals	158
---	-----

A. Repinetsky

Globalization of educational space and the issues of school historical education in Russia	165
---	-----

Internal and external aspects of regional development

M. Demetradze

Modern sociocultural traditions in the USA as a result of the practical application of sociological theories	172
---	-----

A. Senokosov

The evolution of the foreign policy of the United Kingdom in 1898–1904 years: from “splendid isolation” to the anti-German Entente	184
--	-----

V. Bozhko

The position of the President of France François Mitterand on the German question (before 1989)	199
--	-----

N. Gasyimov

The role of Islam in the formation of state and public institutes in the monarchies of the Persian gulf	208
--	-----

<i>M. Tsomaya</i>	
China partner or competitor	217
<i>N. Aralovets</i>	
Population of the commonwealth of independent states: sickness rate and mortality in the late 20th century	223
<i>A. Belov</i>	
Foreign subjects-residents of Central Russian cities in the reign of Catherine the Great (comparative analysis)	232
<i>N. Andrianova</i>	
The role of the People's Commissariat for education as the ideological centre in Soviet Russia (1917–1922)	245
Abstracts	256
General data about the authors	265

Мировая политика и глобальные проблемы современности

В.Ф. Пряхин

ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕГО ДЕЛА» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Данная статья посвящена использованию наследия отечественной политической философии для формирования инструментария «мягкой силы» внешней политики современной России.

Ключевые слова: концепция внешней политики России, «мягкая сила», идеология, русский космизм, трансгуманизм, общий духовно-нравственный знаменатель.

Утверждение 12 февраля 2013 г. новой редакции концепции внешней политики России знаменует собой важную веху эволюции духовной жизни нашей страны в целом. Впервые после окончания «холодной войны» в документе столь высокого уровня говорится о том, что «подлинное объединение усилий международного сообщества требует формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель»¹. Иными словами, речь идет о формировании идеологических основ внешней политики России. И не только внешней. Ведь если обратиться к Посланию президента Федеральному собранию 12 декабря 2012 г., то в нем прямо говорится об утрате нашим обществом многих нравственных ориентиров в ходе глобальной политической трансформации, когда «мы в известном смысле вместе с грязной водой и ребенка выплеснули»². Это новый важный момент в духовной жизни нашего общества по сравнению

с началом 90-х гг., когда во главу угла ставилась задача «деидеологизации» внешней и внутренней политики.

В теоретическом плане представляется весьма важным определиться, от чего мы отказываемся и к чему возвращаемся. Вопрос этот далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что идеология в толковании автора этого термина французского философа, политика и экономиста Антуана Дестют де Траси является собирательным понятием для обозначения учения об идеях, общих закономерностях их происхождения из содержания чувственного опыта. Данное учение должно было выступать в качестве основных принципов для руководства как в науке, так и в социальной жизни. Поэтому Дестют де Траси видел в идеологии систему знаний первооснов морали, политики, права. Таким образом, «деидеологизированная» политика является не чем иным, как политикой безнравственной и аморальной.

В отечественной практике, к сожалению, в силу ряда причин под идеологией в течение длительного времени понималась тенденциозная внешнеполитическая пропаганда, часто ничего общего не имевшая ни с действительностью, ни с нравственностью, ни с наукой. Поэтому само слово «идеология» надолго стало ругательным синонимом беспринципного словоблудия, своеобразной «идологией». Особенно негативные последствия эта подмена имела для отечественных гуманитарных наук, которые волею директивных органов были превращены в заготовителей цитат в политические речи руководителей и ничего не имели общего с познанием истины – целью любого научного исследования. Это дало основание нобелевскому лауреату академику Льву Ландау делить науки на естественные и «противоестественные». Причем под последними он имел в виду отечественные гуманитарные науки своего времени³.

Урон от такого табу на активные инициативные исследования общественных процессов до сих пор не осознан. Следствием его является вакуум в идейной жизни современного общества. Но поскольку идеология как энергия не исчезает и не возникает вновь, но всегда существует, приобретает новые формы, отсутствие идеологии позитивной «компенсируется» в общественном сознании так называемой массовой культурой подчас уголовно-криминального происхождения и фетишами консумеризма, идеологии безудержного и безнравственного потребления.

Отрезвление приходит прежде всего из осознания уроков «холодной войны», в которой СССР потерпел поражение, несмотря на мощный военный потенциал и вооруженные силы, достаточные для эффективного противостояния любой политической коалиции

на планете. Фиаско советского военно-промышленного комплекса – лучшая иллюстрация к пророчеству французского писателя и гуманиста Виктора Гюго о том, что ни одна армия не устоит против идей, время которых пришло.

Для того чтобы в новых исторических условиях сформировать благоприятный имидж страны на международной арене, для верной оценки перспектив мирового развития и путей решения глобальных проблем необходимо, как пишет российский политолог, член-корреспондент РАН В.А. Кременюк, «нечто подобное “новому политическому мышлению” М.С. Горбачева»⁴.

Политическая воля к созданию такого мышления нашла выражение в установке руководства страны на формирование арсенала средств «мягкой силы» внешней политики В выступлении перед послами и постоянными представителями России 9 июля 2012 г. президент В.В. Путин ориентировал российских дипломатов на использование новых технологий, в том числе «мягкой силы», для продвижения российских интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере⁵. Такая постановка вопроса об арсенале внешнеполитических средств, безусловно, назрела с учетом того, что партнеры России на международной арене на протяжении последних лет активно и, надо сказать, эффективно используют механизмы «мягкой силы». Ее арсенал многократно возрастает благодаря использованию социальных сетей, через которые соответствующая информация мгновенно доводится до потребителя посредством современных информационно-коммуникационных технологий.

Представляется целесообразным в этой связи обратить внимание на такой мощный пласт отечественной культуры, как, по выражению академика Н.Н. Моисеева, умонастроение русского космизма – оригинальной и самобытной концепции развития науки и техники, общества и человека, сформулированной корифеями отечественной науки К.Э. Циолковским, В.И. Вернадским, А.Л. Чижевским, Н.Ф. Федоровым.

Как писал, осмысливая последствия чернобыльской трагедии, академик В.А. Легасов, для русских космистов наука и техника были лишь средством выражения высочайшей степени их ответственности⁶. Этот моральный императив обусловил глубокую озабоченность русских космистов в связи с опасностью бездумного использования достижений научно-технического прогресса без должного предварительного осмысления его возможных негативных последствий. У В.И. Вернадского в учении о ноосфере и у

К.Э. Циолковского в «Грезах о Земле и небе» мы видим глубокое системное представление как о путях развития науки и техники, так и об опасностях, связанных с безудержным совершенствованием машин без должной оценки возможных социальных последствий. «Ибо близкое знакомство с некоторыми вещами, – говорил К.Э. Циолковский в беседе с А.Л. Чижевским, – может быть пагубно для людей. Ну представьте себе, что мы бы вдруг научились вещество полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы преждевременно формулу Эйнштейна в действительность. Ну тогда – при человеческой морали – пиши пропало, не сносить людям головы. Земля превратилась бы в ад крошечный: уж люди показали бы свою голубиную умонастроенность – камня на камне бы не осталось, не то что людей. Человечество было бы уничтожено! Помните, мы как-то говорили с вами о конце света. Он близок, если не восторжествует ум!»⁷

Космисты не только осознали эти опасности, но и думали над их упреждением и преодолением. Решение этой задачи они видели прежде всего «в необходимости радикальных социальных изменений, научных открытий нового порядка, чтобы отразить неминуемую опасность»⁸, в совершенствовании человеческой природы и общественного сознания. В то время, когда ведущие инженеры и химики европейских государств неутомимо работали над изобретением бездымного пороха и динамита, в каталожной комнате библиотеки Румянцевского музея сотрудником отечественного Министерства иностранных дел Н.Ф. Федоровым был разработан гуманистический и, как показало время, реалистический проект «Как орудия разрушения обратить в спасение»⁹.

Во имя достижения этих целей необходимо, полагал российский мыслитель, «...дать истинно братский исход накопившимся громадным силам и всякого рода горючим материалам вместо того, к чему все это готовилось, т. е. вместо войны»¹⁰. Одновременно Н.Ф. Федоров предвосхитил и опроверг порочную концепцию оружия массового уничтожения как гаранта международной стабильности. Он показал несостоятельность создаваемой этой концепцией иллюзии безопасности: «Адская технология, производящая орудия истребления для оправдания своего существования, хочет видеть в крайней истребительности своих орудий сильнейшее средство против войны, т. е. хочет уверить в этом всех, забывая или скрывая при этом, что вооруженное состояние, постоянное ожидание войны не лучше, если не хуже самой войны»¹¹.

В мировоззрении русского космизма федоровская идея конверсии, т. е. переориентирования усилий международного сообщества

с содержания вооруженных сил на средства созидания, является системообразующей. Свою законченную форму она обрела в концепции «общего дела» человечества, «ведущего к всеобщему братству и родству». Таким «общим делом» Н.Ф. Федоров считал «воскрешение, достижение бессмертия»¹².

Тем самым русский космизм решительно вторгся в понятийный аппарат сферы религии, которая под воздействием вульгарного материализма, оказавшего сильное и неоднозначное воздействие на интеллектуальную среду российского общества в конце XIX в., считалась враждебной «настоящей» науке.

Такое вторжение было весьма своевременным с учетом того, что сама Церковь в тот период переживала глубокий кризис и нуждалась в новой реформации. Эта реформация могла бы оказать благотворное воздействие на весь дальнейший ход истории России и всего мира, так как расположенная на границе неведомого, на великом евразийском перекрестке путей между Востоком и Западом, подверженная влиянию самых разных идеологических направлений, прямой участник глобальных политических столкновений старого и нового времени, Россия больше, чем другие страны, нуждалась в духовном обосновании путей своего исторического развития и в наибольшей степени созрела для его нового космического осмысления и толкования. Не случайно австрийский собеседник Л.Н. Толстого на темы религии поэт Райнер М. Рильке сказал: есть такая страна – Бог, Россия граничит с ней¹³.

Разумеется, толкование в научной парадигме сакральных понятий «бессмертие» и «воскрешение» даже в XXI в. вызывает напряженное отношение ученых. Что же говорить о веке двадцатом, когда Н.Ф. Федоров сформулировал свое видение (или, говоря современным языком, художественный дизайн) научно-технического прогресса. Толкование религии как фольклорной концепции научно-технического прогресса, безусловно, является величайшим вкладом русских космистов в мировоззренческую сокровищницу человечества. Квинтэссенция этого толкования была дана учеником-стипендиатом Н.Ф. Федорова К.Э. Циолковским. В одной из бесед с А.Л. Чижевским, состоявшейся в 1932 г., К.Э. Циолковский дал определение религиозной символике как «смутной догадке о будущем человечества». «Мы должны признать за ней право на существование, ибо нельзя многие миллионы людей признать полумными или просто глупцами! Над этими общепринятыми во всех религиях символами (душа, потусторонний мир, рай, ад. – *В. П.*) надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения»¹⁴. В рамках настоящей статьи стоит отметить, что эта

идея великого российского мыслителя весьма созвучна положению новой редакции концепции внешней политики России об общем духовно-нравственном знаменателе, необходимом для подлинного объединения усилий международного сообщества, «который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие»¹⁵.

Сообразно своему веку ни Н.Ф. Федоров, ни даже К.Э. Циолковский не могли выразить свои идеи на языке кибернетики, бионики, генной инженерии и нанотехнологий. Но на доступном им научном языке они верно формулировали поставленную задачу, считая возможным и необходимым «создать центры, которые изучали бы научно-технические приемы... управления всеми молекулами и атомами внешнего мира так, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить, т. е. сложить в тела отцов...»¹⁶.

Идеи Н.Ф. Федорова и других русских космистов даже в XXI в., когда наука расшифровала геном человека и все более широкое распространение получает практика биологического копирования млекопитающих, представляются достаточно смелыми. Что же говорить о конце XIX в., когда они были написаны? Клеймо мистика на долгие десятилетия отгородило философа-праведника от всех возможных направлений в философии, науке, политике и религии, хотя преемственность его школы никогда не пресекалась.

В 60–70-е гг. XX в., в частности, группа энтузиастов во главе с подвижником отечественной науки кандидатом биологических наук Л.В. Комаровым основала секцию по изучению возможностей искусственного увеличения видовой продолжительности жизни людей (ИПРОЖ). В рамках секции удалось провести два всесоюзных симпозиума по данной проблеме.

На Втором симпозиуме, состоявшемся в Институте общей генетики Академии наук под патронажем академика Н.П. Дубинина в самом конце 1980 г., автор данной статьи был приглашен представить доклад о международных аспектах исследований в данной области. В докладе, в частности, была высказана гипотеза, что в качестве методологической основы решения научных проблем, необходимого для искусственного увеличения видовой продолжительности жизни людей, должна быть принята концепция биологически бессмертного человека как материального носителя новой формы движения материи¹⁷.

Высказанная гипотеза не получила и не могла получить развития, так как находилась в диаметральной противоречии с офи-

циальной советской философией того периода. В то же время на Западе к концу XX в. была предпринята интересная попытка синтеза различных национальных элитарных школ в философско-этическом направлении трансгуманизма, в основу которого положен тезис о возможности и необходимости совершенствования Homo sapiens как биологического вида.

Не преуменьшая вклада западных ученых в развитие концепции современного естествознания, целесообразно подчеркнуть «русскую родословную» их представлений о будущем человека и человечества. При этом мы имеем в виду две прикладные задачи. Во-первых, повышение авторитета России на международной арене, формирование имиджа нашей страны как одного из мощных оплотов культуры и духовности мировой цивилизации. Во-вторых, подчеркивание родства и общности общечеловеческого исторического наследия мирового сообщества в целом.

Русский космизм не является исключением в мировой науке. Скорее следует подчеркнуть, что это «умонастроение» является «русским пластом» в общем осознании научно-технического прогресса мировой интеллектуальной элитой. В разные исторические эпохи и в разных частях света к этой элите принадлежали И. Гёте, А. Эйнштейн, П. Тейяр де Шарден, К. Ясперс, Дж. Неру, Д. Руми, Чэнь Ю, Мирза Хусейн Али Нури и многие другие ученые, мыслители, художники, политики, деятели культуры и священнослужители.

Это дает основание полагать, что объединение усилий представителей национальных школ космического мышления позволит сформировать единое общечеловеческое мировоззрение как идеологическую основу усиления управляемости миром. А необходимость в этом ощущается все более остро. В современной науке достаточно распространено мнение, что человечество вступило в эру кардинальных перемен. Эти перемены связаны с глобализацией и возникновением целого ряда глобальных проблем, угрожающих самому существованию земной цивилизации.

Как говорилось в докладе специалистов Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, подготовленном еще в 1995 г., непременным условием вхождения России в мировое сообщество является ее участие в выработке общих подходов к решению глобальных проблем, которые с каждым годом все более грозно надвигаются на человечество. Рост народонаселения на земном шаре опережает расширение возможностей его жизнеобеспечения. Возрастание потребностей производства и потребления обгоняет развитие альтернативных

ресурсов взамен быстро истощающихся источников сырья и энергии. Промышленный и научно-технический прогресс оборачивается катастрофическим ухудшением состояния среды обитания на нашей планете.

А между тем эти вызовы поистине вселенского масштаба не получают адекватного ответа. Практические действия государств, даже когда они предпринимаются на скоординированной основе, по своему характеру, объему и темпам явно не соответствуют неминуемо нарастающим глобальным угрозам. Сроки их перерастания в критическую фазу представляются, вольно или невольно, как достаточно отдаленные, а приоритетность отдается решению неотложных задач сегодняшнего дня. Даже самые благополучные, богатые государства скупно выделяют средства для предотвращения всеобщих бедствий, не говоря уже о менее обеспеченных странах. Преобладает стремление обезопасить прежде всего себя в пределах своей национальной территории, в лучшем случае – в пределах региона. Недостает ощущения общей ответственности за сохранение и продолжение самой жизни на Земле.

Такова реальность, и едва ли можно ожидать коренных изменений в прогнозируемой перспективе, несмотря на прогрессирующее обострение глобальных проблем. Инерция вялого и несогласованного реагирования на них может оказаться сильнее рациональных побуждений к эффективным совместным действиям даже в чрезвычайных ситуациях. «Потребуется, вероятно, возникновение непосредственной и неотвратимой угрозы (вместо нынешней “ползучей опасности”) катаклизмов гигантского размаха, чтобы решение глобальных проблем превратилось на деле в приоритетное направление международного сотрудничества. Но тогда может оказаться поздно»¹⁸.

Это предупреждение российских ученых возымело свое действие, в мире ширится понимание специфичности нашего времени как особого периода человеческой истории, когда условием выживания может стать преобразование самого человека как биологического вида homo sapiens. Для этого, однако, необходимы новое миропонимание, выход за ставшие узкими национальные государственные границы, формирование единой мировой политической и интеллектуальной элиты, которая повела бы за собой человечество.

Этот императив нашел, в частности, понимание в новой редакции концепции внешней политики России, в которой, в частности, подчеркивается значение опыта основных мировых религий в формировании мировоззренческих и нравственных устоев общества¹⁹. Заметим при этом, что при всем положительном воздействии клира

и духовенства церковь не обладает монополией на нравственность и духовность. В их понятии Н.Ф. Федоров до сих пор является «еретиком». Между тем концепция «общего дела» служащего Министерства иностранных дел России – важный востребованный в современную эпоху резерв «мягкой силы» российской внешней политики.

Примечания

- 1 Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 20.02.2013). П. 21.
- 2 Послание президента Федеральному собранию 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://news.kremlin.ru/news/17118/print> (дата обращения: 25.12.2012).
- 3 См.: *Баевский В.* Наша университетская наука (Знамя. 2007. № 2) [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/2/ba12.html> (дата обращения: 01.05.2013).
- 4 *Кременюк В.А.* Шансы и ресурсы российской державности [Электронный ресурс] // Международные процессы: Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2012. Январь–апрель. Т. 10. № 1(28). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/05.html> (дата обращения: 03.02.2013).
- 5 Выступление Президента России В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://news.kremlin.ru/news/15902> (дата обращения: 03.09.2012).
- 6 См.: *Легасов В.А.* Из сегодня – в завтра: Мысли вслух // Правда. 1987. № 25265. 5 окт.
- 7 *Циолковский К.Э.* Грезы о Земле и небе: Научно-фантастические произведения. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. С. 421.
- 8 *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 299.
- 9 *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела: Статьи, мысли и письма. Т. 1. Верный, 1906. С. 656–668.
- 10 Там же. С. 663.
- 11 Там же. С. 665.
- 12 Там же. С. 53, 58.
- 13 См.: *Рильке Р.М.* Рассказы о Господе Боге [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/POEZIQ/RILKE/skazki.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 04.03.2013).

- ¹⁴ Циолковский К.Э. Указ. соч. С. 424.
- ¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. П. 21.
- ¹⁶ Федоров Н.Ф. Указ. соч. С. 442.
- ¹⁷ Пряхин В.Ф. Место проблемы искусственного увеличения видовой продолжительности жизни в марксистской классификации наук // Искусственное увеличение видовой продолжительности жизни. II симпозиум. Москва, 8–10 декабря 1980 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. акад. Н.П. Дубинин. М.: Наука, 1980. С. 44. Перевод тезисов доклада на английский язык был опубликован бельгийским ученым Германом Ле Контом [Herman Le Compte] в журнале «Реджувенейшн». См.: *Pryakhin V.F. The place of the problem of the artificial prolongation of the specific lifespan in the Marxist classification of sciences // Rejuvenation. Official Journal of the International Association of the Artificial Prolongation of the Human Specific Lifespan. 1982. April. Vol. 10. № 2. P. 39.*
- ¹⁸ Россия в системе международных отношений ближайшего десятилетия: Доклад по итогам прогностического исследования, проведенного в рамках инициативного научного проекта при финансировании Российским фондом фундаментальных исследований. М.: Издание Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук, 1995. С. 58.
- ¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. П. 21.

Н.С. Самаркина

СТРАТЕГИИ И ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБОРОННОГО СЕКТОРА РФ

В данной статье автор ставит своей целью проанализировать эволюцию существующих концепций и программ развития российского оборонного сектора. Поставленная цель предполагает выполнение следующих задач: анализ военно-доктринальных документов (прежде всего Военных доктрин 2000 и 2010 гг.), изучение ключевых проектов развития армии и оборонной промышленности РФ.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, военная реформа, безопасность.

В течение 2000–2003 гг., впервые в истории РФ как суверенного государства был принят целостный и логически последовательный набор документов в области политики безопасности и внешней политики: «Военная доктрина РФ» (2000 г.); Концепция национальной безопасности РФ (2000 г.); Указ Президента РФ «Основы государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2010 года» (2002 г.); доклад министра обороны РФ «Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации» (2003 г.) и т. д.

Особое место в данном ряду принадлежит Военной доктрине 2000 г.¹, в которой рассматриваются ключевые вопросы, связанные с целями и задачами политики России в области безопасности. Как указывается в данном документе: «Военная доктрина Российской Федерации представляет собой совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности Российской Федерации»².

В Доктрине 2000 г. охарактеризована военно-политическая обстановка в мире, подчеркиваются те изменения, которые произошли после окончания холодной войны. Выделяются новые факторы, воздействующие на ситуацию, такие как: «снижение опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной; формирование и укрепление региональных центров силы; усиление национального, этнического и религиозного экстремизма; активизация сепаратизма; распространение локальных войн и вооруженных конфликтов; усиление региональной гонки вооружений; распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки; обострение информационного противоборства»³.

В Доктрине указывается, что США и военно-политический блок НАТО способны представлять реальную угрозу безопасности РФ. Вместе с тем подчеркивается: «В современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена благодаря позитивным изменениям международной обстановки, проведению нашей страной активного миролюбивого внешнеполитического курса, поддержанию на достаточном уровне российского военного потенциала, прежде всего потенциала ядерного сдерживания»⁴.

Военная доктрина 2000 г. определила стратегический курс и последовательность действий российского руководства для обеспечения национальной безопасности страны. Доктрина определяет приверженность России нормам международного права и мирным способам урегулирования конфликтов. В ней отмечается, что «Российская Федерация последовательно и твердо добивается создания эффективной системы политических, правовых, организационно-технических и иных международных гарантий недопущения вооруженных конфликтов и войн»⁵.

Из содержания Доктрины явствует, что Российская Федерация не ставит перед собой каких-либо агрессивных целей, направленных на изменение сложившегося status quo на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо ином регионе мира. Миролюбивые положения Доктрины 2000 г. не оставляют сомнений в ее оборонительном характере. Политика Российской Федерации в области безопасности в начале XXI в. базировалась на принципе оборонной достаточности.

В 2010 г. была принята новая Военная доктрина. Анализ ее содержания указывает на сохранение ранее заявленных приоритетов российской политики в области безопасности. На это прямо указывают и составители данного документа: «В Военной доктрине учитываются основные положения Военной доктрины Российской

Федерации 2000 г., Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г...»⁶.

Обращают на себя внимание некоторые отличия Доктрины 2010 г. от своей предшественницы. Во-первых, более жесткий стиль и прямые указания на страны – источники потенциальной угрозы для национальной безопасности России. Военная доктрина составлялась под влиянием недавнего кавказского кризиса. Военные действия в Южной Осетии в августе 2008 г. сопровождалась жестким противостоянием России и США в области информационной войны. Продемонстрировав свою способность открыто защищать государственные интересы страны в условиях открытого массированного противодействия Запада, российское руководство подчеркнуло ее и в тональности новой Военной доктрины.

За истекшее десятилетие подверглись определенной коррекции основные направления российской политики в сфере обеспечения безопасности. Подчеркивая свою приверженность идее многополярного мира, Россия активизировала взаимодействие с другими формирующимися полюсами, нарождающимися новыми центрами силы. Военная доктрина 2010 г. постулирует необходимость «...расширения круга государств-партнеров и развитие сотрудничества с ними на основе общих интересов в сфере укрепления международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН и другими нормами международного права». Речь идет о новых форматах сотрудничества, таких как ШОС и БРИК, в рамках которых партнерами РФ становятся такие государства, как Бразилия, Индия, Китай.

Отсюда в концепции прослеживается стремление выстроить сбалансированную систему обеспечения безопасности, предусматривающую взаимодействие со всеми ключевыми игроками. При этом особое внимание по-прежнему уделяется постсоветскому пространству. Ставится задача «...укрепления системы коллективной безопасности в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и наращивания ее потенциала, усилении взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), развитию отношений в этой сфере с другими межгосударственными организациями (Европейским союзом и НАТО)»⁷.

Таким образом, Военная доктрина 2010 г. стремится вписать интересы национальной безопасности России в меняющийся международный контекст, гарантировать национальные интересы страны перед лицом старых и новых угроз. При этом неизменными остаются приверженность РФ нормам международного права, стремление обеспечивать свою безопасность на равноправных условиях в отличие от избирательного подхода, который неизменно демонстрируют США. В Доктрине прослеживается готовность учитывать интересы других влиятельных игроков, если это не противоречит национальным интересам РФ. Из заявленного подхода явствует стремление России обеспечить свое дальнейшее существование в качестве одного из влиятельных центров силы в мировой политике.

От анализа военно-доктринальных документов перейдем к рассмотрению программ развития оборонного сектора. Отметим в этой связи, что на протяжении первых лет после крушения СССР Россия сохраняла статус военной державы № 2 в мире. Накопленные в советский период запасы вооружения и военной техники по-прежнему играли ключевую роль в обеспечении обороноспособности страны. Вместе с тем все более настоятельной становилась потребность в проведении военной реформы, реорганизации армии, приведении ее в соответствие с новыми требованиями обстановки. Постепенное устаревание имеющегося военного потенциала ставило вопрос о необходимости его обновления, перевооружения на новые образцы техники. Обозначилось растущее отставание России от ведущих стран Запада в области НИОКР, разработки перспективных систем вооружений⁸.

В 1990-е гг. российская армия переживала состояние глубокого кризиса. Возник зияющий разрыв между размерами Вооруженных сил (2,9 млн чел. в 1991 г.) и возможностями их финансирования в условиях нарастающих экономических трудностей. На фоне огромных экономических трудностей и политической нестабильности шло поступательное сокращение военных расходов. Они сократились с 5,6% ВВП в 1994 г. до 2,34% в 1999 г. Параллельно уменьшалась и численность армии – до 1,2 млн чел. в 1999 г.⁹ При этом выделявшихся на оборону средств было абсолютно недостаточно даже для этого сокращенного количества. Резкое сокращение закупок новых видов вооружения обернулось глубоким кризисом оборонной промышленности и растущим техническим отставанием российской армии. Необходимость экономить на подготовке и содержании военнослужащих вела к моральному упадку и снижению боеспособности Вооруженных сил.

Начиная с 2000 г. российская экономика вступила в фазу подъема, что сопровождалось быстрым ростом доходов государственного бюджета, главным образом благодаря высоким ценам на энергоносители. По мере укрепления финансово-экономических позиций страны российское политическое руководство стало постепенно увеличивать объем оборонных ассигнований.

В первом десятилетии XXI в. на национальную оборону ежегодно выделялось 2,6–2,8% ВВП, или 15–16% расходов федерального бюджета. Например, в 2007 г. эти цифры составили соответственно 2,6% ВВП и 15% бюджетных расходов¹⁰. Устойчивость этого показателя позволяет экспертам говорить о негласном консенсусе, сложившемся во властных структурах, политической элите и стратегическом сообществе России по вопросу о необходимом уровне расходов на оборону¹¹. При этом быстрый рост федерального бюджета позволил увеличить финансирование в абсолютных цифрах с 93,7 млрд руб. (1999 г.) до 821,2 млрд руб. (2007 г.).

Стабилизация политической ситуации в стране и улучшение экономического положения позволили приступить к давно откладываемой военной реформе Вооруженных сил. Ее основной целью является приведение их состояния в соответствие с изменившимися военными потребностями РФ и имеющимися экономическими ресурсами для их обеспечения. Содержанием военной реформы согласно законопроекту Государственной Думы, принятому 2 декабря 1998 г., должен был стать комплекс политических, экономических, правовых, военных и военно-технических, социальных и иных мер, направленных на качественное преобразование Вооруженных сил РФ в целях обеспечения достаточного уровня обороны государства с приемлемыми затратами¹².

В основе военной реформы лежал ряд принципов, среди которых в качестве основных можно выделить следующие:

1. Необходимость пожертвовать количеством – численностью личного состава, соединений, оружия и объектов военной промышленности ради гораздо более высокого качества. Это предполагает более совершенные оружие и технику, обеспечение жильем и высокий материальный уровень жизни военнослужащих, воинскую подготовку личного состава и боеготовность, эффективность материального содержания и снабжения, систем управления и связи и сбора информации. В конечном итоге это предполагает необходимость перехода от массовой армии, формируемой на основе воинской обязанности, к более компактным добровольным / профессиональным силам, способным вести войну нового типа.

2. Переориентация Вооруженных сил с подготовки к глобальным широкомасштабным войнам на действия в условиях локальных региональных конфликтов значительно меньшего масштаба и интенсивности. При этом основное внимание переключается с традиционного западного (европейского) направления на южное (Закавказье и Центральная Азия)¹³.

Реализация основных положений военной реформы столкнулась со значительными сложностями. Основное противоречие было связано с объемом военного бюджета, относительный размер которого оставался стабильным с конца 1990-х гг., и численностью российских Вооруженных сил. Несмотря на абсолютный рост ассигнований, в 2007 г. размер оборонных расходов РФ (порядка 25 млрд дол. по коммерческому курсу) оказывался сопоставим с аналогичными расходами такой страны, как Италия. Но при этом итальянская армия насчитывала 200 тыс. человек, в то время как российская – 1,1 млн человек¹⁴.

Существующее противоречие политическое и военное руководство пыталось разрешить путем ряда компромиссных действий. Были предприняты шаги по дальнейшему сокращению численности армии, и прежде всего ее непомерно раздутого высшего управленческого звена. Особенно решительные действия в этом направлении последовали начиная с 2009–2010 гг. В конечном итоге российская армия должна сократиться до 800–850 тыс. человек, что является уже нижним пределом, допустимым для нужд обороноспособности РФ и поддержания статуса великой державы¹⁵.

Кроме того, стало очевидным несоответствие призывной системы комплектования армии. Новейшая военная техника и боевые операции нового типа предполагают существенное повышение профессионального уровня военных, который способна дать только служба по контракту. К этому подталкивают и катастрофический масштаб «дедовщины», преступности, самоубийств и смертности в результате несчастных случаев в армии.

В поисках выхода была сделана ставка на формирование внутри вооруженных сил специальных частей постоянной боевой готовности (ЧПГ) – элитной армии численностью примерно 150–200 тыс. человек¹⁶. Для остального состава армии была сохранена система призыва, что объяснялось уже не идеологическими (как в 1990-е гг.), а чисто экономическими причинами. В результате произведенных изменений личный состав российской армии в 2009–2010 гг. стал состоять на 40% из офицеров, на 30% из рядовых-контрактников и на 30% из солдат срочной службы.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие *выводы*:

1. После образования РФ как независимого государства ее военная доктрина на протяжении 1990-х гг. находилась в состоянии становления. В первом десятилетии XXI в. произошло концептуальное оформление военно-доктринальных установок России. В Военной доктрине 2000 г. и ее новой редакции 2010 г. были зафиксированы положения, отражавшие стремление РФ к мирному, неидеологизированному разрешению ключевых международных проблем. Доктрины обосновывали особые интересы России на постсоветском пространстве.

2. На протяжении первого десятилетия XXI в. удалось осуществить частичную военную реформу, перейти к принципу смешанного комплектования армии, сформировать небольшое боеспособное ядро. Однако военная реформа еще далеко не завершена. Для ее продолжения и укрепления армии необходимо дальнейшее развитие оборонно-промышленного комплекса, пережившего кризис в период реформ 1990-х гг. Ко второму десятилетию XXI в. российский оборонно-промышленный комплекс оставался носителем противоречивых тенденций. С одной стороны, продолжалось постепенное сокращение числа предприятий военной промышленности, старение производственных фондов и кадров. С другой стороны, выделилась группа компаний, положение которых стало упрочиваться (МПО «Энергия», «РСК МиГ» и др.). Они действуют на критически важных направлениях оборонного производства, получают приоритетное финансирование и активно вовлекаются в процессы международной кооперации и интеграции с участием зарубежных фирм. Очевидно, именно эти компании станут ядром будущего ОПК России в XXI в.

Примечания

¹ Военная доктрина Российской Федерации (21 апреля 2000 г.) [Электронный ресурс] // Россия в меняющейся системе международной безопасности. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00003/00003concept1.htm> (дата обращения: 03.09.2013).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Военная доктрина РФ 2010 г. // Российская газета. 2010. 10 февр.

- ⁷ Там же.
- ⁸ *Буренок В.М., Косенко А.А., Лавринов Г.А.* Техническое оснащение вооруженных сил РФ: организационные, экономические и методологические аспекты. М., 2007. С. 174.
- ⁹ *Арбатов А.* Россия: военная реформа // Ежегодник СИПРИ 1999 г. М., 2000. С. 227.
- ¹⁰ *Дворкин В.* Вооруженные силы России – реформы завершились? // Ежегодник СИПРИ 2006 г. М., 2007. С. 946.
- ¹¹ *Викулов С., Хрусталева Е.* Военная экономика России: научная дисциплина и отрасль производства // МЭМО. 2009. № 7. С. 58.
- ¹² *Арбатов А.* Указ. соч. С. 220.
- ¹³ *Воробьев В.В.* Финансово-экономическое обеспечение оборонной безопасности России: проблемы и пути решения. М., 2003. С. 95.
- ¹⁴ *Дворкин В.* Указ. соч. С. 949.
- ¹⁵ *Макаренко Д.И., Хрусталева Е.Ю.* Концептуальное моделирование военной безопасности государства. М., 2008. С. 110.
- ¹⁶ *Викулов С., Хрусталева Е.* Указ. соч. С. 58–59.

С.А. Гаврилюк

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН СНГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением терроризма как явления на территории стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и в этом контексте – обеспечения безопасности стран Содружества и Таможенного союза, организация мер противодействия терроризму на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, обеспечение безопасности, взаимодействие стран СНГ, субъекты антитеррористической деятельности, государственная система противодействия (ГСП) терроризму.

Необходимость дальнейшей активизации борьбы с национальным и международным терроризмом сегодня стала особенно актуальной¹.

По словам Н. Бордужи, генерального секретаря *Организации договора о коллективной безопасности* (ОДКБ), «сегодня мы можем говорить о том, что явления террористического характера фиксируются почти во всех государствах СНГ. Что касается района Центральной Азии, то значительное количество молодежи из этих государств проходит подготовку в лагерях в Ираке и Пакистане, намереваясь затем вернуться в страны своего происхождения для проведения экстремистской и террористической деятельности. Налицо также рост численности организаций радикального толка, являющихся базой для формирования террористических организаций».

Терроризм в странах СНГ характеризуется следующими признаками: повышением жестокости террористических акций, желанием субъектов террористической деятельности манипулировать поведением людей, снижением роли идеологических принципов и

ростом национализма в международном терроризме; слиянием террористической деятельности с транснациональной преступностью, возрастанием роли исламских и других религиозных факторов.

Для стран СНГ представляют существенную угрозу радикальные мусульманские организации экстремистов, которые планируют создать под своим контролем новые государственные образования на Кавказе и в Центральной Азии. Отмечены попытки вторжения в 1998–2000 гг. незаконных вооруженных формирований на территории Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, в которые вошли представители международных террористических организаций. В марте 2005 г. Верховный суд Республики Казахстан признал террористическими семь международных организаций и запретил их деятельность, в том числе «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которая начала проявлять свою активность с 1998 г., а вся ее деятельность была направлена на насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета, что подрывает национальную безопасность республики.

В 2009–2012 гг. в Республике Казахстан наблюдался всплеск террористической активности, которую правительство оценило как бандитизм и «единичное проявление терроризма», хотя затем был перенесен акцент на «теракты». Однако до сих пор правительство отказывается официально признать существование организованного террористического подполья².

Казахстан вместе с тем не может не признать актуальность такой проблемы, как обучение казахских террористов и их участие в военных действиях за рубежом.

На рост терроризма в странах СНГ в известной степени влияет распространение наркотиков. Так, только в Таджикистане в 2001–2005 гг. было изъято 45 т наркотиков, в том числе 25 т героина поступили из Афганистана.

Террористическими были признаны такие организации, как «Братья-мусульмане», «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва», «Аль-Игаса» (действуют на территории Центральной Азии, на Кавказе); «Комитет мусульман Азии», действующий на территории России и стран Центральной Азии; «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» проявляется в России, Азербайджане, Республике Беларусь, Казахстане, республиках Кыргызстан и Узбекистан, Украине; Благотворительный фонд «Ибрагим бин Абдул Азиз аль Ибрагим» является активным в основном в России; «Акромиду» – религиозное движение, которое характерно в основном для Узбекистана; «Центр исламского развития» проявляется в Кыргызстане; «Адолат уюшмаси» формирует свою собственную

сеть в основном на территории Республики Узбекистан; «Товба» – экстремистское движение, которое существует в Азербайджане, Кыргызстане и Узбекистане.

А в декабре 2012 г. казахский перечень экстремистских и террористических организаций пополнился сайентологами, иеговистами, ахмадийцами, кришнаитами, последователями «Таблиги джамаат» и «Белого братства»³.

Проблемы борьбы с терроризмом остаются актуальными и в свете создания на постсоветском пространстве нового экономического образования – Таможенного союза, в состав которого вошли Россия, Беларусь и Казахстан и в ряды которого планирует войти Киргизия и даже Вьетнам. К 2015 г. данное объединение может трансформироваться в политический союз с соответствующими наднациональными органами, что, как представляется, несомненно, поставит перед террористическими организациями вопрос об организации их деятельности в новых условиях.

Естественно, что руководители стран Таможенного союза должны быть готовы к новым вызовам терроризма.

К тому же следует учитывать, что создание Таможенного союза без особого энтузиазма воспринимается на Западе и можно ожидать определенного противодействия со стороны западников реализации подобных планов. Не исключено, что террористы своими действиями могут сыграть «на руку» Западу.

Необходимость обеспечения должного противодействия террористам вынуждает силовые структуры государств СНГ проявлять готовность к более тесной кооперации, обмену актуальной информацией, подготовке спецопераций, совместным действиям, к которым они ранее не были готовы. А именно, к выявлению очагов террористической опасности, проникновению в страну контрабандных наркотиков, оружия, а также к противодействию организации «цветных» революций, формированию через информационные каналы TV и прессу антидемократических настроений, направленных на дестабилизацию обстановки в стране⁴.

В современных условиях важным направлением обеспечения действенной борьбы с терроризмом в странах СНГ является формирование соответствующей нормативно-правовой базы. Ряд шагов в этом направлении уже сделан.

Так, правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в рамках стран СНГ определены модельным Законом «О борьбе с терроризмом», принятым Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ 17 апреля 2004 г., и Законом «О противодействии финансированию террористической деятельности» 2005 г.

Правительство РФ определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет, в области противодействия терроризму; организует разработку и осуществление мер по предупреждению терроризма и минимизированию и/или ликвидации последствий проявлений терроризма; организует обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по противодействию терроризму необходимыми силами, средствами и ресурсами.

В соответствии с Указом Президента РФ «О мерах по противодействию терроризму» от 16 февраля 2006 г. был создан Национальный антитеррористический комитет.

Одновременно государствами (Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Туркменистан) приняты законы «О борьбе с терроризмом».

Из всего вышеизложенного можно сделать предварительный вывод, что политическая ситуация внутри этих стран и их экономическое положение находятся далеко за пределами стабильности. Данное обстоятельство может быть использовано террористическими организациями, и задача России состоит не только в укреплении своих территориальных рубежей, но и в том, чтобы предусмотреть защиту своего государства с учетом изменения границ в рамках общего транспортно-экономического пространства стран СНГ, Таможенного союза и Евразийского экономического союза.

Обеспечение безопасности территории стран СНГ антитеррористическими блоками в условиях отсутствия стабильных, законодательно оформленных отношений между странами, граничащими друг с другом, в полной мере в настоящий момент не представляется возможным.

Таким образом, наиважнейшей задачей в целях организации международной и национальной безопасности стран СНГ и ближнего зарубежья является максимальное ослабление влияния террористических организаций на политическую и социально-экономическую ситуацию стран. В этой связи обеспечение консолидации деятельности силовых органов СНГ на основе подписанных к этому времени соглашений между ними есть серьезная стратегическая межнациональная задача. Главная роль здесь отводится России, потому что только Россия способна в короткие сроки предоставить действенную программу по обеспечению взаимодействия стран (социально-политическому, законодательному, силовому) в создании

Единого центра по противодействию глобальной угрозе – угрозе терроризма. Только Россия, с ее многолетним опытом объединения многонациональных культур и традиций в рамках бывшего СССР, способна поделиться архиважными знаниями уважения национального этноса и традиций, братства и вековой дружбы народов, разрушить которые не удалось и спустя 20 лет.

В этой связи важно проработать упреждающие меры по борьбе с причинно-следственными факторами, вести разъяснительную работу с молодежью, используя опыт и законы, – противостоять и противодействовать террористическим организациям.

Для борьбы с терроризмом в России были созданы спецподразделения: в 1974 г. группа «Альфа», в 1981 г. – группа «Вымпел» (предшественники – группы «Зенит» и «Каскад»). Их задачами было противодействие организованному терроризму, освобождение заложников, проведение спецопераций в Афганистане, создание действенного силового блока, способного противостоять силам террора.

Активизировались контакты ОДКБ с ООН (Организацией Объединенных Наций). В апреле 2011 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун принял участие в заседании Постоянного совета при ОДКБ.

В своем выступлении он подчеркнул заинтересованность ООН в развитии взаимодействия с ОДКБ в борьбе с терроризмом и наркотрафиком. В ООН распространено заявление глав государств-членов ОДКБ по проблеме наркоугрозы, исходящей из Афганистана. Расширением связи ОДКБ с контртеррористическим комитетом Совета Безопасности (СБ) ООН и Управлением ООН по наркотикам и преступности явилось подписание протокола о сотрудничестве между секретариатом ОДКБ и Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС), который будет способствовать активизации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, финансированием терроризма за счет средств, полученных от незаконного оборота наркотиков и трансграничной преступности.

Следует отметить и еще одно важное направление совместной работы стран ОДКБ в борьбе с терроризмом на постсоветском пространстве. Это регулярное взаимное информирование о военно-политической обстановке, о тех или иных террористических угрозах, обмен оперативной и обобщенной информацией о конкретных обстоятельствах, вызывающих опасения или принятие срочных действий.

Динамично развивается антитеррористическое направление коллективных усилий ОДКБ. Прорабатывается важнейшее совместное мероприятие – оперативно-профилактическая операция «Канал» по борьбе с наркотрафиком. К настоящему времени в ее рамках отрабатываются задачи не только по отражению афганской наркоэкспансии, но и по борьбе с утечкой прекурсора в нелегальный оборот, по пресечению торговли синтетическими наркотическими средствами и по противодействию легализации наркотиков. Спектр охвата операции давно перешел от целей регионального значения к участию в решении глобальных задач по противодействию наркобизнесу. В ООН операцию «Канал» признали одной из самых успешных и эффективных в сфере глобальной борьбы с наркотиками⁵. ОДКБ проводит также операцию «Нелегал» по противодействию нелегальной миграции.

В настоящее время Россия как самостоятельное государство, так и в рамках стран СНГ ведет большую работу по объединению всех сил в сфере борьбы с терроризмом внутри страны и на международном уровне (глобальном, региональном, национальном). 20 лет независимости позволили государствам СНГ активизировать связи с мировым сообществом, более активно включиться в мировую экономику и установить связи в финансовой сфере, участвовать в антитеррористических программах. Примером служит деятельность Антитеррористического центра Союза Независимых Государств (АТЦ СНГ). В ноябре 2004 г. благодаря его усилиям состоялась Международная научно-практическая конференция «Использование современных и перспективных информационных технологий и методик в интересах специальных подразделений в борьбе с терроризмом», на которой отмечена необходимость координации работы всех национальных спецслужб и правоохранительных органов. Налажено международное сотрудничество с Контртеррористическим комитетом и Управлением по наркотикам и преступности ООН, с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Проводятся совместные операции, учения спецслужб различных стран Содружества⁶.

Весомый вклад в дело сплочения усилий государств СНГ в борьбе с общественно опасными формами проявления различного рода экстремизма вносят совместно проводимые антитеррористические учения. Они проводятся ежегодно одним или несколькими государствами. Их целью является выработка и реализация алгоритмов по предупреждению террористических акций и/или минимизация

их последствий. Учения проводятся с 2003 г., в процессе которых осуществляется обмен опытом и наработанными методиками.

По оценке силовых структур стран СНГ, в настоящее время и на обозримую перспективу терроризм остается одной из глобальных угроз миру и безопасности человечества. Сложность и жестокость этого феномена требуют обобщенного подхода, сочетающего силовые, политико-дипломатические, экономические и гуманитарные действия. Необходимо создать гибкую систему, которая могла бы обеспечивать одновременно как профилактику терроризма и других новых вызовов и угроз, так и адекватные меры по урегулированию возникающих кризисных ситуаций, связанных с терроризмом.

Мероприятия, осуществляемые государственной системой в целях борьбы с терроризмом и его предотвращения, представляют широкий комплекс взаимосвязанных мер, имеющих целью искоренение терроризма как разрушительного и опасного явления. Таковыми являются разведывательные, контрразведывательные, оперативно-розыскные, административно-правовые, специальные и войсковые меры, а также организационно-управленческие меры по информационно-аналитическому обеспечению операций и мероприятий по борьбе с терроризмом.

Контроль и руководство в вопросах по осуществлению и применению комплекса мер по борьбе с терроризмом в странах СНГ осуществляется государственной системой противодействия (ГСП) терроризму и субъектами антитеррористической деятельности. Целью ГСП является определение основных направлений государственной стратегии, координирование деятельности по противодействию терроризму, осуществляемой органами исполнительной власти, а также организация и обеспечение их необходимыми силами и средствами.

Субъектами антитеррористической деятельности являются определяемые национальным или межнациональным законодательством государственные органы, участвующие в борьбе с терроризмом, главным образом специальные, силовые блоки, контрразведывательные и разведывательные органы, органы внутренних дел, министерства обороны, пограничные службы.

Каждая страна Содружества имеет свой опыт антитеррористической деятельности, который постоянно накапливается и корректируется в ходе практической работы по противодействию терроризму.

В целях контролирования миграционных потоков на территории постсоветского пространства был создан Совет руководителей миграционных органов государств-участников СНГ, по инициативе которого руководителями миграционных ведомств

была разработана Конвенция по защите прав трудовых мигрантов на пространстве СНГ. Этот важный документ был принят примерно два года назад. На основании названной конвенции предприняты шаги по защите прав трудовых мигрантов, в том числе по защите социальных прав и здоровья мигрантов. Одновременно рассматриваются меры по усилению борьбы с терроризмом. Прорабатываются и закрепляются соглашениями между странами СНГ условия визовых отношений и перемещений мигрантов, а также сбора информации по их местонахождению и проживанию. Данными мерами крайне необходимо, с одной стороны, упростить процесс, придерживаясь, однако, принципов равноправия для всех граждан СНГ, а с другой – создать возможность специальным исполнительным органам для сбора, контроля и хранения данных о гражданах, передвигающихся по территории постсоветского пространства и за рубеж, а также о целях и намерениях таких передвижений, что позволит в конечном счете своевременно реагировать субъектам антитеррористической деятельности на возможные террористические действия организованных формирований.

Подводя итог вышеизложенному, можно смело утверждать, что успех в борьбе с терроризмом на постсоветском пространстве, в том числе на территории стран Содружества и Таможенного союза, будет всецело зависеть от степени координации деятельности между государственными системами противодействия терроризму и субъектами антитеррористической деятельности – силовыми структурами стран СНГ, объема выделяемых средств на эти цели, согласованности действий, минимизации влияния политики «двойных стандартов» в противодействии терроризму, а главное – от нормализации социально-экономической и интеграционной ситуаций в республиках бывшего СССР. Безусловно, успех совместной борьбы с терроризмом на постсоветском пространстве во многом будет зависеть от готовности бывших республик Советского Союза идти на действительную интеграцию с Россией.

Примечания

-
- ¹ МИД РФ выразил обеспокоенность в связи с развитием сирийского конфликта [Электронный ресурс] // Официальный сайт журнала «Внешнеэкономические связи России». URL: <http://www.eer.ru/a/article/1367909764/mid-rf-vyrazil-obespekennost-v-svyazi-s-razvitiem-siriyskogo-konflikta> (дата обращения: 08.08.2013).

- ² *Сексембаева С. В* Казахстане нет терроризма [Электронный ресурс] // Информационное агентство Zakon.kz. URL: <http://www.zakon.kz/4510207-v-kazakhstan-net-terrorizma-ertysbaev.html> (дата обращения: 08.08.2013).
- ³ В соответствии с ч. 5 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» *Решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. признаны террористическими и запрещена деятельность на территории Российской Федерации* следующих организаций: «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «База» («Аль-Каида»), «Асбат аль-Ансар», «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»), «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Лашкар-и-Тайба», «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»), «Движение Талибан», «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»), «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»), «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»), «Дом двух святых» («Аль-Харамейн»). *Решением Верховного суда Российской Федерации от 2 июня 2006 г. (на основании Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»)* признаны террористическими и запрещена деятельность на территории Российской Федерации организаций: «Джунд аш-Шам», «Исламский джихад – Джамаат моджахедов». *Решением Верховного суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. (согласно Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»)* признана террористической и запрещена деятельность на территории Российской Федерации организации: «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (прежнее название – «Салафистская группа проповеди и джихада»). *Решением Верховного суда Российской Федерации от 8 февраля 2010 г. (Согласно Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»)* признаны террористическими и запрещена деятельность на территории Российской Федерации организации «Имарат Кавказ». Верховным судом Казахстана от 2006 г. (на основании действующего законодательства) были признаны террористическими организации: «Аль-Каида», «Талибан», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Курдский народный конгресс», «Исламское движение Узбекистана», «Хизб ут-Тахрир». *Решением Первомайского районного суда столицы Кыргызстана от 12 октября 2012 г. на основании постановления Правительства Кыргызской Республики «О мерах по реализации Закона Кыргызской Республики “О противодействии терроризму и финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем” от 5 марта 2010 г. № 135)* были признаны террористическими 8 организаций: «Движение Талибан», «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Курдский народный конгресс»

(«Конгра-Гель»), «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламская партия Туркестана» («Исламское движение Узбекистана»), «Группа джихада» («Союз Исламского джихада»), «Организация освобождения Восточного Туркестана».

- ⁴ *Выборнов В.Я.* Терроризм и глобализация // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2003. С. 21.
- ⁵ *Егоров И.* Найти и уничтожить: Россия предложила мировому сообществу кардинальные меры против афганской наркоугрозы // Российская газета. 2010. № 5204 (125). 10 июня.
- ⁶ *Мрищук А.А.* Политические механизмы противодействия внешним угрозам национальной безопасности России // Право и безопасность. 2009. № 4. С. 23.

Э.А. Ермилова

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ НА ТЕРРИТОРИИ США ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА

В статье проводится анализ мер по противодействию терроризму на территории США после событий 11 сентября 2001 г. Основным приоритетом США после террористических атак стало усиление мер внутренней безопасности.

Ключевые слова: Контртеррористическая стратегия США, Патриотический акт, Гуантанамо, антитеррористическая концепция Б. Обамы.

События 11 сентября 2001 г. стали своего рода поворотным моментом, вехой в истории американского народа. Это самый крупный террористический акт в США, в их политической истории. Данная трагедия негативно отразилась не только на гражданах Америки, она заставила задуматься все мировое сообщество о своей уязвимости перед лицом международного терроризма. Мир столкнулся со структурированной организацией, способной противопоставить себя ведущим мировым державам.

В американской правовой системе существует множество законов, нормативных актов и прецедентов, предоставляющих компетентным органам правовую базу для борьбы с терроризмом и экстремизмом. Еще в 1979 г. США начали вести список государств, которые, по их мнению, оказывают поддержку международному терроризму. В отношении данных государств могут применяться в одностороннем порядке карательные санкции без одобрения ООН и других международных организаций, а американским компаниям запрещается вести какую-либо торговую деятельность с государствами, занесенными в этот список. Однако, несмотря на это, до событий 11 сентября в США отсутствовал

единый контртеррористический план действий и сама контртеррористическая стратегия.

Американские военно-стратегические концепции формировались исходя из определения двух понятий: опасности, которая может угрожать США в будущем, и непосредственной угрозы, которую необходимо предотвратить. Понятие терроризма фигурировало, однако не было разработано структурированной политики для противодействия террористическим организациям, так как основные усилия направлялись на обеспечение военного превосходства США, а также политики «сдерживания» потенциальных конкурентов на международной арене. До терактов 11 сентября в американской политической жизни господствовала концепция лидерства, подразумевающая необходимость наращивания военной мощи в сочетании со стратегическим партнерством. Позднее эта концепция подверглась критике за излишнюю «мягкость» со стороны республиканцев, пришедших к власти^{1,2}.

В январе 2001 г. был разработан межведомственный план действий по предотвращению терроризма на территории США (CONPLAN), где говорилось об обязанностях государственных структур выявлять и пресекать террористическую активность на территории США³. Данный документ был единственным, способным претендовать на стратегию по борьбе с терроризмом в США. Он имел явно односторонний характер и пренебрегал ролью ООН и НАТО, рассматривая борьбу с террором как исключительную прерогативу национальных властей.

После событий 11 сентября принципиально меняется подход к террористической проблематике. Администрацией президента были пересмотрены основные угрозы, врагами были признаны такие ранее недооцененные группировки, как «Аль-Каида» и «Талибан». В так называемую «ось зла» вошли потенциально неблагонадежные государства, способствующие распространению радикальных течений на своей территории: Иран, Ирак, Сирия, Северная Корея. В антитеррористической стратегии США силовой фактор стал представляться более результативным, чем правовой. Подобное мнение прочно укоренилось в сознании американцев и правящих кругов.

Большинство контртеррористических мер было направлено на физическое устранение террористов, а не на совершенствование правовой системы для обеспечения внутригосударственной безопасности. Еще задолго до событий 11 сентября в США был принят ряд постановлений, допускающих вторжение на территорию других государств для уничтожения там террористических группировок или их союзников. Было также возможно проводить расследования

совершённых преступлений и применения вооруженных сил США против государств, где находились террористы⁴. Одним из основных этапов в ходе борьбы с терроризмом служит применение ряда комплексных мер для ограничения мобильности террористических организаций и возможностей получения ими поддержки извне.

После терактов в Нью-Йорке для Вашингтона было важно структурировать все основные государственные и общественные институты для обеспечения слаженных действий в «войне с террором». Первой реакцией на события администрации Дж. Буша стал приказ президента № 13224. Основной целью на данном этапе являлось предотвращение любой возможности финансирования террористических организаций и их союзников. В соответствии с данным приказом были расширены полномочия министерства финансов по блокированию активов и сделок в США физических и юридических лиц, связанных с террористической деятельностью, а также опубликован список лиц, в отношении которых данный указ должен быть применен в первую очередь⁵. Министерству было предоставлено право закрывать доступ на американский рынок тех иностранных банков, которые отказываются сотрудничать в замораживании финансовых средств террористов.

Такой подход представляется весьма действенным, но необходимо также учитывать, что данная мера распространяется и на руководителей финансовых институтов, расположенных за пределами США, что вызывает негативную реакцию со стороны государств пребывания данных финансовых институтов⁶. Одновременно на внутригосударственном уровне администрация президента направила свои силы для укрепления своих властных полномочий, постепенно ограничивая права и свободы граждан. Патриотический акт, обнародованный в октябре 2001 г., закрепил правомочность государственных органов вести повсеместное наблюдение за гражданами. В рамках борьбы с отмыванием денег, а также для улучшения работы и структуры финансовых учреждений значительно расширились полномочия министерства финансов и разведывательных органов. Им был предоставлен практически неограниченный доступ к базам данных всех государственных и частных организаций, включая банки. ФБР получило право проверки голосовых и текстовых сообщений, доступ к электронным данным всех уровней. Данный законодательный акт в значительной степени расширил нормативные рамки осуществления оперативных действий, которые напрямую противоречат Конституции США⁷.

Несмотря на общую ориентированность данного законодательного акта на пресечение финансовых операций в отношении

террористических организаций и их пособников, значительно расширяется штат разведывательных служб для усиления контроля за гражданами. Более того, по ряду положений была предусмотрена оговорка об их автоматической пролонгации в случае истечения срока действия. Представители исполнительной власти наглядно демонстрируют стремление сосредоточить функции всех трех ветвей американской власти в своих руках. В стране был введен жесткий иммиграционный контроль, увеличены меры наказания за содействие нелегальным мигрантам и их семьям⁸. Было также внесено изменение в законодательство о мерах наказания нелегальных иммигрантов, теперь они интерпретировались как уголовные правонарушения. Пренебрежение основными законами США, нарушение прав и свобод американских граждан вылились в широкие споры в Сенате и в протестные общественные движения по всей стране, мотивированные также опасением массовой депортации.

В дальнейшем полномочия спецслужб только расширились, в частности генеральному прокурору министерства внутренней безопасности (Department of Homeland Security) позволялось санкционировать арест любого гражданина лишь по подозрению, несмотря на то что в самом законодательном акте упоминается о консультационной функции данного органа⁹. Основная же функция по расследованию возможных террористических атак возлагалась на ФБР. Подобное противоречие не может не сказаться на эффективности работы сотрудников по вопросам юрисдикции того или иного органа. Происходит также постепенное расширение полномочий американских силовых структур в борьбе с террористическими организациями, где права и свободы граждан продолжали отодвигаться на второй план. В соответствии с Военным приказом (Military Order) были образованы военные комиссии, наделенные полномочиями проведения судебных процессов над подозреваемыми в террористических актах, не являющимися гражданами США.

Несмотря на объявленную беспристрастность судов, президент или его назначенное лицо могли пересматривать степень наказания, вносить поправки, а также определять членов экспертной группы. Многие процессуальные нормы оставались также на усмотрение министра обороны¹⁰. Приказ, несмотря на протест Верховного суда, был впоследствии одобрен Конгрессом в рамках нового акта о военных комиссиях (Military Commission Act).

Пленники, захваченные в ходе военных операций или просто подозреваемые в причастности к террористическим актам, содержались на американской военной базе в Гуантанамо. Сотрудники американских специальных служб освобождались от ответственно-

сти, применяя в отношении задержанных жесткие методы допроса, запрещенные международным правом. Пленники автоматически лишались всех гражданских прав, а их правовой статус определялся военными комиссиями, освобождавшими их от юрисдикции американских судов, международных конвенций, а также законов любого иностранного государства. Это позволяло содержать пленников бессрочно и без предъявления обвинений. Данное обращение с заключенными и их правовой статус неоднократно оспаривались Верховным судом США, однако исполнительная власть не только не прекратила жестокое обращение с задержанными, но и усилила меры для централизации власти¹¹. Так называемая политика двойных стандартов в дальнейшем продолжит свое существование во внешнеполитическом курсе. США, создавая и используя на территории других государств тайные тюрьмы с жестокими методами обращения с заключенными, нарушали общепризнанные нормы прав человека и поощряли своих союзников совершать то же, одновременно требуя их соблюдения от других государств.

Стратегии национальной безопасности, опубликованные в период президентства Дж. Буша, фактически объявляли об эскалации мер по предотвращению террористических актов, уничтожению террористов и их союзников как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровне. Позднее данная тактика была официально оправдана со стороны СБ ООН¹². Одним из основополагающих принципов в борьбе с терроризмом был отказ от какого-либо сотрудничества и переговоров с представителями террористических группировок. Это впоследствии значительно сузило круг мер для воздействия на ситуацию. США осознанно шли на значительные материальные траты для создания специализированных информационно-аналитических центров, антитеррористических центров в иностранных государствах.

В целом предпочтение отдавалось преимущественно силовому способу борьбы¹³. Изменения в антитеррористической концепции и в риторике администрации Дж. Буша появятся в последние годы его президентского срока, он будет отмечать необходимость сотрудничества с ведущими мусульманскими государствами для борьбы с насильственным экстремизмом, что также будет новым определением для войны с террором. Акцентируется внимание на необходимости тесного сотрудничества с иностранными разведывательными службами, а инструментами для борьбы с терроризмом и построения демократии должны выступать экономические и правовые меры¹⁴. Если принимать во внимание количество мусульманского населения в Соединенных Штатах, то компонентом

успешного противодействия терроризму будет являться не только проведение анализа разведывательных данных, но и сотрудничество с мусульманским сообществом, так называемый диалог для искоренения стереотипов у представителей обеих культур.

Новые заявления администрации Дж. Буша в контексте предыдущей политики нисколько не повлияли на изменение общественного и политического мнения. Позиция администрации фактически сводилась к необходимости физического устранения террористических организаций и их союзников путем превентивных силовых мер. Результативность данной тактики довольно спорная, поскольку упреждающие удары не только не способствуют безопасности, напротив, агрессия со стороны радикально настроенных группировок только растет, в том числе и на территории самих США.

Ситуация в плане защиты прав и свобод граждан, а также методы борьбы с терроризмом на территории США мало менялись с приходом к власти новой демократической администрации в США во главе с Б. Обамой. С начала президентского срока Б. Обамы одним из его основных приоритетов являлось изменение контртеррористической стратегии США. Изменения в первую очередь должны были касаться правовой составляющей в борьбе с терроризмом, включая разрешение ситуации с пленниками в Гуантанамо. Приказ президента не смог повлиять на закрытие тюрьмы и прекращение жестокого обращения с заключенными. Жесткая оппозиция в лице Конгресса и критиков администрации президента за чрезмерную «мягкость» привели к утверждению закона о запрете экстрадиции заключенных для судебного разбирательства, перевода их из Гуантанамо в тюрьмы на территории США, а также восстановление в действии ранее отмененных военных судов. Данным законодательным актом исполнительная власть была четко ограничена в способах разработки эффективного плана по закрытию Гуантанамо¹⁵.

Неудивительно, что закон привел к осуждению со стороны общественности. Несоответствие предвыборных обещаний с проводимой политикой значительным образом снижает кредит доверия граждан и вызывает критику в политических кругах. Ожидая реальных изменений в контртеррористической стратегии и внутренней политике, сторонники Б. Обамы все более разочаровывались в результатах его действий. Большинство из предвыборных обещаний уже начали выполняться предыдущей администрацией, что в итоге привело к продолжению политики Дж. Буша¹⁶.

Одним из основных моментов в политике Б. Обамы является кооперация с иностранными службами по поиску и допросу подо-

зреваемых. Эти действия, несомненно, вызывают множество споров о целесообразности и эффективности разглашения сведений зарубежным разведывательным структурам. Безусловно, были достигнуты определенные успехи, в частности устранение Усамы бен Ладена и других ведущих членов группировки «Аль-Каида», что расценивалось сторонниками Б. Обамы как результат успешного международного сотрудничества и эффективных внутренних мер.

Заявления главы Белого дома о приоритетном направлении по защите граждан США в итоге привели к оправданию ужесточения внутренних мер, а также к эскалации военных действий за ее пределами. Таким образом, смена контртеррористической концепции не только не сократила террористическую угрозу, а существенно ее увеличила. Стремление нынешнего президента действовать строго в рамках закона и согласно моральным принципам и нормам для защиты граждан США явно расходятся с поступками¹⁷. Лица, причастные к военным преступлениям в период президентства Дж. Буша, по постановлению Б. Обамы освобождались от ответственности. Одновременно следует отметить усиление внутреннего контроля за гражданами. Был продлен срок действия статей Патриотического акта, позволяющих проведение правительством несанкционированных обысков, значительно расширились полномочия внешней разведки, было утверждено право на использование устройств для наблюдения за передвижениями граждан.

Смена риторики и надежда на существенные изменения в антитеррористической политике существенно впечатлили публику, однако убеждение администрации Б. Обамы в постоянной возможности террористической атаки постепенно нагнетало обстановку внутри страны.

Концепция «войны с террором» Дж. Буша была адаптирована администрацией Б. Обамы, наполнившись лишь новой риторикой¹⁸. Этот подход подвергается критике со стороны оппонентов и общественности. Безусловно, на данном этапе невозможно говорить об искоренении террористической угрозы для Америки, но возможно найти эффективные рычаги для ее минимизации.

Примечания

- ¹ *Hagel C.* A Republican Foreign Policy // *Foreign Policy*. 2004. Vol. 83. № 4. P. 64–76.
- ² См.: *Monten J.* The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism and Democracy Promotion in U.S. Strategy // *International Security*. 2005. Vol. 29. № 4. P. 112–156.

- ³ См.: Interagency Domestic Terrorism Concept of Operations Plan. Washington, DC, 2001. Sec. 4. P. 15–20.
- ⁴ *Крук Д.М.* Исламистский терроризм в свете отношений Запад–Восток. М., 2006. С. 9.
- ⁵ См.: Executive Order 13224 of September 23, 2001 // Federal Register. 2001. Vol. 66. № 186. Presidential Documents. P. 49079–49080.
- ⁶ *Кудрявцев В.Н.* Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М., 2002. С. 134–135; *Млечин Л.* Кто взорвал Америку? М., 2002. С. 65.
- ⁷ См.: Patriot Act, Public Law 107-56. 2001. October 26. Sec. 311–313. P. 300–306; Sec. 411. P. 346–349.
- ⁸ См.: The Border Protection, Anti-terrorism, and Illegal Immigration Control Act, H.R. 4437. Washington, DC, 2005. December 17. Sec. 103. P. 14; Sec. 205. P. 49–50.
- ⁹ См.: Homeland Security Act, Public Law 107-296. 2002. November 25. Sec. 116. § 34–35. P. 128–129.
- ¹⁰ *Elesa J.K.* The Military Commissions Act of 2006: Background and Proposal Amendments. Washington, DC, 2009. P. 14.
- ¹¹ См.: Military Commission Act of 2006, Public Law 109-366. 2006. October 17. Sec. 47 A. § 948 a, b, c. P. 2601–2603.
- ¹² *Барский Л.* Корни и лики террора. М., 2007. С. 67.
- ¹³ См.: National Security Strategy for Combating Terrorism. Washington DC, 2003. P. 8, 16.
- ¹⁴ *Perl F.R.* National Strategy for Combating Terrorism: Background and Issues for Congress. Washington, DC, 2007. P. 4–9.
- ¹⁵ См.: The Prison That Won't Go Away [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://nytimes.com/2011/03/09/opinion/09wed2.html> (дата обращения: 25.07.2012); Closure of Guantanamo Detention Facilities [Электронный ресурс] // The White House. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/ClosureOfGuantanamoDetentionFacilities/ (дата обращения: 25.07.2012); Statement by the President on H.R. 6523 [Электронный ресурс] // The White House. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/07/statement-president-hr-6523> (дата обращения: 25.07.2012).
- ¹⁶ *Lynch M.* Rhetoric and Reality: Countering Terrorism in the Age of Obama. Washington, DC, 2010. P. 14.
- ¹⁷ См.: Sustaining U. S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Department of Defense. 2012. P. 5.
- ¹⁸ *McCrisken T.* Ten years on: Obama's war on terrorism in rhetoric and practice. Oxford, 2011. P. 787–788.

Б.И. Шевченко

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН БЛОКА НАТО: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье анализируются эволюция, современные тенденции и противоречия военно-экономической интеграции, определяется ее цель и стратегические приоритеты. Важное место в анализе уделяется промышленной кооперации и специализации производства, лежащей в основе углубления международного разделения труда.

Ключевые слова: военная экономика, военная безопасность, оборонно-промышленный комплекс, военное строительство, военно-экономическая политика, военно-экономическая наука, военные расходы, военно-экономическая эффективность.

Одна из главных тенденций современного развития мировой экономики состоит в усилении значения мирохозяйственных связей на международном уровне. Знаковым явлением становится повышение роли интеграционных тенденций, научно-технических и в целом экономических взаимосвязей и взаимодействия. Межгосударственное сближение охватывает все сферы и области жизни человечества. Но наиболее ярким проявлением этого процесса является экономика, бизнес. Предпринимательская деятельность в разных странах все яростнее приобретает интернациональный характер. Военно-промышленный бизнес, будучи одной из форм международной предпринимательской деятельности, в ряде случаев является действенным средством разрешения некоторых глобальных проблем современности.

Процессы реформирования российской экономики по-новому поставили вопросы теоретического и практического осмысления

экономического фактора в военном строительстве, укреплении обороноспособности и национальной безопасности государства¹.

Обращение к данной проблематике тем более важно, что в условиях глобализации мировой экономики интернационализация экономической и общественной жизни затрагивает и военно-экономическую сферу, протекая неравномерно в различных странах, порождая как новые возможности, так и новые проблемы. Приобщение России к международному сообществу вызывает необходимость выработки нового мировоззрения, концепции поведения, принятия и освоения международных правил и форм игры, не забывая при этом о собственных национальных интересах.

Сущность, предпосылки возникновения и этапы развития военно-экономической интеграции стран НАТО

Военно-экономическая интеграция стран НАТО – одна из важнейших особенностей развития экономики западных государств. Ее возникновение предопределено не только ограниченностью национальных ресурсов, углублением международного разделения труда, интернационализацией хозяйственной деятельности, но и военно-политической ситуацией в странах, входящих в эту группировку.

После окончания Второй мировой войны США форсированными темпами восстановили экономический и военно-экономический потенциал стран Западной Европы. В итоге военная экономика стран НАТО вышла за рамки национальных границ, что привело к возникновению и развитию системы межгосударственных военно-экономических связей и стимулировало переход к военно-экономической интеграции государств-членов блока.

В основе интеграционных процессов лежат объективные предпосылки, связанные с потребностями развития производительных сил, интернационализацией хозяйственной жизни. Исторически наиболее четко интеграционные процессы проявились в Западной Европе. И именно здесь во второй половине XX столетия складывается единое хозяйственное пространство целого региона, в рамках которого формируются общие условия воспроизводства и создается механизм его регулирования.

Международную экономическую интеграцию можно определить как процесс хозяйственного и политического объединения стран на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей и

разделения труда между национальными хозяйствами, взаимодействия их воспроизводственных структур на различных уровнях и в различных формах.

Военно-экономическая интеграция является частью экономической интеграции, охватывающей народное хозяйство в целом. Она представляет собой процесс интернационализации военно-экономических и научно-технических взаимосвязей, как правило, в рамках определенной военно-политической группировки государств с однотипным общественным строем в целях взаимного приспособления, оптимизации военного производства.

Объективными факторами, определяющими интеграционные процессы, являются возросшая интернационализация хозяйственной жизни, углубление международного разделения труда, общемировая по своему характеру научно-техническая революция, повышение степени открытости национальных экономик.

Интеграционные процессы в экономической сфере стран Западной Европы активно развернулись после образования военно-политического блока НАТО. Рост и усложнение военно-экономических связей между странами НАТО при активном вмешательстве и участии правительств сделали реальностью процесс военно-экономической интеграции.

Сущность военно-экономической интеграции стран НАТО состоит в расширении и углублении международного сотрудничества, объединении ресурсов, регулировании военно-экономических связей между странами-участницами. Эти меры осуществляются на государственном уровне для взаимного приспособления и оптимизации военного производства в соответствии с интересами и запросами ВПК. Военно-экономическая интеграция усиливает воздействие экономики на внешнюю политику, прочнее увязывая экономику и политику блока НАТО.

В своем становлении и развитии военно-экономическая интеграция стран НАТО прошла ряд этапов, для каждого из которых характерны свои масштабы, интенсивность и направленность использования экономических ресурсов в военных целях.

Первый этап (с окончания Второй мировой войны до середины 50-х гг.) связан с послевоенным восстановлением экономического и военно-экономического потенциалов государств Западной Европы. В это время экономическое положение стран региона делало невозможным какой-либо военно-экономический обмен с более сильным партнером – США.

Американо-европейские военно-экономические связи отличались односторонней направленностью и осуществлялись главным

образом в форме военной помощи США европейским союзникам. Характерной чертой данного этапа является образование в 1949 г. военно-политической организации Североатлантического союза – блока НАТО. Основная цель данного союза заключалась не только в рационально-хозяйственном экономическом отношении, но и в концентрации сил против СССР и его союзников.

На этом этапе доля стран Западной Европы в американских поставках оружия иностранным государствам составляла 60–70 %. Что касается экономической формы реализации военной «помощи» в этот период, то она предоставлялась практически безвозмездно.

Второй этап (с середины 50-х гг. до середины 60-х гг.) характеризуется созданием экономических группировок, и прежде всего Европейского экономического сообщества (ЕЭС), на базе которого в последующем формировалась военно-экономическая интеграция НАТО.

В многомиллиардных суммах, затраченных США на военно-экономическую поддержку западноевропейских стран НАТО, нашла свое проявление невиданная прежде военно-политическая солидарность этих стран. Вместе с тем углубляющийся кризис американского платежного баланса в эти годы внес существенные коррективы в систему оказания помощи странам Западной Европы. Конгресс США принял решение о поэтапном сокращении безвозмездной военной помощи. Ставка делается на продажу лицензий для производства вооружения. Однако производить дорогостоящее вооружение в одиночку было не под силу странам Западной Европы. Они вынуждены были кооперировать свои усилия для совместного производства вооружения по американским лицензиям, хотя эти процессы происходили по-разному. Так, Франция и Великобритания смогли наладить полномасштабное производство вооружения в основном на базе собственных разработок, в то время как другие государства (ФРГ и Италия) пошли по пути организации лицензионного производства американских систем оружия.

В дополнение к односторонне ориентированным связям США со странами Западной Европы возникли новые: ФРГ – Франция; ФРГ – Великобритания; Франция – Великобритания; Франция – Италия и т. д. Наряду с реализацией двусторонних проектов активно развивались многосторонние военно-технические связи, к которым подключились Бельгия, Нидерланды, Испания, Норвегия, Турция, Греция, Португалия и другие страны.

Третий этап (середина 60 – начало 80-х гг.) – этап развертывания полномасштабного военно-технического сотрудничества европейских стран НАТО, распространяющегося на все этапы

жизненного цикла систем оружия: от разработки технических требований до материально-технического обеспечения принятых на вооружение образцов.

Зародившаяся на рубеже 50–60-х гг. военно-промышленная кооперация становится преобладающей формой военно-экономической интеграции в НАТО. Особенность этого этапа развития военно-экономической интеграции НАТО состоит в том, что происходит дальнейшая консолидация сил стран Западной Европы (образовались: Западноевропейский союз, Еврогруппа) в производстве качественно новых видов вооружения независимо от США. Более того, страны европейского региона НАТО преследуют цель – сократить «технологический разрыв» между США и Западной Европой, а также играть более самостоятельную роль в этом блоке.

Подтверждением этому является реализация крупнейших европейских программ разработки и производства военных самолетов Бреге 1150 «Атлантик», «Торнадо», «Трансалл» и др.

Современный *четвертый этап* характеризуется выходом военно-экономической интеграции за рамки блока, использованием межгосударственных программ разработки и производства вооружений для усиления позиций ведущих стран НАТО на мировом рынке оружия.

На этом этапе достигнут качественно новый уровень развития военно-промышленной кооперации. Она не ограничивается объединением оборонных комплексов отдельных государств, расширением взаимосвязей в сфере военных НИОКР, но и предполагает долгосрочное планирование в области межстрановой кооперации военного производства и создание объединенного регионального рынка оружия.

Созданные наднациональные органы управления, планирования военного производства в рамках НАТО осуществляют координацию деятельности по созданию не только отдельных образцов вооружения, но и целого их семейства.

Современные тенденции и противоречия в развитии военно-экономической интеграции стран НАТО

На развитие военно-экономической интеграции стран НАТО в последние годы существенное влияние оказали как политические, так и собственно экономические факторы.

К политическим факторам следует отнести:

- изменение геополитической ситуации в Европе и многих регионах мира;
- окончание «холодной войны» как фактор, изменивший ситуацию в вопросе реализации совместных военных и политических проектов стран НАТО;
- открывшиеся возможности для политического диалога в военной сфере между НАТО и Россией.

К экономическим факторам относятся:

- рост стоимости систем оружия и отсутствие монополии одного государства-члена НАТО на весь спектр высоких технологий;
- растущее значение европейских межгосударственных производственных и научно-технических программ, создающих благоприятные условия для дальнейшей военно-промышленной и научно-технической кооперации;
- определенная независимость рынка вооружений западноевропейских стран НАТО от ВПК США;
- угроза потери ключевых технологий и ослабления военно-промышленного потенциала в результате сокращения бюджетного финансирования ВПК стран НАТО.

Все это обуславливает сохранение двух основных тенденций, присущих военно-экономической интеграции стран НАТО с момента его создания:

первая – центростремительная, определяемая военно-политическими и военно-экономическими факторами, усиливающими интеграционные процессы;

вторая – центробежная, вызванная противоречиями между узконациональными интересами и блоковой стратегией, требующей подчинения национальных интересов каждой страны интересам всего союза.

Эти тенденции и противоречия по-разному проявляются в различных сферах интеграции, и одновременно они тесно связаны между собой.

Выделяются долговременные причины, усиливающие центростремительную тенденцию. Среди них:

- процесс интернационализации производства и, как следствие, переплетение народно-хозяйственных структур;
- военно-промышленная кооперация европейских стран НАТО, способствующая созданию общеевропейского ВПК и рынка вооружений;
- усложнившиеся межгосударственные и межфирменные связи стран НАТО, объективно требующие взаимного со-

гласования направлений стратегического планирования на 15–20 лет вперед.

В то же время чем интенсивнее развивается сотрудничество стран НАТО в политическом, военно-промышленном и военно-техническом направлениях, тем с большим количеством объективных и субъективных проблем они сталкиваются.

Отмечаются две группы противоречий внутри самого блока НАТО: противоречия между европейскими странами НАТО; противоречия между еврогруппой блока НАТО и США.

Последние существовали и раньше, но в современных условиях, в связи с расширением блока за счет восточноевропейских стран, а также за счет реализации экономических интересов Западной Европы и усиления ее позиций на мировом рынке вооружений, правительство США вынуждено проводить протекционистскую политику по ограничению доступа европейских фирм на внутренний рынок вооружений². В свою очередь европейские партнеры США по НАТО все настойчивее пытаются противостоять диктату США, создать общеевропейский рынок оружия. С конца 70-х гг. опережающими темпами развивается европейская военно-промышленная интеграция, а в первое десятилетие XXI столетия она получила дополнительный импульс благодаря принятию восточноевропейских стран в ЕС. Военно-экономическая интеграция европейских стран НАТО наиболее активно развивается в рамках Западноевропейского союза (ЗЕС). В соответствии с декларацией о ЗЕС, принятой в качестве приложения к основному тексту Маастрихтского договора, он призван быть также «средством укрепления европейской опоры в Атлантическом союзе»³. Январская и декабрьская (1994 г.) сессии Совета НАТО одобрили деятельность ЗЕС в этом качестве и выразили поддержку европейской идентичности в сфере безопасности и обороны. Тем самым был открыт путь для тесного и расширяющегося сотрудничества между НАТО и ЗЕС на основе согласованных принципов взаимодополняемости и открытости.

Основной целью союза, наряду с военно-политической интеграцией стран Западной Европы, является формирование единого военно-промышленного комплекса, достаточно конкурентоспособного по отношению к США, для чего создано Европейское агентство по вооружению.

Стремление повысить роль ЕС потребовало проведения ряда мероприятий. В 1993 г. было признано целесообразным расформировать Еврогруппу НАТО и Независимую европейскую группу программирования (НЕГП) и одновременно создать в рамках

ЗЕС Западноевропейскую группу вооружений (ЗГВ) с передачей последней основных функций НЕГП. На нее возлагалось решение следующих задач:

- руководство долгосрочной программой сотрудничества европейских стран в области развития военных технологий «ЕВКЛИД» и входящими в нее конкретными проектами;
- оценка возможностей реализации перспективных проектов систем оружия.

В настоящее время все вопросы координации разработки, производства и реализации систем ВВТ в Европе возложены на Европейское агентство по вооружению.

Увидеть действие двух основных тенденций и противоречия в развитии военно-экономической интеграции стран НАТО можно, рассмотрев два основных направления сотрудничества: военно-техническое и военно-промышленное.

Говоря о первом, следует отметить, что военно-техническое сотрудничество между странами НАТО привело к относительно самостоятельному процессу военно-технической интеграции, которая является одной из сторон военно-экономической интеграции. Военно-техническая интеграция – это процесс интернационализации научно-технических и военно-технических взаимосвязей в рамках определенной военно-политической группировки в целях оптимизации военного производства, стандартизации вооружения, снижения издержек в развитии военных технологий, технологий «двойного назначения», использования этих технологий ВПК стран блока при создании вооружения и военной техники нового поколения.

Межгосударственные производственные программы в НАТО чаще всего организуются на многосторонней основе⁴. Военно-промышленное сотрудничество осуществляется в следующих основных формах:

- подрядная кооперация;
- лицензионное производство;
- совместное производство (как на лицензионной основе, так и на базе совместных разработок).

Простейшей формой военно-промышленного сотрудничества является подрядная кооперация, которая, как правило, имеет место при невозможности обеспечить требуемый технический и технологический уровень производства комплектующих изделий в установленные сроки национальными фирмами и при наличии за рубежом соответствующих разработок и производственной базы, обеспечивающей применение передовых технологий. Так, Великобритания закупает в ФРГ двигатели для выпускаемых в стране

авиационных ракет АЛАРМ, Бельгия поставляет комплектующие изделия к французским истребителям «Мираж», Нидерланды – к боевым самолетам немецкого производства. Обычно стоимость субподрядных работ, выполняемых зарубежными фирмами, не превышает 20% общих затрат на программу.

Лицензионное производство предполагает закупку у зарубежных фирм технической документации (ноу-хау), позволяющей организовать выпуск разработанного за рубежом образца, лицензии на изготовление этого образца и оборудования, обеспечивающего возможность использования соответствующих технологий.

Передача лицензий на производство ВВТ происходит в НАТО на основе межгосударственных соглашений с определением порядка и размеров выплат, срока действия лицензии, правовых вопросов, регламентирующих взаимоотношения лицензиата с лицензиаром и с третьими странами.

Организация лицензионного производства иностранной техники способствовала развитию в послевоенные годы военной промышленности ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и многих других европейских стран НАТО.

В 80-е гг. Великобритания и Италия освоили выпуск франко-западногерманских ПТРК «Милан», Испания – ЗРК «Роланд» и западногерманских боевых вертолетов ВО-105 Р. В Италии было организовано лицензионное производство западногерманских танков «Леопард-1». США закупили лицензии на выпуск британских самолетов вертикального взлета и посадки «Харриер», итальянских корабельных и германских танковых пушек.

Высшей формой организации лицензионного производства ВВТ в НАТО является совместное производство на лицензионной основе, как правило, американского вооружения. В начале 60-х гг. ФРГ, Италия, Бельгия и Нидерланды приняли участие в программе производства американских истребителей F-104 «Старфайтер». Затем правительства ФРГ, Бельгии, Италии, Нидерландов, Дании и Норвегии подписали соглашение о принятии на вооружение американских корабельных ЗРК «Си Спарроу» (1968 г.). В 1977 г. началась организация совместного производства УР класса «воздух-воздух» «Сайдвиндер» военно-промышленными фирмами ФРГ, Великобритании, Италии и Норвегии. В программе создания системы АВАКС для вооруженных сил НАТО в Европе приняли участие США, ФРГ, Италия, Бельгия, Дания, Норвегия, Португалия, Греция, Люксембург, Турция и Канада.

ФРГ и Италия организовали совместное производство американских авиационных ракет «Мейверик» класса «воздух-земля».

В настоящее время Германия, Франция, Великобритания и Италия выпускают американские РСЗО MLRS; Германия, Турция, Нидерланды и Греция – зенитно-ракетный комплекс «Стингер», подписав соглашение с правительством США о приобретении лицензии фирмы «Дженерал дайнэмикс» на выпуск этих комплексов. За реализацию программы отвечает Федеральное ведомство военной техники и закупок министерства обороны ФРГ.

Наиболее приоритетным направлением военно-промышленного и военно-технического сотрудничества стран НАТО становится совместное производство на базе совместных разработок. Начало такого сотрудничества положено созданием базового патрульного самолета Бреге 1150 «Атлантик». Для разработки и производства самолетов был образован первый западноевропейский международный военно-промышленный консорциум, в состав которого вошли фирмы Франции, ФРГ, Италии, Нидерландов и Бельгии.

К одному из крупнейших совместных проектов, имеющих военную направленность, необходимо отнести осуществляемую с 1986 г. европейскую программу «ЕВКЛИД» – долгосрочной кооперации в области оборонной тематики, к которой относится около 160 проектов.

Цели «ЕВКЛИДа»:

- создание более открытого для конкуренции рынка оружия и военных технологий в пределах европейского сообщества;
- поддержка интенсивного обмена технологиями военного значения среди стран-участниц ЗГВ для структурного совершенствования и рационализации их военной промышленности, в том числе оказания целенаправленной помощи странам с менее развитой военной промышленностью;
- укрепление сотрудничества в области разработки и производства современного вооружения и тесная интеграция военно-научного и военно-технического потенциала европейских стран.

На 50 крупнейших проектов военной направленности данной программы ежегодно расходуется около 140 млрд дол.

В условиях резкого обострения конкурентной борьбы программы лицензионного производства ВВТ все активнее используются для усиления позиций на мировом рынке оружия. В целях проникновения на дальневосточный рынок авиационной техники германский концерн «Даймлер-Бенц-Аэроспейс» пошел на организацию программы совместной разработки и производства многоцелевого вертолета ВК-117 с японской фирмой «Кавасаки дзюкоге». В 1985 г. подписано соглашение о совместной разработке германско-индий-

ского многоцелевого вертолета АЛН. Итальянские фирмы «Алениа» и «Аэрмакки» привлекли в 1980 г. к совместной разработке штурмовика АМХ бразильскую компанию «Эмбраэр». Не имея опыта проектирования тяжелых вертолетов и стремясь противостоять США, западноевропейское объединение «Еврокоптер С.А.» проявило заинтересованность в сотрудничестве с российскими вертолетостроителями в создании вертолета МИ-38.

Расширение и углубление научно-технических и производственных связей в рамках НАТО обеспечивают повышение уровня стандартизации вооружений, создают предпосылки для надежного взаимодействия вооруженных сил союзных государств в вооруженных конфликтах, позволяют более эффективно использовать выделяемые на нужды совместной обороны финансовые средства, расширяют технологическую базу военного производства, способствуя созданию и принятию на вооружение стран НАТО сложнейших систем оружия.

Реализация каждой стадии регулируется межправительственными соглашениями – меморандумами о взаимопонимании. Меморандумы определяют цели и масштабы взаимодействия в рамках конкретных программ, оговаривают ответственность и полномочия каждого из партнеров, а также распределение работ между странами как в сфере НИОКР, так и в производстве.

Подготовка всех межгосударственных программ разработки и производства вооружений включает создание руководящих органов на двух уровнях: официальном и промышленном. Официальный уровень образует межправительственные органы с участием представителей министерств обороны и видов вооруженных сил. Проекты, разрабатываемые под эгидой НАТО, получают статус «ПРОЕКТОВ НАТО». Для непосредственной реализации программ на официальном уровне образуются руководящий и исполнительный комитеты. Как правило, в руководящем комитете образуется совет директоров, в исполнительном – отделы или группы: административные, договорно-финансовые, планирования, производства, материально-технического обеспечения и обучения.

Промышленный уровень включает генерального подрядчика, подрядчиков и субподрядчиков. В качестве генерального подрядчика могут быть утверждены либо одна из фирм стран-участниц проекта, либо международный консорциум, либо специально созданная фирма. Подбор подрядчиков и субподрядчиков осуществляется с учетом предварительного согласования перечня работ с обязательным их закреплением за конкретными государствами-участниками проекта.

Сложились три основные формы организации межгосударственных программ производства оружия и военной техники: выделение ведущего партнера, сотрудничество на приоритетных началах и на основе интеграции.

В случае выделения ведущего партнера одна из стран принимает на себя всю полноту ответственности за организацию и руководство ходом реализации межгосударственной производственной программы и определяет в качестве генерального подрядчика одну из национальных военно-промышленных фирм. В выполнении подрядных работ принимают участие фирмы всех стран-партнеров.

При сотрудничестве на приоритетных началах создается структура управленческих органов, обеспечивающая равное представительство и участие в руководстве проектом всех сотрудничающих государств.

Высшей формой организации межгосударственного военно-промышленного сотрудничества является сотрудничество на основе интеграции. В этом случае государства-партнеры создают независимые административные органы и промышленные фирмы, отвечающие за разработку и производство систем оружия. Эти органы правомочны подписывать контракты и несут полную ответственность, включая финансовую, за ход выполнения всех работ. По такому принципу осуществлялись программы разработки и производства истребителей «Торнадо», ПТРК «Хот» и «Милан». Такой подход упрощает процедуру распределения заказов и ответственности. Все страны оказывают равное влияние на ход выполнения программы, активизируется обмен патентами и лицензиями.

В национальном масштабе ответственность за реализацию межгосударственных программ возложена на соответствующие органы министерств обороны стран НАТО. В министерстве обороны Великобритании эти задачи решает отдел совместных программ главного управления закупок вооружения, во Франции – аппарат генерального уполномоченного по оружию, в ФРГ – Федеральное ведомство военной техники и закупок.

При размещении заказов в рамках межгосударственных производственных программ используются два подхода:

- распределение работ согласно узкой специализации партнеров на выпуске строго ограниченной номенклатуры комплектующих изделий;
- дублирование выпуска несколькими странами, что ведет к увеличению финансовых издержек, но обеспечивает фактическую независимость национального производства от кооперационных поставок из-за рубежа.

Второму подходу к организации производства отдают предпочтение США. В Западной Европе в качестве основного принципа распределения заказов выступает узкая специализация. Так, при совместном выпуске ракетных систем Францией и ФРГ французская фирма «Аэроспасьяль» специализируется на разработке и производстве основных систем ракет и их окончательной сборке, германская МББ – на разработке и выпуске пусковых установок и боеголовок ракет.

Наряду со значительными преимуществами международное разделение труда в области военного производства имеет и существенные недостатки. Возрастает не только общая стоимость, но и сроки выполнения межгосударственных программ разработки производства вооружения стран, участвующих в проекте. Многоступенчатая структура управления, многочисленность межправительственных и межфирменных органов управления существенно снижают уровень его оперативности. Немалые трудности возникают на этапе концептуальной проработки проекта. Вооруженные силы каждой страны предъявляют к образцу ВВТ свои, нередко взаимоисключающие, требования. Учет этих требований ведет иногда к излишнему усложнению систем оружия, росту их стоимости, снижению конкурентоспособности на мировом рынке. Довольно сложной является и проблема финансирования производственных программ, в том числе в связи с различным уровнем инфляции по странам. Однако в целом совместная разработка и производство ВВТ имеет объективные преимущества, что обуславливает дальнейшее развитие этого направления военно-технического сотрудничества в НАТО⁵.

Общую направленность политики военно-экономического сотрудничества в рамках блока определяют его высшие органы – Совет НАТО и Комитет военного планирования.

Непосредственно ответственность за организацию и координацию межгосударственных программ разработки и производства ВВТ в рамках НАТО несет Конференция национальных директоров по вооружению. На ее заседаниях вырабатываются рекомендации по долгосрочной политике НАТО в области вооружений, анализируется ход выполнения совместных программ разработки и производства ВВТ, обсуждаются возможности реализации перспективных проектов в области НИОКР. Реализация конкретных научно-исследовательских и производственных программ возлагается на специально создаваемые с этой целью рабочие группы. Основные и специализированные группы руководят работой порядка 250 временно создаваемых подгрупп, комиссий, рабочих или исследовательских групп.

Очевидно, что США, как и их европейские партнеры, преследуют свои собственные, подчас диаметрально противоположные цели. Если США стремятся посредством углубления сотрудничества укрепить свое лидерство в НАТО, осуществить стандартизацию обычных вооружений блока на основе американских образцов, то руководство западноевропейских стран предполагает, в свою очередь, добиться большего равноправия по отношению к США, ограничить присутствие американских корпораций на европейском рынке оружия, получить доступ к новейшим американским технологиям⁶.

Несмотря на достаточно серьезные противоречия в отношении целей сотрудничества, военно-экономическая интеграция стран НАТО значительно усиливает военную мощь государств этого блока. Именно западноевропейские интеграционные процессы в сфере военного производства дали толчок такой форме сотрудничества этих стран, как межгосударственные военно-промышленные консорциумы. Руководство стран блока НАТО не отказывается от идеи создания такого оружия, которое позволило бы закрепить свои позиции на мировой арене, получить политические, экономические и военные выгоды.

Механизм военно-экономического сотрудничества в НАТО характеризуется многофункциональностью и гибкостью. Это создает предпосылки для повышения эффективности использования материальных и финансовых ресурсов в сфере НИОКР, производства и закупок ВВТ, развития инфраструктуры, расширения масштабов стандартизации и унификации вооружений, повышения мобилизационной готовности военной экономики стран-членов блока. Усиление интеграционных процессов в Европе обусловило перестройку механизма военно-экономического сотрудничества западноевропейских стран. Опыт стран Североатлантического блока показывает, что организации совместных программ предшествует подписание межправительственных соглашений, в которых определяются цели и масштабы взаимодействия, ответственность и полномочия партнеров, условия совместного финансирования и распределения работ.

Таким образом, опыт организации межгосударственного сотрудничества в области разработки и производства вооружений свидетельствует о том, что военно-экономическая интеграция возникает, как правило, на основе военно-политического союза государств. Существенными предпосылками ее развития являются относительное равенство технического уровня и географическая близость потенциальных партнеров.

- ¹ Подробнее см.: Военно-экономический анализ в экономике военного строительства: современные проблемы и тенденции развития / Под ред. С.Ф. Викулова. М.: Военное изд-во, 2007; *Пожаров А.И.* Военная экономика России: история и теория. М.: ВФЭУ, 2005.
- ² *Weidenbaum M.* The Changing Structure of the US Defense Industry // *Orbis*. 2003. Vol. 47. № 4; *Velocci A.L.* Roche Drops a Bombshell: U.S. Industry Overconsolidating // *Aviation Week & Space Technology*. 2002. Vol. 156. Issue 23.
- ³ См.: Европейский союз: Прошлое, настоящее, будущее: Единый европейский акт. Договор о европейском союзе. М.: Право, 1994.
- ⁴ См.: 2009 Industry Outlook: Aerospace & Defense. Challenging Times, Emerging Opportunities [Электронный ресурс] // Deloitte. URL: http://www.deloitte.com/assets/Dcom-Venezuela/Local%20Assets/Documents/ve_cb&at2009OutlookAerospace&Defense_300309.pdf (дата обращения: 25.10.2013).
- ⁵ См.: *Younossi O. et al.* Lessons Learned from the F/A-22 and F/A-18E/F Development Programs. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2005.
- ⁶ См., например: *Толкачев С.А.* Развитие военно-промышленных корпораций США в 2000-е гг. [Электронный ресурс] // Капитал страны: Федеральное интернет-издание. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/177018> (дата обращения: 17.09.2013); *Он же.* Реструктуризация и консолидация оборонной промышленности США // США – Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 1.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ

Статья посвящена анализу проблемы определения понятия «международная энергетическая безопасность», ее интерпретации различными участниками международного рынка нефти и газа. В начале XXI в. происходит обострение борьбы за природные ресурсы с усилением военного давления, и необходимы меры по обеспечению стабильности глобальной экономики.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, углеводородные ресурсы, ресурсные войны, глобальные проблемы.

1. Сложности определения понятия «международная энергетическая безопасность»

В современной научной и общественно-политической литературе существует множество понятий и трактовок международной энергетической безопасности, при определении которой большую роль играют национальные условия и политические предпочтения. Несмотря на изобилие исследований и публикаций по проблемам международной энергетической безопасности, не существует единого определения этого столь важного понятия.

Проблема энергетической безопасности возникла в начале XX в. и была вызвана новым этапом промышленной индустриализации, расширением международных рынков возникшими монополиями и вовлечением в индустриальную фазу развития новых национальных экономик.

Экономический подъем, начавшийся после Первой мировой войны, вызвал увеличение спроса на нефть. В 1928 г. сформи-

ровался Международный нефтяной картель (МНК), в который вошли восемь транснациональных компаний («семь сестер» – BP, Chevron, Exxon, Gulf, Mobil, Shell, Texaco, а также французская CFP). Этот картель монополизировал разведку и добычу нефти в ведущих нефтяных регионах мира, а также контролировал транспортировку, переработку, хранение и сбыт нефти и нефтепродуктов. Цены на нефть также устанавливались преимущественно этими компаниями, поскольку на долю свободного рынка независимых производителей приходилось всего около 5–10%.

В результате национализации нефтегазовой отрасли в нефтедобывающих странах третьего мира, особенно в 1960-е и 1970-е гг., западные корпорации потеряли право эксплуатировать ресурсы государств-производителей на основе традиционных концессий и лишились контроля над добычей энергоресурсов на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Латинской Америке. Сформировавшись в 1960 г. и укрепившись в борьбе с нефтяными западными компаниями, ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти) стала сильнейшим картелем на мировом рынке нефти. К началу 1970-х гг. на долю его членов приходилось примерно 80% достоверных запасов, 60% добычи и 90% экспорта нефти в несоциалистических странах.

Нефтяной кризис 1973 г. был первым энергетическим кризисом и до сих пор считается крупнейшим. ОПЕК снизила объемы добычи нефти не только для того, чтобы повлиять на мировые цены в свою пользу. Одним из его результатов стало вскрытие истинных масштабов зависимости развитых стран от складывающихся на рынке цен на нефть.

В ответ на кризис 1973–1974 гг. европейские страны и США создали Международное энергетическое агентство (МЭА) – первую международную организацию, чьей задачей стало обеспечение энергобезопасности целой группы стран ОЭСР, тогда же и появилась концепция «энергетической безопасности». Таким образом, с образованием МЭА институционализировались две группы стран – страны экспортеров и импортеров нефти.

В 1980-е гг. ОПЕК как международная организация потеряла политический вес в противостоянии с западными компаниями и странами. Тем не менее эта организация остается главным игроком на международном рынке нефти.

В дальнейшем отношение к энергетической безопасности менялось с изменениями представлений о рисках и потенциальных ущербах в связи с нарушениями поставок. В 1970–1980-е гг. энергобезопасность рассматривалась, как правило, с точки зрения инте-

ресов потребителей энергоносителей (в первую очередь нефти) и понималась как обеспечение стабильного и надежного снабжения их энергоносителями по приемлемым для них ценам. Странам-экспортерам традиционно отводилась роль поставщиков и единственных виновников в дестабилизации ситуации на мировых рынках.

В опубликованном докладе МЭА в 1985 г. «Энергетическая политика в области технологий» энергетическая безопасность была определена как «адекватные поставки энергии по разумной цене». Сегодня МЭА определяет энергетическую безопасность как «доступ к достаточной (по объему), надежной и доступной (по цене) энергии»¹. Однако здесь просматривается определенная ограниченность подхода, связанная с тем, что данная организация представляет только интересы стран – импортеров топливно-энергетических ресурсов, которые далеко не всегда совпадают с интересами других участников мирового энергетического рынка.

В дальнейшем определении энергетической безопасности трактовались *с точки зрения национальной энергетической безопасности того или иного государства или группы стран*. Национальная энергетическая безопасность стала определяться как адекватное энергоснабжение для обеспечения нации и ее экономики. Достаточно часто это понятие сводилось просто к энергетической самодостаточности. Такой «государственно-центристский» подход к трактовке энергетической безопасности сохраняется у ряда экспертов до сих пор.

Согласно оценке американских специалистов в сфере энергетики «энергетическая безопасность – обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи (государства)»². При этом для США понятие «энергетическая безопасность» стало идентифицироваться с понятием «энергетическая независимость». Так, например, в США звучали заявления о необходимости отказа от импорта энергоносителей из нестабильных стран, их замене собственными источниками и альтернативной энергетикой.

К началу 1990-х гг. на глобальном уровне выделились три группы акторов (участников), которые могли оказывать определяющее воздействие на состояние международной энергетической безопасности. Это – промышленно развитые страны, объединенные в Международное энергетическое агентство (МЭА), страны-члены ОПЕК и энергетические транснациональные корпорации (ТНК). В то же время они имели прямо противоположные подходы к обеспечению энергетической безопасности и пониманию ее проблем. Со вступлением новых стран в процессы глобализации и эконо-

мической кооперации и усилением экономического роста новых индустриальных стран в начале XXI в. обозначились *три группы стран, которые стали активно влиять на глобальную энергетическую политику – страны-экспортеры, страны-импортеры и страны-транзитеры нефти и газа.*

Новая расстановка сил на международном рынке углеводородных ресурсов отразилась в современном понимании содержания международной энергетической безопасности.

Президент Кембриджской ассоциации энергетических исследований (CERA) Д. Ергин (автор знаменитого труда «Добыча») дает следующее определение. «Цель энергетической безопасности – обеспечить адекватные, надежные поставки энергии по разумным ценам и таким образом, чтобы не подвергать опасности основные национальные ценности и цели»³. В число десяти ключевых принципов обеспечения энергетической безопасности он включает не только диверсификацию поставок и наличие запасных производящих мощностей, но и стабильность глобального рынка энергоносителей, хорошие отношения США как со странами-производителями, так и с другими крупными потребителями энергоресурсов, многосторонние меры охраны важнейших месторождений и путей транспортировки нефти и газа, международные проекты исследования перспектив мировой энергетики и повышения эффективности энергопотребления.

По мнению экспертов группы Всемирного банка, энергетическая безопасность означает, что «страна может стабильно производить и использовать энергию по разумным ценам в целях: содействия экономическому росту и за счет этого – снижения уровня бедности; непосредственного улучшения качества жизни населения путем расширения доступа к современным услугам в сфере энергетики»⁴.

Согласно документу «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года» энергетическая безопасность определяется как «состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства и экономики от угроз надежному топливно- и энергообеспечению. Эти угрозы определяются внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, а также состоянием и функционированием энергетического сектора страны»⁵.

Концептуальные положения и механизмы обеспечения международной энергетической безопасности активно разрабатываются прежде всего в рамках Международного энергетического агентства, ОПЕК, а также рядом международных организаций ЕС, НАТО, НАФТА, АТЭС.

Сложность в определении международной энергетической безопасности вызвана тем обстоятельством, что, во-первых, энергетическая безопасность является составной частью национальной безопасности отдельных государств. Поэтому проблемы в области энергетики рассматриваются странами с точки зрения своих национальных интересов и экономических приоритетов. В данном случае интересы стран-экспортеров, импортеров и транзитеров могут диаметрально расходиться.

Во-вторых, как и в обеспечении международной безопасности, на глобальном уровне отсутствует единый механизм выработки и принятия консенсусного решения в интересах всех сторон. Отсутствие единого международного арбитра порождает «борьбу каждого против всех» – эгоистические интересы стран превалируют над общими. Эти два обстоятельства находят свое отражение в теоретических концепциях и подходах школы политического реализма и неореализма в теории международных отношений.

В-третьих, участие различных экономических игроков в лице крупных транснациональных компаний, финансовых групп, а также влиятельных международных организаций, таких как ОПЕК, МЭА, группы Всемирного банка и др., усложняет систему мирохозяйственных связей и выработку единых подходов к проблемам международной энергетической безопасности.

Значительный рост объемов международной торговли, увеличение доли экспортно-импортных операций расширили количество участников и масштаб деятельности во всех областях, что привело к формированию и развитию транснациональных корпораций (ТНК).

Таким образом, рассмотрение проблемы международной энергетической безопасности в новых реалиях начала XXI в. может быть полным и адекватным только с учетом интересов основных участников энергетических рынков-производителей (экспортеров) и потребителей (импортеров) и транзитеров, т. е. стран, через территории которых проходит транзит нефти и газа, а также транснациональных участников – ТНК.

В 2010 г. в журнале *International Organizations* Джозев Колган опубликовал статью, в которой на основании фактов, статистических данных с использованием нового количественного анализа за период с 1945 по 2001 гг. высказал гипотезу, что *страны-экспортеры* нефти чаще других государств вовлекаются в межгосударственные военные споры, проводят агрессивную внешнюю политику. Исследователь развивает теорию, что в целом страны-экспортеры нефти в большей степени предрасположены к созданию конфликт-

ных ситуаций с использованием оружия, чем обычные государства, не обладающие экспортными объемами нефти. Результаты, по мнению исследователя, свидетельствуют о том, что «революционные правительства» нефтяных государств (petrostates) создают дополнительную угрозу международному миру и стабильности и что данная теория противоречит другому общепринятому утверждению, что государства-экспортеры нефти сами являются объектами международной конкуренции за обладание ресурсами со стороны других стран и компаний⁶.

Данная концепция представляется достаточно спорной, хотя и не лишена основания, особенно если попытаться проанализировать деятельность отдельных стран ОПЕК и их внешнюю политику в контексте «холодной войны» и нашего времени.

Сложность определения понятия международной энергетической безопасности вызвана *комплексным составом ее элементов*. Одним из самых важных компонентов является национальная безопасность, а также энергетическая безопасность, экономическая безопасность и состояние топливно-энергетического комплекса того или иного государства.

Национальная безопасность исходит из защиты национальных интересов государств, которые де-юре равны, хотя де-факто имеют разный вес и вносят свой «вклад» в международную систему на основе своих военно-политических и экономических потенциалов. Так, в «Энергетической стратегии России на период до 2030 года» отмечается, что энергетическая безопасность является главным стратегическим ориентиром долгосрочной государственной энергетической политики. Вместе с этим документ отмечает, что «энергетическая безопасность является одной из важнейших составляющих национальной безопасности страны»⁷.

Цели национальной энергетической безопасности государства определяются исходя из того, к какой группе стран оно принадлежит: нетто-потребителям, нетто-производителям или транзитерам ресурсов.

Исходя из этого, энергетическая безопасность для определенной группы государств (потребителей) означает установление *контроля над основными энергетическими производителями и транспортировкой энергоресурсов* (для Европы, к примеру, основным вопросом в этой сфере является зависимость от газовых поставок из России и необходимость диверсификации поставщиков).

Говоря об интересах производителей и поставщиков энергоносителей, следует подчеркнуть, что *проблема цены* на энергоно-

сители сегодня является также составной частью международной энергетической безопасности.

Обзор существующих концепций и определений энергетической безопасности позволяет выделить три основных подхода к решению проблем международной энергетической безопасности. Первый подход (*взаимозависимости*) предполагает установление определенного структурного экономического баланса между производителями и потребителями энергии, поскольку именно структурные проблемы межгосударственных поставок энергоносителей на основе углеводородов приводят к уязвимости национальных экономик.

Второй подход (*институциональный*) предполагает анализ эффективности деятельности международных институтов и организаций в обеспечении энергетической безопасности (МЭА, ОЭСР, ОПЕК, группа Всемирного банка).

Третий подход акцент делает на *диверсификации поставок* в связи с развитием новых технологий, движением в сторону дерегуляции рынка, международных инвестиций и взаимозависимости в энергетическом секторе, предполагает исследование проблемы доступа к энергии. В данном случае энергетика выступает как сложная система торговых взаимоотношений, где основным источником угроз для экономических и политических систем становится система формирования цен.

Очевидно, что в современных условиях эти три подхода следует не противопоставлять друг другу, а объединять.

2. Система и угрозы международной энергетической безопасности

Система международной энергетической безопасности (в частности, безопасности США и Европы) стала формироваться в 1972 г. как ответная реакция на нефтяное эмбарго арабских стран. Главные задачи такой системы заключались в обеспечении координации политики промышленно развитых стран в случае перерывов в поставках нефти, стимулировании сотрудничества в области энергетической политики и недопущении в будущем ситуации использования нефти как инструмента политического давления.

В современных международных отношениях взгляд на энергетическую безопасность значительно расширился. Под воздействием существенных международно-политических изменений в начале XXI в. при анализе международной энергетической

безопасности выделяют такие взаимосвязанные аспекты, как ресурсный, военно-политический, финансовый, экологический и технологический⁸.

Как отмечают эксперты в очередном докладе МЭА «World Energy Outlook 2012», сегодня *происходит изменение энергетической карты мира*, которое может иметь далеко идущие последствия для энергетических рынков и торговли. К наиболее значимым переменным они относят: возрождение нефте- и газодобычи в Соединенных Штатах, отказ некоторых стран от атомной энергетики, быстрое развитие ветровой и солнечной энергетики, рост темпов добычи нетрадиционного газа, успехи Ирака в возрождении своей нефтяной отрасли, а также международные усилия по повышению энергоэффективности экономики⁹.

В докладе Национального совета по разведке США (NIC) «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры», опубликованном в декабре 2012 г., отмечается, что «к 2030 г. ни одна страна, включая США и Китай или любую другую крупную страну, не будет мировым гегемоном»¹⁰. США к 2030 г. утратят лидерство, но обретут независимость в вопросах энергетики и благодаря крупным запасам нефти и газа даже станут их экспортером.

Согласно прогнозам NIC к 2030 г. спрос на продовольствие в среднем вырастет на 35%, на воду – на 40, на энергоносители – на 50%. В результате некоторые регионы и даже отдельные континенты, в частности Африка и Ближний Восток, будут испытывать серьезную нехватку еды и воды. Новые технологии увеличения добычи углеводородов подорвут контроль со стороны ОПЕК за ценами на «черное золото». Это может привести к коллапсу нефтяных цен и сильнейшему негативному эффекту для экономик, зависящих от экспорта нефти и газа.

По оценке МЭА на конец 2012 г., спрос на нефть в 2035 г. достигает 99,7 млн бар./день, поднявшись со значения 87,4 млн бар./день в 2011 г. Это неуклонное повышение роста потребления нефти происходит в странах с развивающимися рынками, особенно для нужд транспорта в Китае, Индии и на Ближнем Востоке, которое намного перевешивает сокращение потребления в странах ОЭСР¹¹.

Нестабильность в критически важных в энергетическом смысле регионах, таких как Ближний Восток, Венесуэла, Нигерия, Каспийский регион, влияет на систему международной энергетической безопасности. Одновременно разворачивается острая конкурентная борьба среди лидеров развитых (США, Западная Европа, Япония) и развивающихся стран (Китай, Индия, Бразилия)

за свободный доступ к постепенно истощающейся традиционной сырьевой базе.

Анализ показывает, что у основных энергетических игроков в мире стратегии по обеспечению ресурсной безопасности весьма отличаются. Региональные и мировые державы, обладающие серьезными запасами энергоресурсов или претендующие на них, готовы защищать свои экономические интересы, в том числе с применением военной силы.

Как подчеркивает авторитетный российский эксперт С. Карганов, «не случайно чуть ли не главное направление наращивания вооружений растущими державами – военно-морские силы, которые остаются, как и во времена классической геополитики, главным объектом интереса великих держав. Больших войн за главный ресурс будущего – пресную воду – пока нет. Но наметившаяся тенденция к перекрытию верховьев рек, а такая практика особенно опасна для Индокитая и Индостана, может привести к тому, что данная проблема окажется в сфере применения военной силы»¹².

При этом повышенное внимание уделяется *социально-экономическим аспектам энергобезопасности*: последствия глобального экономического кризиса 2008–2010 гг.; повышение спроса на нефть, газ и другие невозобновляемые стратегически важные ресурсы со стороны развивающихся стран (Индия, Китай); растущее население мира, порождающее повышение спроса на воду и продукты питания; изменение климата, что приводит к повышению уровня Мирового океана и наводнениям; рост морской торговли; экономические конфликты (протекционизм, война национальных валют).

Усложняется глобальная цепь поставок. Например, большая часть поставок нефти в экономику США осуществляется по морю. В настоящее время в среднем ежедневно около 47 млн бар. нефти курсирует в танкерах. Российская нефть на 60% транспортируется по трубопроводам и лишь 5% – железнодорожным транспортом, причем эти виды достаточно доступны для террористического вмешательства.

Наконец, *актуализируются проблемы повышения эффективности использования энергии* ввиду увеличения спроса и сокращения запасов невозобновляемых природных ресурсов, а новые технологии позволяют переходить к использованию нетрадиционных видов энергии, таких как солнечные и ветряные станции, возобновляемые и аккумулируемые источники энергии.

Обозначились *угрозы природных аномалий и катаклизмов, техногенных катастроф*, которые могут полностью дестабилизировать

ровать глобальный энергетический рынок. Ухудшение экологической среды создает прямую угрозу жизни и здоровью населения, разрушает озоновый слой защиты от ультрафиолетовых лучей, а также стимулирует «парниковый эффект», повышающий среднюю температуру атмосферы и ведущий к необратимым климатическим изменениям.

Возможные решения перечисленных проблем лежат на пути постепенной замены ставшей тупиковой парадигмы непрерывного традиционного экономического роста и увеличивающегося потребления более устойчивым и безопасным развитием разнообразных, многоукладных экономических систем, новым технологическим укладом. Как отмечает в своей книге Робин Шарма, «не снизив потребности, ты никогда не будешь чувствовать себя удовлетворенным. Ты всегда будешь походить на того игрока в Лас-Вегасе, который остается за рулеткой еще на один круг в надежде, что выпадет его счастливый номер. Ты всегда будешь хотеть большего, чем имеешь. Можно ли при этом быть счастливым?»¹³.

Обеспечение национальной и международной энергетической безопасности в условиях глобализации и усиливающейся конкуренции возможно достичь за счет: а) недопущения применения военной силы для разрешения энергетических конфликтов; б) урегулирования энергетических проблем на основе международного права; в) взаимосвязи энергетической политики в области экспорта, импорта и транзита энергоресурсов, диверсификации рынков сбыта энергоресурсов; г) развития новых форм международного сотрудничества для обеспечения энергетической безопасности и стабильности; д) создания новых механизмов координации действий государств в энергетической сфере, а также в области урегулирования энергетических конфликтов.

Таким образом, *международную энергетическую безопасность* можно определить как состояние устойчивости экономических систем различного уровня (мировой, региональной, национальной) в условиях воздействия внутренних и внешних угроз и проблем. Целью функционирования такой системы являются обеспечение доступности и достаточности энергоресурсов по приемлемым условиям и ценам для стабильного функционирования и устойчивого развития политических и социально-экономических систем на глобальном, региональном и национальном уровнях (стран-потребителей, производителей и транзитеров).

Анализ проблем приводит к выводу, что невозможно создать отдельно энергетическую безопасность потребителей и энергетическую безопасность поставщиков. Такой односторонний подход

является недееспособным, так как в эпоху глобализации и интеграции невозможно оставаться полностью независимым, когда спрос и предложение энергоресурсов взаимосвязаны. Поэтому необходима единая международная энергетическая безопасность, что приводит к необходимости формулирования ее как системы.

При этом следует учитывать в равной степени интересы производителей и потребителей энергоносителей при анализе и обеспечении энергетической безопасности. Именно такая идея легла в основу Санкт-Петербургского саммита G-8 в 2006 г. В ходе дискуссии по энергетической безопасности удалось совместно выявить фундаментальную формулу баланса интересов и равной ответственности поставщиков, потребителей и транзитных стран.

В итоговом документе «Глобальная энергетическая безопасность», принятом на саммите, подчеркивается, что глобальная энергетическая безопасность – это обеспечение устойчивого и бесперебойного снабжения энергетическими ресурсами всех стран мира по ценам, приемлемым как для потребителей, так и для производителей этих ресурсов, с минимальным ущербом для окружающей среды в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития мирового сообщества.

Прошедший после саммита период показал, что этот подход не должен ограничиваться лишь рамками «восьмерки», а должен распространяться на максимально возможное число стран.

Примечания

- ¹ IEA. World Energy Outlook, 2007. P., 2007. P. 160.
- ² Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy / J.H. Kalicki, D.L. Goldwyn (eds.). Washington; Baltimore: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press, 2005. P. 9.
- ³ *Yergin D.* Energy security in the 1990s // Foreign Affairs. 1988. Vol. 67. № 1. P. 111.
- ⁴ Вопросы энергетической безопасности [Электронный ресурс] // Строительный портал ВестБетон. URL: <http://www.allbeton.ru/upload/iblock/e54/voprosi-energeticheskoy-bezopasnosti-doklad-gruppi-vsemirnogo-banka.pdf> (дата обращения: 10.10.2012).
- ⁵ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <http://minenergo.gov.ru/activity/energostategy/> (дата обращения: 18.11.2012).
- ⁶ *Jeff D. Colgan* Oil and Revolutionary Governments: Fuel for International Conflict // International Organization. 2010. Vol. 64. № 4. P. 661–694.
- ⁷ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс].

- ⁸ *Миронов Н.* Мифы и вызовы глобальной энергетической безопасности // *Мировая энергетика*. 2007. № 3–4.
- ⁹ *World Energy Outlook 2012* [Электронный ресурс] // International Energy Agency. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Russian.pdf> (дата обращения: 01.12.2012).
- ¹⁰ *Global Trends 2030: Alternative World* [Электронный ресурс] // Office of the Director of National Intelligence. URL: http://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf (дата обращения: 12.12.2012).
- ¹¹ *World Energy Outlook 2012* [Электронный ресурс].
- ¹² *Караганов С.* Зачем оружие? [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 5. Сентябрь/октябрь. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Zachem-ozuzhie-15719> (дата обращения: 02.12.2012).
- ¹³ *Шарма Р.* Монах, который продал свой «феррари». М.: София, 2012. С. 154.

РОЛЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье даны геополитическая характеристика Каспия и его роль в мировой политике. Освещена политика внерегиональных держав. Затронута проблема определения правового статуса Каспийского моря.

Ключевые слова: Россия, США, Центральная Азия, внерегиональные державы, правовой статус Каспийского моря.

Сегодня Каспий привлекает к себе огромный интерес большинства как региональных, так и внерегиональных государств, что в первую очередь связано с широким распространением версии о богатых запасах нефти в регионе, а также с важным геополитическим положением региона.

Такой интерес к региону вызван в первую очередь экономическим фактором. Несмотря на то что еще наверняка неизвестны реальные размеры запасов природных ресурсов на Каспии и целесообразность новых капиталовложений в их добычу и строительство инфраструктуры, уже сегодня прибрежные страны конкурируют между собой на рынках инвестиций. Сегодня известно, что на Каспии сосредоточено около 4% мировых запасов нефти, а потенциал запасов нефти оценивается в 40 млрд т.¹

Таким образом, существует реальная опасность превращения Каспийского региона в очаг международной напряженности. В первую очередь это вызвано, конечно, теми самыми запасами сырья. Действительно, для большинства ведущих государств и ТНК именно экономический фактор является ведущим стимулом для продвижения своих интересов в Каспийском регионе в целях обеспечения доступа к новым источникам энергоресурсов. В то же

время существуют страны, чьи интересы не ограничиваются только экономикой, гораздо больше их привлекает геополитическое расположение региона и обеспечение своих военно-стратегических интересов там.

Осознавая важность Средиземноморско-Каспийского региона, отстаивать свои интересы там стремятся не только региональные, но и многие внерегиональные государства. К последним относятся в первую очередь США, что выразилось в попытках продвижения американских компаний в Каспийском регионе, прежде всего в Азербайджане.

Также в регионе достаточно сильна позиция Китая, заинтересованного не только в поставках энергоресурсов, но и обеспечивающего там своим присутствием свою же безопасность. Набирает обороты и влияние Индии, а также Пакистана, использующего конфессиональную близость с мусульманскими странами региона в своих целях. Значительное место занимает Турция, которая является не только одной из наиболее влиятельных региональных держав, но и плацдармом НАТО в регионе.

Россия же имеет со странами региона прежде всего исторические, экономические, а также культурные связи. Хотя стоит отметить, что отсутствие эффективной и продуманной политики Москвы в отношении стран региона в 1990-е гг. привело к частичной утрате влияния в регионе и усилению позиций внерегиональных государств. Важно то, что Россия имеет жизненно важные интересы в Средиземноморско-Каспийском регионе хотя бы ввиду своей территориальной близости со странами Южного Кавказа, что ставит вопрос обеспечения стабильности в Центральной Азии на основе установления тесных партнерских отношений с соответствующими государствами. Помимо этого, Россия стремится сохранить единое экономическое пространство с Центральной Азией в рамках активизации сотрудничества по линии ЕврАзЭС для обеспечения рынка сбыта своей продукции и импорта ряда товаров.

Не менее важным является использование географического положения Каспийского региона и его транзитного потенциала для поддержания партнерских отношений не только со странами региона, но и с другими ведущими игроками, такими как Китай, Индия и Иран.

За более чем два десятилетия значение Каспийского региона для ведущих мировых игроков, безусловно, выросло. Расположение Каспийского региона между Центральной и Восточной Европой на севере и Большим Ближним Востоком на юге определяет его геополитическую роль как стабилизатора отношений между

цивилизациями Запада и Востока. Промежуточное положение Каспийского региона предоставляет его странам уникальную возможность наладить конструктивные отношения как с Европой, так и с ближневосточными странами и в то же время являться связующим звеном между ними.

Однако подобное промежуточное положение вызывает и некоторые проблемы. Так, на регион оказывается постоянное влияние со стороны внешних сил – США, ЕС и Китая. Все больше накаляются отношения между США и Ираном, на ситуацию в регионе также оказывает влияние близость Ирака. Немаловажным было влияние на общую ситуацию в регионе войны 2008 г. в Южной Осетии.

США, стремясь уменьшить влияние России в регионе и обеспечить доступ американского бизнеса к ресурсам Каспия, включили данный регион в зону ответственности Центрального командования ВС США и открыли представительства НАТО в Казахстане и Азербайджане. В ответ на активизацию деятельности США в регионе Россия также инициировала ряд военных акций, среди которых выдвигание проекта создания «Смешанных сил быстрого реагирования по обеспечению безопасности в бассейне Каспийского моря», а также создание Антитеррористического центра СНГ². Однако ввиду гонки вооружения прикаспийских государств и ввиду ежегодного роста расходов этих государств на оборону они охотно принимают военную помощь не только от России, но и от США и Китая. Да и Россия, несмотря на заявления о стремлении к демилитаризации Каспия, постоянно увеличивает свое военное присутствие.

Степень вовлеченности различных государств в экономику и политику Каспийского региона можно разграничить по нескольким «поясам». Первым являются пять прибрежных государств: Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан, Туркмения. Ко второму «поясу» относятся государства, через которые проходят или могут пройти нефте- и газопроводы и другие коммуникации. К таким государствам можно отнести Грузию, Турцию и Болгарию. Их влияние заключается в проводимой политике в отношении транзита энергоресурсов, что влияет на целесообразность их добычи в регионе. Третий «пояс» включает в себя те государства, которые так или иначе тяготеют к региону, используют его ресурсы или имеют интересы иного рода. К ним относятся Украина, Таджикистан, Саудовская Аравия, Греция, Армения, Узбекистан и др. Существует также четвертый «пояс» государств, влияние которых выходит на глобальный уровень. К ним относятся США, которые имеют в регионе как экономические, так и политические и стратегические

интересы, Европейский союз и Китай, чьи интересы раньше ограничивались лишь экономической составляющей, но в настоящее время спектр их интересов расширился в силу необходимости укрепления своих позиций в стратегически важных регионах мира. В последнее время активизируются Индия и Пакистан ввиду их заинтересованности в переориентации поставок энергоносителей в своем направлении и их диверсификации.

Значение Каспийского региона возрастает день ото дня, что делает его зоной повышенной конкуренции между Россией и Западом в целом и с США в частности. Причины конкуренции заключаются прежде всего в добыче нефти и газа, а также в строительстве трубопроводов для их транспортировки. Помимо трубопроводов, идущих через территорию России, построен ряд нефте- и газопроводов в обход России. Прежде всего это нефте- и газопроводы Баку–Тбилиси–Джейхан, Баку–Супса, Баку–Тбилиси–Эрзерум³. В данный момент эти газопроводы опасны для России утратой монополии на транспортировку углеводородного сырья из региона. Однако строительство Южного потока и провал строительства альтернативных трубопроводов Nabucco и TANAP вполне может решить эту проблему.

Таким образом, геополитическая ситуация в регионе определяется в первую очередь взаимоотношениями государств, имеющих выход к Каспийскому морю, то есть России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана.

Азербайджан является, пожалуй, основным конкурентом России в регионе. Обладая значительными запасами нефти и газа, эта страна является центральным звеном транзита энергоресурсов на Запад в обход России. Помимо уже существующих нефте- и газопроводов до турецких портов Джейхан и Эрзерум, идут переговоры о расширении сотрудничества Азербайджана, Украины, а также, возможно, Беларуси и Казахстана по поводу объединения трубопроводов Азербайджана с украинским трубопроводом Одесса–Броды, а также продолжения его строительства до Гданьска, и в дальнейшем их объединения с трубопроводом Беларуси⁴. Эти проекты в целом носят не экономический, а скорее политический характер, и нацелены они прежде всего на снижение роли России как основного поставщика углеводородов в Европу. Однако на данный момент все азербайджанские трубопроводы в западном направлении нерентабельны, а прибыльными они могут стать при условии их наполнения казахской нефтью и туркменским газом.

Казахстан и Туркменистан являются центром долговременной энергетической конкуренции между Россией, США и Евросоюзом,

а также Китаем. В 2007 г. была подписана декларация о строительстве прикаспийского газопровода Россией, Казахстаном и Туркменистаном, что в целом расстроило планы строительства альтернативных трубопроводов⁵. Однако в то же время Казахстан заключил договор с Китаем о строительстве нефтепровода, который свяжет Каспий с Китаем, что может грозить в будущем возникновением проблем с поставками газа в Европу Россией. Кроме того, стоит учитывать желание Казахстана диверсифицировать свои поставки по различным направлениям. Решающим фактором тут является рост темпов добычи нефти Казахстаном. Что касается отношений России и Туркменистана, то и здесь сохраняются трудности. Прежде всего, существует аналогичное с Казахстаном стремление Туркменистана диверсифицировать направления своих поставок. Заинтересованность России в туркменском газе и его участии в совместных проектах транзита энергоресурсов, с одной стороны, и стремление США и Евросоюза привлечь его к участию – с другой, позволяют Туркменистану, используя «газовые рычаги», решать широкий круг политических и экономических вопросов. Для России крайне важно сохранить за собой импорт туркменского газа для обеспечения как своего экспорта, так и внутреннего потребления. Однако до конца не ясны объемы запасов газа в Туркменистане и его способность в будущем выполнять соглашения по его поставкам в Россию.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что вопрос правового статуса Каспия является решающим не только для начала разведки месторождений и добычи ресурсов, но и для обеспечения там геостратегических интересов России. Как уже было сказано, берега Каспия на сегодняшний день принадлежат пяти государствам, чьи национальные интересы в ряде вопросов не совпадают.

Аналитики единодушны в том, что основной причиной разногласий между странами Каспийского региона являются нефтяные месторождения, которые могут принести значительные прибыли. Ситуация вокруг урегулирования правового статуса Каспия осложнена рядом факторов. Во-первых, процессом разделения советского наследия. Во-вторых, позицией Ирана, который, стремясь расширить свое влияние на Каспии и активизировать там свою деятельность, с трудом идет на уступки.

Между пятеркой прикаспийских стран есть договоренность о необходимости подписания конвенции о правовом статусе Каспийского моря, однако подписание этого документа отложено на неопределенное время⁶.

В начале XX в. международно-правовыми документами, определяющими правовой статус Каспия, были Договор между СССР и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. Однако после 1991 г. появившиеся после распада СССР республики отказались признавать юридическую силу этих договоров. Тем не менее до подписания и вступления в силу нового документа продолжают действовать именно советско-иранские договоры 1921 и 1940 гг. В течение последних двух десятилетий обсуждения этого вопроса позиции различных стран по определению правового статуса Каспия постоянно менялись, что объясняется изменениями внутривосточной ситуации этих стран, а также влиянием вне-региональных держав. Ввиду этого реальный процесс решения проблемы правового статуса Каспия начался лишь в 2000 г., когда Россия объявила Каспийское море зоной своих особых интересов⁷.

Сегодня статус Каспия определяется следующими основными элементами:

- режим судоходства;
- порядок использования биоресурсов (в первую очередь рыбных);
- порядок эксплуатации ресурсов;
- порядок защиты экосистемы.

В Тегеране в ноябре 2003 г. был подписан первый пятисторонний документ о защите морской среды Каспийского моря, он вступил в силу в августе 2006 г.⁸ Основной его целью является обеспечение экологической безопасности водоема и защита его природных богатств в процессе освоения углеводородных ресурсов.

В октябре 2007 г. на следующем саммите прикаспийских государств в Тегеране пятью прикаспийскими государствами была подписана итоговая декларация, где были закреплены некоторые важные положения⁹.

Основными обсуждаемыми вопросами саммита стали:

- разделение акватории Каспийского моря на внутренние воды;
- установление линии государственной границы между всеми прикаспийскими государствами по внешним рубежам территориального моря;
- предоставление всем прикаспийским государствам свободы судоходства и рыболовства в рамках общего водного пространства, но на основе квот вылова;
- оформление юридических основ взаимодействия прикаспийских государств в сферах использования, охраны и воспроизводства биоресурсов;

- разработка конвенции о правовом статусе Каспийского моря, а также решение вопроса о транзите к другим морям и Мировому океану.

В декларации было также отмечено, что только прибрежные государства обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов. До окончательного определения правового статуса Каспия в его акватории должны действовать режимы судоходства, рыболовства и плавания судов исключительно под флагами каспийских стран¹⁰. Подчеркивалось, что подписавшиеся стороны ни при каких обстоятельствах не позволят другим государствам использовать свои территории для совершения агрессии и других военных действий против любой из сторон¹¹.

Однако в большинстве своем прибрежные страны вынуждены постоянно вести переговоры на двусторонней основе относительно разграничения дна Каспия между собой, так как многосторонние переговоры по достижению общих договоренностей по правовому статусу Каспия пока не столь эффективны ввиду разницы подходов к данному вопросу у различных государств.

Тем не менее пять прикаспийских государств все больше склоняются к идее решения данного вопроса без привлечения внерегиональных государств. В 2008 г. в результате переговоров России, Ирана, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана была создана Организация каспийского экономического сотрудничества, однако прийти к общему мнению этим государствам так и не удалось, но начало активизации процесса урегулирования политико-правового статуса Каспия было положено. Наибольшую проблему для прикаспийских государств сегодня вызывает стремление ряда крупнейших транснациональных компаний к участию в освоении каспийских углеводородных ресурсов.

В настоящее время существуют два основных варианта разделения Каспийского моря. Первый вариант – деление на национальные сектора пропорционально длине береговой линии каждой из пяти прибрежных стран, что не устраивает Иран, который в настоящее время является самым несговорчивым среди остальных прикаспийских государств. Основная проблема заключается в том, что Иран настаивает на разделении моря по принципу равных долей, то есть по 20% каждому, хотя ранее по договорам между СССР и Ираном ему полагалось 12%. При разделе Каспийского моря пропорционально длине береговой линии доля Ирана также будет меньше – 14% (России – 19%, Азербайджана – 19, Туркменистана – 19, Казахстана – 29%).

В целом все прикаспийские государства согласны с необходимостью продолжения переговорного процесса в целях выработки взаимоприемлемого решения относительно определения статуса Каспийского моря. Однако большинство экспертов склонно считать, что в ближайшее время кардинальных сдвигов на пути консолидации позиций по разделу Каспия ждать не стоит, что во многом на руку ряду ведущих мировых держав, которые благодаря этому имеют возможность более эффективно проводить в регионе свою политику и влиять на политические и экономические процессы, происходящие там¹².

Оживленное внимание внерегиональных стран к Каспийскому региону вызвано как экономическими, так и политическими причинами. Среди внерегиональных государств, стремящихся реализовывать свои интересы в регионе, можно выделить две группы. К первой группе можно отнести США и ЕС, ко второй относятся страны Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Китай и Пакистан)¹³.

Интересы США в регионе в первую очередь связаны с борьбой за контроль над энергоресурсами, а также с препятствованием перенаправлению потоков энергоресурсов в другие развитые регионы мира, такие как Китай. Последний фактор является немаловажным ввиду того, что на протяжении долгого времени из США в страны этого региона шел значительный поток инвестиций, в первую очередь в Казахстан, Азербайджан и Туркменистан, терять которые они не намерены.

США рассматривают Каспийский регион как потенциальный резерв углеводородного сырья, который можно задействовать в случае истощения запасов в других странах-поставщиках либо при изменении ценовой конъюнктуры на мировых рынках. США также стремятся создать новую систему транзита углеводородов из Каспийского региона на мировые рынки, что, конечно же, продиктовано интересами в повышении надежности обеспечения страны энергоресурсами. Как страна с растущей энергозависимостью от внешнего мира США стремятся обеспечить глобальную и региональную диверсификацию добычи и транспортировки энергоносителей. Соответственно, концентрация добычи и транспортировки энергоресурсов в одном регионе является угрозой энергетической безопасности США. Одним из регионов, способных решить эту проблему, является Каспий. Для США важен факт роста зависимости от стран Персидского залива, а ресурсы Каспийского региона вполне могут помочь диверсификации их источников. Таким образом, США, с одной стороны, являются крупнейшим потребителем

ближневосточной нефти, а с другой стороны, активная позиция США в регионе дает возможность прикаспийским государствам рассматривать их не только как экономического, но и как воен-но-стратегического партнера¹⁴.

Стремление США закрепиться в Каспийском регионе основано на той идее, что чем прочнее позиции прозападных и проамериканских сил в государствах, обладающих значительными запасами сырья, тем больше оснований рассматривать эти государства как надежных поставщиков. Таким образом, надежность зарубежных поставок энергоресурсов в США напрямую зависит не только от политической стабильности государств-экспортеров, но и от того, насколько прозападную позицию занимают правящие режимы этих государств.

Однако этот регион интересует США не только с точки зрения обеспечения энергетической безопасности, но и как некое «окно» в Большой Ближний Восток. Для этого США стремятся интегрировать некоторые южнокавказские государства, такие как Грузия, Армения и Азербайджан, в ЕС и присоединить их к ее институтам¹⁵. Вместе с этим постепенно формируется стратегия внедрения НАТО в Каспийский регион путем разработки и внедрения поэтапных программ для стран Каспия. Среди всех государств Каспийского региона наиболее широко сотрудничает с НАТО Грузия. Хотя данное государство напрямую и не выходит к Каспийскому морю, оно может стать плацдармом для дальнейшего продвижения НАТО в регионе. С разной долей успеха НАТО пытается осуществлять сотрудничество с Казахстаном, Азербайджаном и Туркменией.

Также велика роль и *Европейского союза* в Каспийском регионе. Хотя Европа и является основным энергетическим партнером России, но она постоянно стремилась сократить ее долю в поставках энергоресурсов и диверсифицировать их. В Каспийском регионе отношения России и ЕС в последнее время заметно обострились. Основными причинами тому стали споры относительно транзита энергоресурсов в европейские страны. Также стоит отметить, что Россия так и не ратифицировала подписанный ею Договор к Энергетической хартии. Однако среди европейских экспертов существует понимание того, что зависимость Европы от российских энергоносителей будет расти, именно поэтому Европа стремится покрывать свой спрос на нефть и газ за счет Каспийского региона, в первую очередь за счет Азербайджана и Казахстана. Тем не менее в условиях усиления позиций России в Центральной Азии и на Каспии, а также в условиях координации деятельности стран упомянутых регионов между собой в рамках ЕврАзЭС и ШОС Ев-

ропе так или иначе придется иметь дело с Россией, так как спрос на энергоносители будет только расти.

Стратегический подход *Китая* основывается на том, что нефтегазовая отрасль – это в первую очередь проблема безопасности и геополитики страны и должна обеспечиваться не только внешнеполитическими, дипломатическими и экономическими мерами, но и военными. С этой точки зрения Китай является если не основным, то одним из наиболее мощных соперников России в регионе. Однако, с другой стороны, он является одновременно и крупным и в то же время перспективным потребителем энергоресурсов России.

Индия, являясь одним из крупнейших мировых потребителей энергоресурсов, активно стремится диверсифицировать свои источники снабжения. Однако для обеспечения регулярных поставок углеводородов ей необходимо создать трубопроводную систему в своем направлении. Одним из таких перспективных проектов является трубопровод Туркменистан–Афганистан–Пакистан, лоббируемый Пакистаном. Но пока ситуация в Афганистане остается нестабильной, возможность существования такого проекта остается под вопросом.

Пакистан, помимо стремления к сотрудничеству в области строительства единой транспортно-коммуникационной сети, которая бы объединила страны Каспийского региона с Пакистаном, стремится наладить долгосрочные политические отношения со странами региона. Пакистан стремится увеличить свое присутствие в Прикаспии, а также сдерживать интересы своего основного соперника в регионе – Индии.

В заключение необходимо еще раз сказать о том, что изменение геополитического положения России на Каспии, а также комплекс причин, связанных с ресурсными, экономическими, экологическими, правовыми и другими особенностями Каспийского региона, делают его центром противоречий глобального характера. С одной стороны, при всех различиях интересов государств, которые стремятся укрепить свое присутствие на Каспии, России пока удается сохранять и даже укреплять свою экономическую и политическую роль в регионе. Это подкрепляется потенциалом России, ее непосредственным присутствием в регионе, ее ведущей ролью как обладателя и потребителя энергоресурсов, а также транзитной страны для нефти и газа. Однако существуют и некоторые негативные тенденции, переломить которые можно лишь обеспечив стратегические интересы России. Чтобы Россия не потеряла свои позиции в регионе, необходима четко выстроенная стратегическая линия по защите ее национальных интересов.

Однако необходимо учитывать, что столкновение стратегических интересов ведущих мировых и региональных игроков, таких как Россия, США, Евросоюз и Китай, может в значительной степени увеличить и без того огромный конфликтный потенциал региона. Географическая близость Южного Кавказа, Ближнего и Среднего Востока повышает вероятность активизации радикальных исламских и международных террористических организаций. Исходя из этого России и другим ведущим государствам необходимо стремиться не к геополитическому соперничеству, а к координации своей политики в масштабах региона.

Примечания

- ¹ *Гегелашвили Н.А.* Каспийский регион в российско-американских отношениях: Научный доклад. М., 2009. С. 6.
- ² *Куприянов А.Б.* Геополитические особенности Каспийско-Черноморского региона в системе современных МО. М.: Ин-т экономики, 2009. С. 29.
- ³ *Шумилин А.И.* Энергетическая стратегия России и США. М.: Междунар. отношения, 2008. С. 98.
- ⁴ Там же. С. 118–119.
- ⁵ Там же. С. 123.
- ⁶ *Маркелов К.А.* Актуальные проблемы политико-экономической безопасности стран Каспийского региона в начале XXI века. М.: Ин-т междунар. социально-гуманитарных связей, 2011. С. 42.
- ⁷ *Куприянов А.Б.* Указ. соч. С. 26.
- ⁸ *Гегелашвили Н.А.* Указ. соч. С. 8.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Декларация саммита прикаспийских государств [Электронный ресурс] // Тальшское информационное агентство. URL: <http://tolishpress.org/news/52.html> (дата обращения: 19.07.2013).
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Гегелашвили Н.А.* Указ. соч. С. 14.
- ¹³ *Куприянов А.Б.* Указ. соч. С. 11.
- ¹⁴ Там же. С. 15.
- ¹⁵ *Кудряшова Ю.С.* Государства Южного Кавказа в европейской политике соседства (Аналитические записки НКСМИ МГИМО (У) МИД России. 2008. Вып. 6: «Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа». С. 31–39) [Электронный ресурс] // МГИМО Университет МИД России. URL: <http://www.mgimo.ru/files/34233/34233.pdf> (дата обращения: 19.07.2013).

ТРАНЗИТНЫЙ ФАКТОР
В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС
(НА ПРИМЕРЕ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ)

В данной статье автор планирует рассмотреть комплекс проблем, связанных с экспортом российской нефти в страны ЕС, уделяя основное внимание вопросам ее транспортировки и развития соответствующей транзитной инфраструктуры.

Ключевые слова: нефть, энергетика, трубопровод «Дружба», Балтийская трубопроводная система.

Экспорт нефти является одной из ключевых доходных статей бюджета Российской Федерации. Россия и ЕС существенно взаимозависимы в сфере поставок нефти, и в ближайшие годы нефть продолжит занимать центральное место во взаимоотношениях России и ЕС в области энергетики. Взаимозависимость подчеркивается тем фактором, что около 40% бюджетных поступлений России поступают именно благодаря торговле энергоресурсами с Европейским союзом. В этом легко убедиться, взглянув на цифры: Россия является основным поставщиком нефти в Европу с долей импорта 34%, по данным на 2010 г.¹ Торговля нефтью в стоимостном выражении является более значимой, нежели торговля любыми другими товарами: нефть и нефтепродукты вместе составляют 64% общей стоимости всего российского экспорта в ЕС. Европейский рынок является основным направлением российского нефтяного экспорта (около 93% всего экспорта), из них 87% направляется в Германию, Францию, Испанию, Италию и Великобританию. Если говорить о динамике объемов экспорта нефти в ЕС, то можно видеть, что с 1994 г. наблюдается рост поставок. В 1994 г. объем поставок в Европу составлял около

90 млн т, в 2012 г. данные показатели составили около 120 млн т (примерно 131,3 млрд дол.)².

Для изучения современного состояния отношений России и ЕС в нефтяной сфере особое внимание необходимо уделить инфраструктурному фактору, поскольку именно наличие соответствующих транзитных возможностей зачастую является определяющим в отношениях между поставщиком и конечным потребителем.

Трубопровод «Дружба» – крупнейшая в мире система магистральных нефтепроводов, построенная в 1964 г. предприятием Ленгазспецстрой для транспортировки нефти из Волгоуральской нефтегазоносной провинции в страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Впоследствии оказалось, что мощностей «Дружбы-1» стало недостаточно, и в 1974 г. по тем же трассам была проложена трубопроводная система «Дружба-2» диаметром до 1220 мм. «Дружбу-2» начали строить весной 1969 г. и закончили в 1974 г., увеличив экспортные возможности страны более чем в два раза³. Маршрут нефтепровода проходит от Альметьевска через Самару, Брянск до Мозыря, затем разветвляется на два участка: северный (по территории Белоруссии, Польши, Германии, Латвии и Литвы) и южный (по территории Украины, Чехии, Словакии и Венгрии). В систему входит 8900 км трубопроводов, 45 насосных станций, 38 промежуточных насосных станций, резервуарные парки которых вмещают 1,5 млн м² нефти.

Вплоть до начала XXI в. данный трубопровод являлся основным источником российской нефти для европейских потребителей. Однако новая российская стратегия, нацеленная на обход стран-транзитеров, привела к сокращению важности данной системы.

Сложности в использовании трубопроводной системы «Дружба» могут быть проиллюстрированы событиями 2007 г., ознаменовавшимися «транзитной войной» между Беларусью и Россией. В начале того года Беларусь объявила о повышении транзитной цены за прокачку российской нефти через свою территорию. На данный шаг белорусская сторона пошла после двукратного повышения «Газпромом» цен на газ для Беларуси с 47 до 100 дол. В ответ на это официальный Минск поднял цену за прокачку российской нефти до 45 дол. за одну тонну. На тот момент Россия транспортировала около миллиона баррелей через северную ветку нефтепровода «Дружба», проходящего через территорию Беларуси⁴.

Вследствие действий белорусской стороны компанией «Транснефть» в порядке ответных санкций были прекращены поставки нефти через территорию Беларуси в целях предотвращения неза-

конной откачки нефти, предназначенной европейским потребителям. К тому времени сообщалось, что Беларусь уже откачала около 80 тыс. т нефти в качестве средства погашения транзитной пошлины, наложенной на российскую нефть⁵.

Изначально Еврокомиссия, напрямую заинтересованная в бесперебойных поставках нефти, прореагировала довольно сдержанно на сложившуюся ситуацию, заявив, что данная мера не приведет к серьезным проблемам для европейских потребителей благодаря имеющимся в наличии резервам. Вместе с тем было выражено пожелание скорейшего погашения спора между Россией и Беларусью.

Но вместе с этим данный шаг оживил дискуссию в Европе о необходимости диверсификации импорта нефти.

9 января 2007 г. российская и белорусская стороны приступили к переговорам по поиску мер выхода из сложившегося кризиса. 11 января 2007 г. стороны пришли к соглашению, в результате чего российской стороной были возобновлены поставки нефти европейским потребителям после трех дней простоя⁶. По результатам переговоров российская сторона приняла решение сократить цену за одну тонну нефти, потребляемой Беларусью, с ранее требуемых 180 до 53 дол. а также обязалась предоставлять долю выручки за поставляемые переработанные нефтепродукты в европейские страны. В свою очередь, белорусская сторона сняла ранее введенную пошлину на прокачку российской нефти⁷. В тот же день комиссар ЕС по энергетике Андрис Пиебалгс подтвердил получение нефти на станциях в Польше.

Впоследствии объем прокачки российской нефти постоянно снижался в связи с введением в строй новых транспортных мощностей. Однако в начале 2013 г. «Роснефть» заключила новое соглашение с польской компанией PKN Orlen об увеличении объемов поставок российской нефти посредством трубопровода «Дружба». До 31 января 2016 г. поставки будут увеличены на 18 млн т нефти. Сумма сделки составила 15 млрд дол.⁸

Наряду с этим в начале 2013 г. были дополнительно подписаны соглашения об увеличении поставок нефти в Германию. Со стороны немецкой стороны покупателями выступили компании «Total» и «Shell», являющиеся акционерами немецкого нефтеперерабатывающего завода «Schwedt».

В результате подписанных соглашений общий объем ежегодных поставок нефти в Европу посредством нефтепровода «Дружба» возрастет примерно на 13 млн т в год. Данная мера вновь увеличит поставки через данный трубопровод, уменьшившиеся в 2012 г. в связи с перераспределением поставок через порты Балтийского моря.

По нефтепроводу в страны дальнего зарубежья в 2012 г. было экспортировано 54,3 млн т нефти, новые соглашения позволяют повысить данную цифру до 67 млн т⁹.

Балтийская трубопроводная система (БТС) – система магистральных нефтепроводов, связывающая месторождения нефти Тимано-Печорского, Западно-Сибирского и Урало-Поволжского районов с морским портом Приморск. Оттуда нефть поступает в Роттердам – главный центр нефтеторговли и переработки в Европе.

До создания БТС балтийское направление оставалось незначительным в советском и российском нефтяном экспорте. Так, в 1991 г. Россия экспортировала по Балтийскому морю примерно 15 млн т нефти за год¹⁰.

После распада Советского Союза РФ была вынуждена экспортировать свои грузы через Клайпеду и Вентспилс – порты независимых Прибалтийских государств, оплачивая деньги за транзит.

В 1994 г. город Приморск в Ленинградской области впервые попал в сферу внимания компании «Транснефть». Внимание к Приморску, через который предполагалось поставлять в Западную Европу нефть, объяснялось тем, что «Транснефть» искала оптимальный путь транспортировки сырья из Тимано-Печорского нефтяного региона. Весной 1996 г. работы по проектированию Балтийской трубопроводной системы были закончены. В начале 2000 г. президентом «Транснефти» была утверждена концепция реализации проекта БТС, предусматривающая начало строительства терминала по наливу нефти в Приморске в марте 2000 г. за счет средств инвестиционного тарифа¹¹. 31 марта 2000 г. состоялась торжественная церемония открытия строительства Балтийской трубопроводной системы, в том же году Россия прекратила перевалку сырой нефти через Вентспилский порт¹².

Первая очередь Балтийской трубопроводной системы, спроектированная и построенная отечественными специалистами, была успешно введена в эксплуатацию в декабре 2001 г. Это позволило создать новое независимое российское экспортное направление по транспортировке нефти через новый специализированный морской порт Приморск производительностью 12 млн т нефти в год. Впоследствии мощность БТС в короткие сроки последовательно наращивалась до 18, а затем до 30, 42, 62 млн т. К концу 2006 г. Приморск уже был способен переваливать в танкеры около 75 млн т нефти¹³.

В настоящее время Приморск – крупнейший в России порт по отгрузке нефти на экспорт. В ближайшей перспективе его мощ-

ность может быть увеличена до 120 млн т. В 2011 г. через порт было прокачено более 71 млн т российской нефти¹⁴. Однако в 2012 г. уже наблюдалось падение объемов отправки на 15%, что связано во многом с возобновлением объемов прокачки через нефтепровод «Дружба».

Наряду с созданием БТС чуть позднее появились планы по созданию дополнительных экспортных мощностей в балтийском бассейне. Балтийская трубопроводная система – 2 (БТС-2) – система магистральных нефтепроводов, связывающая нефтепровод «Дружба» с российскими морскими портами на Балтийском море.

Официальное решение о строительстве БТС-2 было утверждено 26 ноября 2008 г. распоряжением премьер-министра РФ Владимира Путина о проектировании и строительстве в два этапа «Балтийской трубопроводной системы – 2» по маршруту г. Унеча (Брянская область) – г. Усть-Луга (Ленинградская область) пропускной способностью до 50 млн т нефти в год, включая: первый этап – строительство первого пускового комплекса пропускной способностью до 30 млн т нефти в год с началом транспортировки нефти в III квартале 2012 г.; второй этап – строительство второго пускового комплекса с доведением пропускной способности до 50 млн т нефти в год¹⁵.

Нефтетерминал в «Усть-Луге» был запущен в тестовом режиме в конце марта 2012 г., в промышленную эксплуатацию введен в сентябре того же года. Его проектная мощность составляет 38 млн т в год. В период с 23 марта 2012 г. по 23 марта 2013 г. было отгружено более 19 млн т нефти¹⁶. До 75% экспортных объемов из «Усть-Луги» идут в Нидерланды (порт Роттердам), а 11% – в Испанию. Представитель «Лукойла» подтверждает перераспределение поставок нефти с «Дружбы» на «Усть-Лугу»: компании выгодно поставлять нефть морем в Роттердам на свой голландский НПЗ «Zeeland» мощностью 8,4 млн т в год. Оставшиеся объемы экспортных поставок распределяются между Германией, Италией, Марокко, Китаем и рядом других стран.

Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) – международная акционерная компания, построившая и эксплуатирующая нефтепровод КТК, который соединяет месторождения Западного Казахстана (Тенгиз, Карачаганак) с российским побережьем Черного моря (терминал Южная Озереевка около Новороссийска). Нефтепровод протяженностью около 1510 км и пропускной способностью 28,2 млн т в год введен в эксплуатацию в марте 2001 г., а 13 октября того же года КТК осуществил загрузку первого танкера на своем терминале у Южной Озереевки. Из российского

порта нефть транспортируется танкерами через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы¹⁷.

В 2004 г. на нефтеперекачивающей станции «Кропоткинская» в Краснодарском крае в систему КТК начала поступать нефть, добываемая на территории России, а к середине этого года КТК вышел на показатель полной пропускной способности первого этапа развития – 28,2 млн т. К 2005 г. пропускная способность нефтепровода была увеличена до 32 млн т в год.

В 2007 г. в России и Казахстане приступили к разработке условий и положения пакетного соглашения по проекту расширения трубопровода «Тенгиз–Новороссийск». В декабре 2009 г. акционерами был утвержден План расширения пропускной способности магистрального трубопровода КТК до 67 млн т нефти в год, включающий комплекс организационно-технических, финансовых и коммерческих вопросов. По данным на конец 2012 г., на терминале близ Новороссийска было отгружено более 300 млн тонн нефти за все время его функционирования.

Наряду с этим необходимо рассмотреть проект по строительству нефтеналивного терминала в Роттердаме при участии российской стороны. В 2010 г. администрацией роттердамского порта был объявлен открытый конкурс на право строительства нового терминала на площади 55 га, который выиграла «Shtandart TT B.V.», в состав которой входит российская инвестиционная компания «Summa Group» с 75% акций, и VTTI – крупный оператор терминалов, принадлежащий на паритетных началах швейцарской компании «Vitol» и малайзийской «MISC Berhad», находящейся под контролем нефтяной компании «Petronas», которому принадлежит 25% акций в проекте¹⁸.

Согласно проекту основные поставки нефти и продуктов на терминал в Роттердаме будут идти из российского порта Приморск. В Роттердаме же нефть «Urals» будет продаваться европейским потребителям на условиях поставки FOB. Планируется реализовать схему «плавучего трубопровода» – постоянно курсирующих танкеров между двумя портами. Изначально предполагалось, что основным партнером «Суммы» со стороны государства станет компания «Транснефть», однако позднее главой компании Николаем Токаревым было объявлено, что условия, предлагаемые «Суммой», оказались невыгодными.

8 апреля 2013 г. разрешение на строительство с голландской стороны было получено. Договор заключен на 28,5 лет с возможностью пролонгации еще на 25 лет. Сумма выплат по арендной плате составит 550 тыс. евро в месяц, что составит общую сумму в год в

размере 6,6 млн евро. Перевалочная мощность терминала должна составить до 50 млн т нефти и 12 млн т светлых нефтепродуктов в год, объем вложений – до 1 млрд дол.¹⁹

Вместе с тем до сих пор остается неясным, какая компания после отказа «Транснефти» будет привлечена к предложенной «Суммой» концепции «плавучего трубопровода». Основное же опасение вызывает неясность относительно партнера по поставке нефти. Ранее госкомпания «Роснефть» уже отказалась участвовать в данном проекте, в то же самое время остальные участники российского нефтяного рынка также не проявляют большого интереса к проекту. Такая ситуация ставит под вопрос и само строительство терминала, поскольку недостаток финансирования может сказаться на сроках введения терминала в строй (до 2016 г.) и поставить под вопрос всю сделку, ранее вызывавшую оптимизм среди аналитиков и представителей российского правительства.

Резюмируя, можно сказать, что стратегия России, направленная на расширение экспортных возможностей и обход стран-транзитеров, может расцениваться как весьма неоднозначная. С одной стороны, строительство дополнительных терминалов в балтийском регионе позволило расширить способы доставки нефти европейским потребителям. С другой стороны, экспортные мощности существенно превышают показатели производства и добычи нефти в России. Дорогостоящие вложения лишь усилили риски государства и предприятий, участвующих в данных проектах.

Серьезные риски для РФ представляет также принятый Евросоюзом пакет мер по климату и энергетике, направленный на увеличение энергоэффективности европейской экономики, повышение производства и потребления энергии из возобновляемых источников на 20% к 2020 г. Затраты на проект составят примерно 15 млрд евро²⁰. Одной из целей этого является предотвращение монополизации поставок, что с экономической точки зрения неизбежно приведет к снижению стоимости поставок нефти. Что уже и происходит, учитывая последовательное расширение сотрудничества ЕС со странами Каспийского бассейна, такими как Азербайджан и Казахстан, что в перспективе заметно снизит значение России как поставщика нефти в ЕС.

В связи с вышесказанным последующее расширение транспортной инфраструктуры представляется нецелесообразным, учитывая существенные затраты, связанные со строительством дополнительных мощностей, которые могут не окупиться в связи с развитием отношений ЕС с новыми поставщиками нефти, а также все большей ориентацией России на китайское направление.

- ¹ Подробнее см.: ЭнергодIALOG Россия–ЕС: 12-й доклад. Министерство энергетики РФ.
- ² Коммерсантъ. 2012. 21 нояб.
- ³ Нефтепровод «Дружба». Справочная информация [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20070109/58705713.html#ixzz2WsI1ZRSu> (дата обращения: 20.10.2013).
- ⁴ Belarus hits Russia with oil tax [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/6229577.stm> (дата обращения: 20.10.2013).
- ⁵ Russia oil row hits Europe supply [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/6240473.stm> (дата обращения: 20.10.2013).
- ⁶ Russia-Belarus oil blockade ends [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/6248251.stm> (дата обращения: 20.10.2013).
- ⁷ Moscow and Minsk resolve oil row [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/6257745.stm> (дата обращения: 20.10.2013).
- ⁸ Коммерсантъ. 2013. 4 февр.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Подробнее см.: Президент Республики на открытии Балтийского форума развития 4 ноября 2007 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Эстонской Республики. URL: <http://www.president.ee/ru/official-duties/speeches/2728--4-2007-/index.html> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹¹ История Общества [Электронный ресурс] // ООО «Спецнефтепорт Приморск». <http://www.smnpp.ru/company/history/> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹² Время новостей. 2008. 7 июля.
- ¹³ Проект «Балтийская трубопроводная система» [Электронный ресурс] BTC2: Балтийская трубопроводная система. URL: <http://www.bts2.ru/pipe> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹⁴ *Поливанов А.* Куда течет нефть? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/02/06/oil/> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹⁵ По данным официального сайта: Балтийская трубопроводная система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bts2.ru/> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹⁶ Год работы терминала перевалки нефти ООО «Невская трубопроводная компания» в порту «Усть-Луга» [Электронный ресурс] // VOLGA GROUP. URL: <http://volga-resources.ru/press/news/item00015/> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹⁷ Подробнее см. на сайте КТК: О проекте [Электронный ресурс] // Каспийский трубопроводный консорциум. URL: <http://www.cpc.ru/RU/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.10.2013).
- ¹⁸ Теперь FOB Роттердам // Эксперт. 2011. № 42 (775).
- ¹⁹ Коммерсантъ. 2013. 8 апр.
- ²⁰ Подробнее см.: Energy 2020: A Strategy for competitive, sustainable and secure energy [Электронный ресурс] // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/energy/publications/doc/2011_energy2020_en.pdf (дата обращения: 20.10.2013).

Л.А. Можаяева

АНТИМИЛИТАРИСТСКАЯ БОРЬБА И МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ФОКУСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЮНОШЕСКОГО ДНЯ

В статье освещаются основные аспекты политической направленности празднования в России и в ряде европейских стран Международного юношеского дня – молодежного Первого мая – в первой половине XX в. Показано, как празднование Международного юношеского дня способствовало складыванию традиций международной солидарности молодежи в борьбе против войн и агрессий.

Ключевые слова: Международный юношеский день, международная солидарность молодежи, антимилитаристская борьба, комсомол, социалистические союзы молодежи, Коммунистический Интернационал молодежи.

В качестве праздника Международный юношеский день был учрежден решением Международной социалистической конференции молодежи, состоявшейся в Берне в 1915 г., в целях мобилизации молодежи на борьбу с милитаризмом, за мир, против империалистической войны.

Выступавшие на конференции представители большевиков И.Ф. Арманд и Г.И. Егоров (Сафаров) ознакомили присутствовавших с лозунгами большевиков и их программой превращения войны империалистической в войну гражданскую, однако не получили поддержки большинства. Пацифистские настроения преобладали. Делегаты осудили захватнический характер войны и приняли решение восстановить распавшийся ранее Интернационал молодежи. Штаб его был перенесен в Швейцарию.

Конференция постановила ежегодно в первое воскресенье сентября проводить «Международный антимилитаристический

день молодежи». Так зародился Международный юношеский день (МЮД) борьбы с империалистической войной.

3 октября этого же года МЮД впервые провели в Швейцарии, Нидерландах, США, Италии, Румынии и ряде других стран. Это было первое выступление против войны, и оно имело огромное значение в объединении антимилитаристских усилий. В демонстрациях и митингах этого дня приняли участие более 120 тыс. человек¹. Особенно ярко праздник прошел в Скандинавских странах, Германии и Швейцарии, Америке. С 1916 по 1931 г. праздник отмечался в первое воскресенье сентября, а с 1932 г. по предложению некоторых секций Коммунистического интернационала молодежи – 1 сентября. С самого начала этот праздник представлял собой массовое действо: проводились демонстрации и митинги.

В отечественных исследованиях, как правило, указывается, что Международный юношеский день в России был впервые проведен в сентябре 1917 г., а последний раз – в 1945 г. В то же время анализ источников позволяет утверждать, что воззвание Интернационального бюро молодежи из Цюриха было получено в России в конце сентября, а праздник отмечался в Москве 15 октября 1917 г.² Охваченная всесторонним кризисом Россия осенью 1917 г. явно ощущала начало революционного взрыва. В Петрограде и Москве постоянно шли массовые демонстрации против войны, ядром антивоенных выступлений была молодежь, как рабочая, так и студенческая. Надо подчеркнуть, что лето–осень 1917 г. – время социально-политического объединения молодежи и создания социалистических молодежных союзов, многие из которых находились под идейным влиянием большевиков. В России, в отличие от Европы первый Международный юношеский день праздновали под лозунгами превращения войны империалистической в войну гражданскую, т. е. в духе ленинских концепций классовой борьбы. Большевицкая пресса называла войну «орудием порабощения», «палачом всякого революционного движения», «величайшим дезорганизатором и провокатором международного единения рабочих»³. Молодежная социалистическая печать характеризовала демонстрацию 15 октября 1917 г. как могучий сигнал «к борьбе с войной и капиталом всех угнетенных и обездоленных...»⁴. Большевики последовательно вводили молодежь в орбиту своей деятельности, что не согласовалось с постановлением копенгагенской Конференции Интернационала молодежи 1910 г., которое подчеркивало, что самостоятельность движения пролетарской молодежи – одно из лучших средств социалистической борьбы с милитаризмом.

Юношеские дни 1917 и 1918 гг. прошли под знаком защиты и поддержки советской России. Их основными лозунгами были следующие: «За мировую революцию!», «Поддержка русской революции!», «За борьбу против виновников войны!»

1918 и 1919 гг. – время завершения мировой войны, борьбы с ее последствиями и нарастания революционной волны в ряде европейских стран. Революционному примеру России последовали рабочие Германии, Австрии, Италии. Они вели активную борьбу за власть. Наряду с этим шла острая борьба внутри международных юношеских организаций. Она, по существу, отражала ситуацию в мировом социалистическом движении: его раскол и создание III Коммунистического Интернационала. Большевики-ленинцы и их сторонники в европейских странах активно пропагандировали в Интернационале молодежи революционную идею, критикуя «абстрактное» разоружение и пацифизм. Бескомпромиссную позицию занимал В.И. Ленин. В журнале «Интернационал молодежи» была впервые опубликована его статья «Военная программа пролетарской революции», в которой он подчеркивал, что пацифистское требование разоружения в условиях империалистической войны означает полный отказ от классовой борьбы. Он выдвинул задачу вооружения пролетариата для обезоруживания буржуазии и победы над ней⁵. Многие социалистические союзы молодежи склонялись к позиции активной классовой борьбы интернационалистов. Молодежное движение организационно-политически раскололось, и в ноябре 1919 г. в Берлине состоялся учредительный конгресс Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ), конституировавший его на правах секции Коминтерна. В то же время далеко не все молодежные организации европейских стран сразу устремились к переходу на коммунистические позиции, хотя признавали их авторитетными. В ряде стран молодежные организации продолжали носить социал-демократический характер или были федерациями. Члены коммунистических союзов молодежи во многих государствах преследовались и нередко находились в подполье.

КИМ видел свою задачу в организации широкого массового движения молодежи в защиту ее интересов на основе теории и практики марксизма-ленинизма. Борьба против милитаризма, войны и фашизма, поддержка советской России и СССР стояли в центре внимания КИМ. Традиция проведения МЮД была сохранена, и он официально стал днем борьбы за коммунизм и пропаганду его идей среди молодежи мира, которые транслировались в мощной мессийской форме. В 1918 и 1919 гг. МЮД сопровождали лозунги «За Советскую Россию!», «За Коминтерн!», «За Всемирную Про-

летарскую Революцию и диктатуру пролетариата!»). В ряде стран праздник был массовым. В праздновании МЮДа 1919 г. в Германии участвовали свыше 40 тыс. человек. В Эссене в демонстрации приняли участие более 10 тыс. человек. Во многих городах Германии, Австрии, Италии и Швеции прошли столкновения с полицией. По трехтысячной демонстрации в Берлине стреляли из пулеметов. В советской России всеобщий праздник молодежи прошел под лозунгом солидарности с молодыми рабочими Запада и Востока, под лозунгом мировой пролетарской революции⁶.

VI МЮД 1920 г. был одним из самых грандиозных молодежных праздников. Во многих странах с 29 августа по 4 сентября прошли подготовительные мероприятия. Было выпущено в свет большое количество агитационной литературы. Сам праздник 4 сентября был посвящен жертвам юношеского движения. Политическим узникам были собраны материальные средства. В агитационных собраниях этого дня участвовали более 1 млн человек. По данным прессы, 10 тыс. человек вступили в союзы молодежи. Бурными были демонстрации в Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Италии, Англии, Голландии, Болгарии. Федерация социалистической молодежи Франции организовала первый МЮД в Африке. В Тунисе в этот день создан коммунистический союз молодежи⁷.

С 1920 г. Международный юношеский день ежегодно организовано отмечался в советской России. Он являлся важным интернациональным праздником и своего рода связующим звеном между рабочей молодежью Запада и большевистской России. Власть с его помощью стремилась сформировать пролетарское мировоззрение у советской молодежи с особым интернационалистским оттенком, помогающим утвердить в юных умах идею мировой революции и коммунистического торжества в будущем. Эта функция МЮДа стояла на первом месте для советских идеологов. С 1920 г. характер праздника в России по сравнению с 1917 г. начал меняться. Во-первых, значительно расширились территориальные рамки. Он вышел за пределы столиц, вовлекая рабоче-крестьянскую молодежь всей России. Во-вторых, в содержании и атрибутике МЮДа сильно проявлялись классовые аспекты антиимпериалистской борьбы, проводимые в жизнь руководством КИМа, где значительное влияние оказывал российский комсомол и руководство Коминтерна во главе с В.И. Лениным. Накануне был устроен Всероссийский коммунистический субботник молодежи в пользу жертв революции, который стал часто сопровождать МЮД в России и СССР. Считается, что в праздновании VI МЮД приняли участие более 3 млн молодых рабочих. Из всех международных выступлений

предыдущих лет демонстрации этого дня заняли одно из первых мест по сплоченности молодежи и революционности ее лозунгов.

Праздник 1921 г. проводился в мире под знаком помощи голодающим в советской России. КИМ инициировал сбор средств для России. Германия, Швеция, Норвегия, Швейцария, Италия, Голландия, Франция были охвачены демонстрациями. Во многих странах они сопровождались экономическими требованиями, а молодые рабочие демонстрировали готовность вести борьбу за их претворение в жизнь. Весьма частыми были стычки демонстрантов с полицией. Не менее оживленно прошел МЮД в Монголии, Туркестане, Хиве, Бухаре, Азербайджане. По-прежнему широко МЮД праздновали в России. Основным лозунгом было «Участие молодежи в экономическом строительстве Советской России!».

31 августа 1922 г. на заседании Президиума ВЦИК РСФСР были рассмотрены предложения Бюро ЦК РКСМ об установлении Международного юношеского дня в качестве государственного революционного праздника советской молодежи. 2 сентября декрет был опубликован в «Правде» и «Известиях ВЦИК»⁸.

После того, как в 1922 г. в Италии к власти пришел Муссолини, к IX МЮД был провозглашен антимилитаристский лозунг «Долой фашизм и империалистическую войну!». Спад революционной волны в Европе привел к усилению противостояния молодежных организаций с властью. Социалисты и тем более члены коммунистических союзов молодежи испытывали жестокое преследование. Особенно остро это проявлялось в Польше и в странах Балтии. Поэтому со временем доминанта празднования МЮД перемещается в СССР.

В известной степени переломным в звучании и организации МЮД оказался 1924 г. КИМ предложил провести его под лозунгами борьбы «Против порабощения рабочего класса принятием плана Дауэса!». По мнению КИМ, этот план выплаты репарационных платежей Германией странам-победительницам в Первой мировой войне был нацелен на поддержание агрессора в лице Германии. С этого момента и до начала Второй мировой войны проведение каждого МЮД сопровождалось антифашистскими и антивоенными лозунгами. Это в полной мере отражало отношение Коммунистического Интернационала молодежи и СССР к сложившейся в Западной Европе международной обстановке⁹.

Смерть В.И. Ленина оказала влияние на праздник молодежной солидарности. Комсомольская печать отмечала: «7-е сентября в советской стране проводит Ленинский Комсомол. Демонстрация в Красной Москве будет проходить около Мавзолея, в котором

лежит Ильич. Но и в самом глухом и заброшенном уголке нашей страны 7-го сентября колонны рабоче-крестьянской молодежи будут чувствовать, что они проходят около Мавзолея...»¹⁰. С этого времени традиция проведения демонстрации МЮД перед Мавзолеем и праздничных речей представителей КИМ, ЦК ВКП(б), ЦК и МК РЛКСМ с его трибун приняла постоянный характер.

С начала 1930-х гг. дата Международного юношеского дня становится подвижной. В 1932 г. Пленум Исполкома КИМ, отмечая, что «первое воскресенье сентября, в которое проводится МЮД, как и любое другое воскресенье, не является для революционной, как и для всей трудящейся молодежи важнейших стран – СССР, Китая, Индии, Японии и др., в какой бы то ни было мере знаменательным днем», со вниманием отнесся к мнению комсомольских организаций в странах, где коммунистические партии были немногочисленны и находились в оппозиции к существующей власти. Они высказывались за перенос праздника на будний день, поскольку воскресные МЮДовские мероприятия часто срывают проведение стачек и боевых мероприятий непосредственно на заводах и фабриках. Президиум Исполкома КИМ решил с 1933 г. проводить МЮД 1 сентября. Это мотивировалось в том числе и тем, что на протяжении 18 лет он праздновался в первые дни сентября и во многих странах совпадал с призывом в армию, что усиливало его антимилиитаристскую направленность¹¹.

С приходом национал-социалистов к власти в Германии в 1933 г. начала усиливаться угроза новой войны. После решений VII конгресса Коминтерна 1935 г. Международный юношеский день проводился под основным лозунгом создания единого рабочего фронта в борьбе против главного врага – фашизма. В 1936–1937 гг. наблюдается подъем антифашистского движения в мире и его значительные успехи во Франции, Испании, Англии, Чехословакии и др. В сентябре 1933 г. в Париже собрался I Всемирный конгресс молодежи против фашизма и войны, который обсудил задачи объединения сил всей антифашистской молодежи. В августе – сентябре 1936 г. состоялся Женевский международный конгресс молодежи. В нем наряду с коммунистическими молодежными союзами приняли участие вопреки запрету властей молодые социалисты¹². В 1936 г. возникло Всемирное объединение за мир. Это способствовало объединению широких кругов трудящихся, интеллигенции, либеральной буржуазии, пацифистов, членов обществ друзей Лиги наций, демократической молодежи независимо от религиозных и политических убеждений. Движение борьбы за мир становилось массовым. Это придало новый импульс Меж-

дународному юношескому дню в мире, в том числе в России. На протяжении последующих предвоенных лет проведение праздника было неразрывно связано с антифашистской и антивоенной пропагандой. Пресса печатала статистические данные, наглядные материалы, свидетельствующие о наращивании военной мощи Германии, Италии и Японии. Наряду с этим приводились данные о проблемах жизни рабочей молодежи этих стран. Содержание и лозунги МЮД полностью определялись задачами конкретного этапа мирового революционного движения и стремлением предотвратить надвигающуюся войну.

Начавшаяся Вторая мировая война привела к появлению в оккупированных странах антифашистских молодежных групп. Их борьба носила подпольный характер. Это сказалось на возможностях проведения Международного юношеского дня. Специфика ситуации определила характер проведения МЮД в СССР.

Состоявшийся в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) особое внимание уделил задачам усиления борьбы за предотвращение войны, укрепления отношений со странами, борющимися против фашизма и национал-социализма, подчеркнул необходимость всемерного повышения обороноспособности страны. В этой связи накануне XXV МЮД, который проводился в СССР 5 августа 1939 г., ЦК ВЛКСМ принял решение мобилизовать комсомольцев на более активное участие в государственном и хозяйственном строительстве и улучшать интернациональное воспитание молодежи¹³. 29 августа ЦК постановил перенести демонстрации, посвященные XXV Международному юношескому дню, с 1 на 6 сентября¹⁴. В последующие годы дата проведения праздника была подвижной и определялась ЦК ВЛКСМ.

С началом Великой Отечественной войны СССР стал ведущей силой в борьбе против фашизма. 7 сентября 1941 г. 27-й раз отмечался Международный юношеский день в СССР. Он стал одной из первых крупных интернациональных акций комсомола в начале войны. Несмотря на огромные трудности, ЦК ВЛКСМ провел накануне большую подготовительную работу, предопределившую реальный вклад этого праздника в дело обороны страны. 19 августа ЦК принял решение о проведении в стране вместо традиционных МЮДовских демонстраций Всесоюзный воскресник комсомольцев и молодежи, а заработанные средства отчислить в фонд обороны страны. Вместе с молодежью на воскресник вышли пожилые рабочие, работницы и интеллигенция. По неполным данным, только в Москве в воскреснике приняли участие 850 тыс. жителей¹⁵. В период подготовки и проведения XXVII МЮД усили-

лось движение солидарности с СССР за рубежом. Прогрессивные юношеские организации Кубы, в частности, собрали и отправили в СССР сахар, кофе и табак на общую сумму 3 тыс. дол.

XXVII МЮД открыл череду международных молодежных антифашистских акций в СССР и в других странах. 28 сентября 1941 г. в Колонном зале Москвы состоялся первый антифашистский митинг советской молодежи. С его трибуны на весь мир раздался призыв к молодежи всего мира: «Фашизм – наш смертельный враг. У нас сейчас одна задача – разгромить фашизм. Гитлеризм должен быть уничтожен, он будет уничтожен». В октябре 1941 г. в Лондоне прошел Международный юношеский митинг. В нем участвовала молодежь 20 стран, в том числе многих государств Азии и Африки. «Работать, учиться и бороться для победы» – такую задачу определил митинг. «Мы приняли вызов и создадим новый мир. Мы сознаем свою миссию и ответственность за будущее», – заявляла клятва молодежи, прозвучавшая на лондонском митинге. На митинге был создан Всемирный совет молодежи по борьбе с фашизмом, а по его инициативе в ноябре 1942 г. в Лондоне начала работу Международная конференция демократической молодежи, объединившая юношеские организации почти 30 стран¹⁶.

В отечественной литературе нет достоверных сведений о последнем праздновании Международного юношеского дня. Расходятся в сведениях по этому вопросу энциклопедические словари и справочники. На данный момент можно утверждать, что в 1942 г. МЮД стоял в советском праздничном календаре. Об этом свидетельствуют некоторые приказы и постановления по действующей армии в годы Великой Отечественной войны. В частности Международный юношеский день значится в Постановлении Государственного комитета обороны № ГОКО-1227с от 11 мая 1942 г., подписанном И.В. Сталиным в числе революционных и общественных советских праздников наряду с 1 мая и 7 ноября¹⁷.

Имеющиеся источники свидетельствуют, что последним в истории было празднование XXVIII Международного юношеского дня 6 сентября 1942 г., причем организованно он прошел только в СССР. Накануне праздника в Москве состоялось посвященное ему собрание комсомольского актива. В Колонном зале Дома Союзов собрались представители молодежи из различных отраслей промышленности, стахановцы, бойцы, командиры и политработники Красной Армии, молодые ученые, артисты, студенты. Почетный президиум возглавлял И.В. Сталин.

На этом собрании прозвучал призыв к молодежи «отдать все силы всенародному делу достижения победы над врагом»¹⁸.

6 сентября в Зеленом театре Центрального парка им. Горького собрались 10 тыс. юношей и девушек. В честь 28-й годовщины МЮД прошли показательные выступления сильнейших советских гимнастов, борцов и боксеров. У гранитных берегов на Москве-реке был организован двухкилометровый заплыв с участием мастеров спорта¹⁹. О более поздней истории празднования МЮД нет документальных свидетельств. В 1943 г. Коминтерн принял решение о самороспуске, и, соответственно, прекратила свое существование его секция – Коммунистический Интернационал молодежи – главный организатор Международного юношеского дня в 1920–1930-е гг.

Вся история МЮДа свидетельствует о том, что это был один из главных международных праздников молодежи, а в СССР – единственный собственно молодежный праздник, официально закрепленный в календаре государства. МЮД отразил все переломные и важнейшие этапы международных событий и внутренней жизни различных стран периода конца Первой мировой – начала Второй мировой войны. Его главная направленность – антимилитаризм и интернационализм в молодежном движении – способствовала выработке организационных форм и содержательных концепций сплочения молодежи мира в борьбе против войн и агрессий. Это происходило непросто, в условиях жесткого противостояния сил различного политического спектра. По существу, Международный юношеский день, если оценивать его историческую значимость, помог заложить традиции международной солидарности молодежи в борьбе за мир и свои права.

Примечания

- ¹ *Щелканов П.* Международный юношеский день // Смена. 1924. № 13. Сент. С. 17.
- ² Подробнее см.: *Можжева Л.А.* Международный юношеский день в России: К истории одного праздника // История в подробностях. 2010. № 4. Окт. С. 48–51.
- ³ Социал-демократ. 1917. 15 (28) окт.
- ⁴ Интернационал молодежи. 1917. № 1. С. 10.
- ⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 30. М., 1969. С. 135–136.
- ⁶ *Щелканов П.* Указ. соч. С. 19.
- ⁷ Там же.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 1(М). Оп. 21. Д. 32. Л. 5, 6.
- ⁹ Правда. 1924. 1 сент. С. 1.

- ¹⁰ Смена. 1924. № 13. С. 4.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 1(М). Оп. 23. Д. 241. Л. 70.
- ¹² *Привалов В.В.* Коммунистический Интернационал молодежи: Страницы истории. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 240.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 1(М). Оп. 23. Д. 1342. Л. 74.
- ¹⁴ Там же. Л. 73.
- ¹⁵ Правда. 1941. 20 авг. С. 2–3.
- ¹⁶ См.: *Привалов В.В.* Указ. соч. С. 256–257.
- ¹⁷ 1942 год. Май [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/11.html (дата обращения: 20.05.2013).
- ¹⁸ Правда. 1942. 6 сент. С. 1.
- ¹⁹ Там же. 7 сент. С. 1.

В.Б. Жиромская

НАСЕЛЕНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В данной статье сделана попытка дать сравнительную характеристику развития демографической модернизации в постиндустриальных странах Европы и рассмотреть этапы модернизационного процесса. Особое внимание уделено мерам демографической и семейной политики.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографическая модернизация, модель репродуктивного поведения, поощрение рождаемости, семейная политика, второй демографический переход.

Концепция демографической модернизации довольно давно разрабатывается в мировой науке. В настоящее время активизировалось ее исследование, равно как и опыта проводимой в постиндустриальных странах демографической политики, и в отечественной науке. Эти научные направления особо актуальны в настоящей все еще не изжитой кризисной демографической ситуации в нашей стране.

По уже устоявшемуся мнению ученых-демографов, постиндустриальные государства дальнего зарубежья переживают второй демографический переход – переход от современного к новейшему типу воспроизводства населения, который характеризуется внедрением инновационных технологий во все сферы жизни, в том числе в демографическую. Это предполагает расширение возможности самореализации личности, планирования семьи и семейных отношений, деторождения, продления активной жизни. Базой этого перехода является высокий уровень инновационной модернизации общества и соответствующего высокого уровня со-

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00333).

© Жиромская В.Б., 2014

циального обеспечения населения. Напомним, что начало первого демографического перехода в Западной Европе датируется XVII в., а его окончание – первой половиной XX в. Как следует отсюда, первый демографический переход довольно растянут во времени.

В России первый демографический переход начался позднее, в конце XIX – начале XX в., зато происходил динамично и к 1970-м гг. уже завершился.

В исследованиях западных ученых завершение первого и начало второго демографических переходов хронологически совпадают. По нашим наблюдениям между ними прослеживается постпереходный период демографической стабилизации, в рамках которого зреют предпосылки второго демографического перехода. Постпереходная стабилизация, как правило, завершается кризисом, в условиях которого начинается переход к новейшему типу воспроизводства населения. Этот этап исследователи связывают с существенными изменениями модели демографического поведения жителей постиндустриальных стран.

Рассмотрим последовательно этапы демографической модернизации в постиндустриальных странах Северной и Центральной Европы во второй половине XX – начале XXI в. Имеются в виду прежде всего страны Северной (Швеция, Финляндия, Норвегия, Дания) и Западной (Австрия, Франция, Швейцария, Ирландия, Германия, Нидерланды, Бельгия, Великобритания) Европы. Стадию развития цивилизации в этих странах называют по-разному – «государство социального благоденствия», постиндустриальное общество и т. д., но всегда имеют в виду высокий уровень инновационного развития производства и социального обеспечения населения.

Второй переход не следует сразу за первым. Анализ сложившейся в этих странах ситуации показывает, что второму переходу повсюду предшествовал этап стабилизации, причем довольно длительный, вплоть до 70-х гг. XX в.

Этому этапу соответствует высокий уровень брачности, относительно ранний возраст вступления в брак: для женщин – 23 года, для мужчин – 25 лет. Уровень рождаемости падает, но пока еще обеспечивает замещение численности поколений поколениями детей. Коэффициент суммарной рождаемости не опускается ниже 2,2‰, а в некоторых странах (Ирландия, Нидерланды) держится на уровне 3,7 и 3,1‰¹. Увеличивается средняя продолжительность жизни, составляя у мужчин 65,4 лет и 71,6 года у женщин. Внебрачных союзов и внебрачных детей было меньше, чем официально зарегистрированных.

Примерно к середине 1970 – началу 1980-х гг. эта модель демографического поведения изживает себя, фиксируется резкое падение рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости по странам колеблется в пределах 1,5–1,7 (исключение составляет Ирландия – 3,7). Семья находится в состоянии кризиса. Резко возрастает количество внебрачных союзов и внебрачных детей. Доля внебрачных рождений с 1960 по 1980 г. увеличилась с 11,3 до 39,7% в Швеции, в Норвегии – с 3,7 до 14,5%² и т. д. Повышается возраст вступления в брак (и для женщин и для мужчин – 27–29 лет). Демографический кризис такого плана свойствен не только странам Северной и Западной, но и Южной Европы (Италия и Испания).

Во Франции демографическая ситуация ухудшается с середины 1970-х гг.. Падает рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости в 1960 г. составлял 2,7, а в 1980 г. – 1,9‰. Уменьшается брачность с 7,3‰ в 1975 г. до 5,6‰ – в 1982 г., растет разводимость. В 1975 г. ее показатель равнялся 1,16‰, а в 1980-м – 1,7‰. Соответственно возрастает доля женщин, не состоявших в браке, а также неполных семей. За 1975–1980 гг. доля женщин 20–24 лет, состоящих в браке, снизилась с 53,9 до 47,2%. Удельный вес семей, имеющих 3 и более детей, сократился на 5,4%. Растет доля внебрачных детей, их насчитывалось в 1960 г. 6,1%, а в 1980 г. – 11,4% от всех родившихся. Естественный прирост населения в целом оставался положительной величиной, но в значительной части департаментов в центре и на юге Франции, экономически менее развитых, со слабой урбанизацией, со значительным оттоком молодежи и повышенной долей пожилых лиц, смертность преобладала над рождаемостью. Средняя продолжительность жизни у мужчин достигала в 1960 г. 67 лет, а в 1980 г. – 70,1 года; у женщин соответственно 73,5 и 78,3 лет. Эти данные свидетельствуют о довольно значительном преобладании женской жизни над мужской – свыше 8 лет. В результате сократилась доля лиц от 0 до 15 лет с 26,4% в 1960 г. до 19% в 1980 г. Зато доля лиц старше 65 лет увеличилась с 11,8 до 16,5%, что свидетельствовало о демографическом старении населения. Довольно высокой была смертность мужчин в рабочих и репродуктивных возрастах, доля женщин составляла 51%³.

Кризисная ситуация в Швеции сложилась несколько позднее, чем в других развитых странах Северной и Центральной Европы. В Швеции фиксируется отрицательный естественный прирост населения (–0,7%). Смертность превышала рождаемость – 10,6‰ против 9,9‰. Суммарный коэффициент рождаемости составлял 1,5⁴. Это был не самый низкий показатель, но и в тех странах, где этот показатель был выше, чем в Швеции, он не обеспечивал

простого воспроизводства населения. Швеция на фоне Германии, Франции, Италии, Испании имела низкий коэффициент смертности – 4‰. В вышеозначенных странах на 1000 рождений приходилось 5–6 смертей. Как и во всех странах Западной и Центральной Европы, в Швеции отмечалось старение населения. Лица 65 лет и старше составляли 19%, а моложе 15 лет – 15%.

Кризисная демографическая ситуация сложилась и в Германии. Коэффициент суммарной рождаемости опустился с 2,3 в 1960 г. до 1,5 в 1980 г. и продолжал падать все десятилетие 1990-х гг. В 1999 г. он составил 1,3. Ниже этого показателя были показатели в это же время в Италии и в Испании – 1,2⁵.

Естественный прирост населения был отрицательным, смертность превышала, хотя и незначительно, рождаемость. При этом младенческая смертность была невысокой – 5 на 1000 рождений. Но все же она была выше, чем в Швеции. Внебрачных рождений было немного, но их число увеличилось с 7,6% от всех родившихся в 1960 г. до почти 12% в 1980 г. Процесс демографического старения развивался в Германии быстрее, чем в других странах, продолжительность жизни у мужчин увеличилась с 67,4 лет в 1960 г. до 69,6 в 1980 г., а у женщин с 72,9 до 76,1 года. Итак, продолжительность жизни значительно увеличилась при очень низкой рождаемости. Следствием явились ускоренные темпы демографического старения.

Кризисная ситуация сложилась в этих странах на фоне активной демографической политики поощрения рождаемости. Меры, предпринимаемые в этом направлении, давали лишь кратковременный эффект и не могли сдержать падения рождаемости. Кроме того, демографическая политика часто проводилась методом диктата и административного нажима. Даже во Франции до конца 1960-х гг. была запрещена продажа контрацептивов, а до середины 1970-х гг. были запрещены аборт. В других странах были осложнены или вообще невозможны разводы (Италия). Такого рода политика не благоприятствовала планированию семьи и самореализации личных интересов, тем более что повсюду развернулся процесс женской эмансипации. Женщина все более стремилась к сочетанию материнства и производственной деятельности.

Выход из кризисной ситуации был найден в разработке стратегии семейной политики, которая нацелена на то, чтобы дать возможность семье достойно вырастить, воспитать и обучить ребенка, профессионально подготовить его к самостоятельной жизни, не ущемляя при этом внесемейных интересов родителей. Семейная политика действует в двух основных направлениях: первое – фи-

нансовая поддержка семей с детьми, и второе – помощь семье по уходу за детьми.

Семейная политика начала активно разрабатываться в 1980-е гг. Основные направления этой политики ярко прослеживаются на примере некоторых стран.

К 2004 г. во Франции действует целая система пособий, направленных на обеспечение содержания ребенка, ухода за ним и его обучения, начиная с его рождения и до достижения им совершеннолетия⁶. Система пособий нацелена на учет индивидуальных потребностей семей с тем, чтобы обеспечить максимально равные стартовые возможности для содержания ребенка. Другая, не менее важная цель, – обеспечить родителям, прежде всего матерям, возможность самореализации во внесемейной деятельности, в том числе производственно-экономической.

Выделяются следующие группы пособий.

1. Отпуск по беременности оплачивается в размере 90% от заработка.

2. Пособия на рождение, усыновление и уход за детьми, или пособия по приему малышей. Они включают единовременную премию за рождение или усыновление ребенка; базовое пособие, увеличивающееся в зависимости от числа детей (оно имеет свою систему надбавок в зависимости от возраста ребенка); дополнительное пособие при свободном выборе способов ухода за ребенком. Семья получает пособие по уходу за ребенком до 6 лет, не посещающим детских учреждений, прежде всего для того, чтобы дать возможность родителям нанять няню. Сумма компенсации расходов на няню зависит от ресурсов семьи и возраста ребенка. Кроме того, существует еще дополнительное пособие при свободном выборе деятельности. На него имеют право семьи, имеющие не менее трех детей, где один родитель не работает или имеет частичную занятость, чтобы осуществлять уход за ребенком.

3. Детские пособия. В их состав входят пособия, которые выплачиваются семьям с двумя и более детьми в возрасте до 20 лет. Семья имеет право на такое пособие независимо от уровня дохода.

Ежемесячная сумма такого семейного пособия до 31 декабря 2008 г. составляла:

- 120,32 евро, если в семье два ребенка;
- 274,47 евро, если в семье три ребенка;
- 154,15 евро на каждого последующего ребенка.

В дополнение к семейному пособию на каждого ребенка в возрасте от 11 до 16 лет ежемесячно доплачивается 33,84 евро и на каждого ребенка старше 16 лет – 60,16 евро.

Эта группа пособий включает дополнительное пособие для многодетных семей (три и более ребенка) с низким доходом и ежедневное пособие по уходу за больным ребенком, вынуждающему родителя прекратить свою профессиональную деятельность. Право на такое пособие предоставляется на шесть месяцев, затем оно может возобновляться в течение трех лет.

Школьные пособия, которые выплачиваются каждому школьнику и студенту.

Пособия одиноким или разведенным родителям выплачиваются одиноким, разведенным, вдовствующим родителям в зависимости от их дохода.

Предусматривается пособие на жилье.

Существуют также специальное пособие по семейной поддержке, адресованное детям, потерявшим родителя или покинутым родителями, и пособие на обучение ребенка-инвалида.

Действует льгота семьям по подоходному налогу.

Таким образом, семья во Франции получает большой пакет финансовой детской помощи. Финансирование семейных пособий осуществляется в основном за счет поступающих от государства финансовых средств.

В последнее время усилия французского правительства направлены на развитие инфраструктуры по уходу за детьми: яслей, детских садов и особенно популярных материнских школ, где воспитываются и обучаются дети в возрасте от трех до шести лет. Эти школы сориентированы на подготовку детей к учебе. В 5–6 лет дети осваивают уже довольно обширную образовательную программу. Эта система очень быстро дала значительный эффект, поскольку позволила родителям успешно сочетать воспитание детей и производственную деятельность, рекреативный отдых, путешествия, т. е. реализацию своих внесемейных интересов. Кстати, во Франции фиксируется самая высокая среди западноевропейских стран экономическая занятость женщин.

Успехи демографического развития Швеции во многом основываются на эффективной политике по отношению к семье. Необходимость разработки такой политики и ее реализации возникла в Швеции, как и в других странах, когда большая часть женщин трудоспособного возраста оказалась втянутой на рынок труда. Поэтому забота о детях в Швеции ложится более или менее равным образом на женские и мужские плечи. Семьи с детьми получают помощь от государства и профсоюзов в нескольких видах, и эта поддержка призвана выравнивать экономическое положение семей с детьми и бездетных семейных пар.

Родители новорожденного получают оплачиваемый отпуск в общей сложности продолжительностью 480 дней. Это самый продолжительный декретный отпуск в мире. Получаемый отпуск родители часто делят поровну между собой⁷. В любом случае не менее двух месяцев с ребенком должен оставаться отец, иначе отпуск в течение этого срока не оплачивается⁸.

Кроме того, отцу младенца предоставляется оплачиваемый десятидневный отпуск даже в том случае, если с ребенком находится мать, чтобы помочь ей в самые трудные после выхода из роддома дни, а также присмотреть за другими детьми.

В возрасте одного года дети посещают ясли. Для родителей в этих случаях предоставляется двухнедельный отпуск, чтобы обеспечить постепенное привыкание ребенка к новой обстановке. Один из родителей имеет право провести три полных дня с ребенком в детском саду, чтобы ребенок адаптировался в новой ситуации. Время ухода за новорожденным засчитывается в трудовой стаж. Детское пособие выплачивается, пока ребенок не закончит среднюю школу. Многодетные семьи получают дополнительные детские пособия на третьего, четвертого, пятого и последующих детей. Если семья неполная, то она получает дополнительное детское пособие. Эти пособия выплачиваются и эмигрантам.

Родителям предоставляется оплачиваемый отпуск по уходу за заболевшим ребенком до 12 лет. Государство предоставляет семьям с низкими доходами дополнительные пособия, призванные компенсировать возросшие расходы: например, переезд в более просторную квартиру. Выплачивается жилищное пособие для семей с детьми. Такие пособия получают 30% шведских семей. Эти жилищные выплаты выравнивают условия жизни для всех детей независимо от уровня доходов родителей.

В Швеции сегодня достаточно много детских учреждений и мест в них. Если в 1970-е и 1980-е гг. наблюдался дефицит мест в детских учреждениях, то к 2000 г. число детских мест (от 1 года до 12 лет) возросло более чем в 10 раз. Посещение детских учреждений не бесплатное, но плата умеренная, установлен ее верхний предел. Она зависит от дохода семьи. В результате 80% шведских детей посещают дошкольные детские учреждения, большая часть которых финансируется и управляется через муниципалитеты⁹.

Среди постиндустриальных государств Западной Европы Германия по рождаемости и естественному приросту населения существенно отстает.

В 2012 г. в Германии родилось 576 тыс. человек, а умерло 757 тыс., то есть сохраняется отрицательный прирост населения.

Почти 45 % населения не имеют семьи¹⁰. Кроме того, из-за постарения населения (лица в возрасте 65 лет и старше составляют 20,6% населения) сохраняется высокая смертность. Правда, в последнее время в Германии сократилась смертность в ДТП. Германское правительство тратит на поощрение рождаемости большие средства. Сумма пособий, которые по закону можно получить на ребенка до 18 лет, а в ряде случаев и старше 18, постоянно увеличивается. Родители получают налоговые послабления. Эти налоговые льготы тем выше, чем больше у них детей. После рождения ребенка молодым родителям предоставляется 14 оплачиваемых месяцев по уходу за ребенком. При этом родители сами решают, сколько времени каждый из них будет сидеть с малышом. Родительским отпуском все чаще и чаще пользуются отцы. Родительские деньги выплачиваются в размере 65–67% в зависимости от дохода семьи. При высоком доходе – свыше 250 тыс. евро в год на одного родителя родительские деньги государством не выплачиваются¹¹. Безработные родители получают минимальное количество родительских денег. Таким образом, германское правительство оказывает довольно значительную финансовую поддержку родителям. Однако немецкие эксперты отмечают, что эти меры, предпринимаемые правительством, «направлены не туда»¹². Дело в том, что в Германии очень слабо развита система детских садов и яслей, а проводимая государственной системой перестройка ухода за детьми осуществляется очень медленно. Не хватает даже персонала для работы в детских садах. По закону начиная с 2013 г. каждый ребенок в Германии после своего первого дня рождения получает гарантированное законом право на место в яслях, однако реализовать это право очень трудно. Например, в Баден-Вюртемберге, одной из самых богатых земель, в детских садах и яслях насчитывается 59 тыс. мест – при том что требуется 91 тыс.¹³ При этом детские сады и ясли работают, как правило, до 17 ч.

Второй причиной, которая тормозит решение демографической проблемы в Германии, является немецкий менталитет. Немецкая семья ставит гораздо больше условий, при которых можно планировать рождение ребенка: законченное образование, стабильная работа, достаточный доход, удобное жилье и т. д.¹⁴

Реализация семейной политики привела к положительным изменениям демографической ситуации во многих странах Западной Европы лишь в первое пятилетие нового века. В конце же XX в. добиться существенного улучшения демографической ситуации не удалось. В 1999 г. во Франции суммарный коэффициент рождаемости поднялся до 1,7, в Дании – 1,7, в Норвегии – 1,8, в Финлян-

дии – 1,7. Ситуация в других странах не изменилась: в Германии этот показатель был по-прежнему равен 1,3, в Италии – 1,2, в Швеции не поднялся выше 1,5. В Германии прирост населения остался отрицательным (–1,0), а в Италии и Испании был равен 0.

Однако к 2005 г. демографическая ситуация в рассматриваемых странах начала заметно улучшаться. Коэффициент суммарной рождаемости во Франции поднялся до 1,9, в Швеции, Дании и Финляндии – до 1,8. Лишь в Германии этот показатель продолжал оставаться на уровне 1,3.

Только в 2011 г. проблема простого воспроизводства населения была близка к решению во Франции, Швеции, Норвегии, где коэффициент суммарной рождаемости увеличился до 1,9–2,0.

В этих странах коэффициент рождаемости превысил коэффициент смертности: 12 против 9–10%. В частности во Франции в 2012 г. – 12,6 против 8,7%¹⁵. В литературе высказываются сомнения, что естественный прирост населения во Франции обеспечивают коренные жители – французы. Безусловно, свою лепту в повышение рождаемости в этих странах вносят мигранты. Но было бы неверным считать, что их вклад в рождаемость больше, чем у коренного населения рассматриваемых стран. Доля рожденных мигрантами младенцев во Франции и Италии составляет 11–15%, а в Германии, Испании и Швеции 15–19%¹⁶. По данным Национального института статистики Франции, рождаемость у коренных жителей – французов – в 2012 г. по сравнению с 2008 г. действительно несколько сократилась: соответственно 652 тыс. и 666 тыс. чел. Напротив, у мигрантов рождаемость увеличилась, но ненамного (61 и 57 тыс.). Зато дети от смешанных браков восполняют рождаемость чисто французских семей – 109 и 105 тыс.¹⁷ Коэффициент младенческой смертности на 1000 рождений был равен от 3,2 до 3,7%. Например, во Франции в 2012 г. коэффициент младенческой смертности составлял 3,5%¹⁸. И это несмотря на то, что 2012 г. был отмечен довольно высокой смертностью населения, связанной с постарением и вспышкой эпидемий гастроэнтерита и гриппа¹⁹. Самый низкий показатель был в Швеции – 2,5 в 2011 г. и 2,1 в 2012 г. В Германии сохранялось превышение коэффициента смертности над коэффициентом рождаемости, а естественный прирост населения равнялся –0,2%. Суммарный коэффициент рождаемости, однако, несколько поднялся – до 1,4. При этом младенческая смертность на 1000 рождений была низкой – 3,5 в 2011 г., а в 2012 г. – даже 3,4.

В Испании к 2011 г. демографическая ситуация явно улучшилась – коэффициент рождаемости превысил коэффициент смерт-

ности (11 против 8‰) и обозначился положительный естественный прирост населения – 0,2%.

Италия, как и Германия, все еще отстает по этому последнему показателю и имеет отрицательный естественный прирост населения (–0,1).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в ведущих постиндустриальных странах Европы демографический кризис в ходе второго демографического перехода преодолевается.

Итак, в процессе второго демографического перехода формируется новая модель репродуктивного поведения населения, во многих своих чертах характерная для постиндустриальных государств Европы. Необходимо заметить кстати, что в силу глобализации процесса демографической модернизации некоторые из этих черт можно наблюдать и в странах, не вступивших еще в стадию второго демографического перехода.

Процесс формирования современной модели демографического поведения в постиндустриальных странах противоречив и сложен. На его вызовы необходимо своевременно и гибко реагировать мерами демографической политики.

В самом процессе формирования модели демографического поведения просматриваются и позитивные, и проблемные, и негативные явления с точки зрения воспроизводства населения.

Однозначно положительной стороной является повышение ориентации населения в условиях высокого уровня социального обеспечения и активной семейной политики на обустройство семьей и детьми. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов молодежи (свыше 70% опрошиваемых респондентов).

В Швеции подавляющая часть населения проживает в семьях. Правда, существует большое количество повторных браков – 5–8-кратных. Скорее всего, это следствие, с одной стороны, определенного этапа женской эмансипации, а с другой – иждивенческих настроений родителей, уверенных в поддержке их детей со стороны государства и общественных организаций.

Выше мы уже рассмотрели факт роста рождаемости во многих европейских странах. Правда, ориентация на семью предполагает укрепление именно малолетней семьи. Поэтому неправильно было бы говорить просто о возвращении традиционных семейных ценностей. Речь идет о формировании новых брачно-семейных ценностей, учитывающих взаимореализацию семейных и внесемейных интересов обоих родителей и детей.

Остродискуссионной проблемой является проблема однополых браков. В ряде стран такие браки узаконены, более того, однополые

семьи имеют право усыновлять (удочерять) детей. У общественности возникает опасение, что распространение однополых семей может привести к сокращению рождаемости.

В настоящее время расширяются возможности планирования семьи. В этом отношении сказываются не только уровень материального достатка семьи и планы карьерного роста родителей, но и возрастающая роль ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии). Семьи больше не боятся остаться бездетными. Даже в случае бесплодия с помощью ВРТ удастся иметь детей (применяются различные вариации ЭКО – то есть экстракорпоральное оплодотворение, гормональная стимуляция, суперовуляции) и т. д. В мире рождаются сотни тысяч экодетей. В некоторых странах они составляют от 16 до 20% всех родившихся. При этом финансируется применение ВРТ государством.

В связи с расширением возможностей планирования семьи многие молодые люди откладывают и сроки обзаведения семьей, и сроки рождения детей, стремясь обеспечить сначала стабильное материальное положение и овладеть профессией.

Произошло, по выражению демографов, «постарение женихов и невест». Например, к 2008 г. в Швеции средний возраст невесты, вступающей в первый брак, превысил 30 лет. В 2012 г. во Франции соответствующий показатель составил 30,1 года. В большинстве же стран Запада и Юга Европы – 27–28 лет.

Многие демографы фиксируют факт постарения материнского возраста. Самый высокий коэффициент рождаемости в настоящее время в Испании, Италии, Швеции и Дании фиксируется у женщин в возрасте 29–30 лет. Немногим ниже показатели рождаемости у женщин в 30–34 года.

Поздние сроки заключения браков, по-видимому, вызывают распространение так называемых пробных брачных союзов, то есть добрачных сожительства, которые либо являются прелюдией заключения зарегистрированных браков, либо распадаются. Это явление сопровождается ростом внебрачной рождаемости. Внебрачные рождения составляют половину всех рождений в Швеции, Норвегии, Дании и Франции. Исключением являются Италия и Швейцария: в первом случае – 15%, во втором – 5%. Часть «пробных» союзов являются долговременными и прочными и признаются во многих странах как равные зарегистрированным бракам. Распадаются в основном сожительства партнеров в возрасте от 15 до 17 лет. Дело в том, что поздние браки вызывают и такое отрицательное явление, как ранние сексуальные связи. В 18 лет первый сексуальный контакт имели во Франции 74,8% мужчин и 71,9% женщин, а в 16 лет – 45,5 и 41,1%²⁰.

При этих ранних, часто случайных и непрочных связях рождаются внебрачные дети, но число их рождений меньше, чем количество аборт. Например, во Франции количество абортов достигает 15,4, а рождений 11,8 на каждую 1000 женщин в возрасте от 15 до 19 лет, в Швеции соответственно 24,6 и 6,2; в Дании – 16,7 и 6,2 и т. д. Исключением являются лишь Германия и Италия, где этот показатель значительно ниже.

Характерными чертами современной модели репродуктивного поведения населения являются увеличение средней продолжительности мужской и женской жизни, низкий уровень смертности, в том числе детской, младенческой, перинатальной, низкий уровень материнской смертности, улучшение здоровья населения.

Как мы видим, второй демографический переход начинается в условиях кризиса.

Начало его всегда сложно и болезненно, протекание противоречиво, связано с многочисленными вызовами и рисками. Об этом свидетельствует, в частности, волна этнодемографических конфликтов, прокатившаяся по странам Западной Европы в конце XX – начале XXI в. Аналогичные процессы возникали и во время протекания первого демографического перехода. Выход из кризиса и очередной этап модернизации модели демографического поведения и составляет содержание второго демографического перехода.

Примечания

- ¹ *Клунт М.А.* Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008. С. 18.
- ² Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 28.11.2013); Population in Europe 2005: first results [Электронный ресурс] // Eurostat. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-NK-06-016/EN/KS-NK-06-016-EN.PDF (дата обращения: 28.11.2013). Р. 5.
- ³ *Клунт М.А.* Указ. соч. С. 19. Табл. 1.2; Население и общество: Информ. бюллетень. 1999. № 38.
- ⁴ Население и общество: Информ. бюллетень. 1999. № 38.
- ⁵ *Клунт М.А.* Указ. соч. С. 18. Табл. 1.1; Население и общество: Информ. бюллетень. 1999. № 38.
- ⁶ *Зубченко Л.А.* Семейная политика во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 2. С. 72–92.
- ⁷ *Гамзикова А.* В Швеции в декретный отпуск идут и мамы и папы [Электронный ресурс] // Metro International. URL: <http://www.metronews.ru/novosti/v-shvecii-v-dekretnyj-otpusk-idut-i-mamy-i-papy/Тполку---AFFNuC1jR1xk/> (дата обращения: 28.11.2013).

- 8 Children and young people in Sweden [Электронный ресурс] // Swedish Institute. URL: <http://sweden.se/society/children-and-young-people-in-sweden/#start> (дата обращения: 28.11.2013).
- 9 Там же.
- 10 Германия [Электронный ресурс] // Countrymeters. URL: <http://countrymeters.info/ru/Germany> (дата обращения: 28.11.2013).
- 11 *Бабкин С.* Пособие по уходу за ребенком в Германии [Электронный ресурс] // Жизнь в Германии: Практические советы. URL: <http://www.tupa-germania.ru/rosobija/po-uhodu-za-rebenkom.html> (дата обращения: 28.11.2013).
- 12 *Kelek N.* Die fremde Braut: Ein Bericht aus dem Inneren des turk-schen Lebens in Deutschland. Köln, 2005.
- 13 *Демьянов А.* Германия оказалась на последнем месте по уровню рождаемости в ЕС [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0473/gazeta04.php> (дата обращения: 28.11.2013).
- 14 *Погорельская С.В.* Некоторые особенности семейной политики в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 2. С. 112–128.
- 15 Évolution de la population [Электронный ресурс] // INSEE. URL: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=0&id=3805 (дата обращения: 28.11.2013).
- 16 Население России, 2008: Шестнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2010. С. 112.
- 17 Naissance selon la nationalité des parents [Электронный ресурс] // INSEE. URL: http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATTEF02233 (дата обращения: 28.11.2013).
- 18 Espérance de vie – Mortalité [Электронный ресурс] // INSEE. URL: http://www.insee.fr/fr/themes/document.asp?reg_id=0&id=3809 (дата обращения: 28.11.2013).
- 19 Во Франции 65,8 миллиона жителей [Электронный ресурс] // Усадьба Урсы. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/41565-во-франции-658-миллиона-жителей> (дата обращения: 28.11.2013).
- 20 Население и общество: Информ. бюллетень. 1999. № 36.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ – НОВЫЙ АКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена исследованию роли социальных сетей Twitter и Facebook как нового элемента информационно-коммуникационных технологий в процессе глобализации. Особое внимание уделяется вопросам применения социальных медиа в предвыборной кампании президента США и в организации протестных движений в арабских странах. Анализируется значимость соцсетей как инструмента воздействия на мировые политические процессы и как средства демократизации мирового сообщества. В заключении автор делает предположение о появлении нового актора мировой политики.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, информационные технологии, социальные сети, демократия, актор мировой политики.

XXI век ознаменовался новым этапом политического развития мира – процессом глобализации, характерной чертой которого является бурное развитие информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, появление всемирной компьютерной сети Интернет. В системе информационных технологий возник новый элемент так называемой мягкой силы – социальные сети (далее – соцсети), обеспечившие человечество механизмом мгновенного и глобального символического обмена.

Концепт «социальная сеть» прочно вошел в нашу жизнь благодаря основателю самой крупной в мире социальной сети Facebook Марку Цукербергу, который сообщил на своей Facebook-странице 4 октября 2012 г., что «ежемесячная аудитория Facebook превысила 1 млрд пользователей», и выразил надежду, что «в один пре-

красный день к ней присоединится весь оставшийся мир»¹. Миссия Facebook, как продекларировала сама компания, заключается в том, чтобы «предоставить людям возможность обмениваться информацией, сделать мир более открытым для взаимоотношений всего человечества»². Исходя из этого, по мнению автора, социальные сети, наделяя каждого члена общества правом голоса, будут играть роль электронной демократической площадки во всем мире и таким образом будут способствовать воплощению на практике тезиса политолога М.Р. Деметрадзе: «Политические права и свободы человека предоставляют возможность влиять на политические процессы, которые гарантированы конституцией и принципами международного права»³.

Автор считает, что социальные сети как новый инструмент влияния в мировой политике, безусловно, требуют пристального внимания, исследования, использования и тщательного анализа их роли в процессе принятия государственных решений в условиях обострения глобальных проблем и роста международной взаимозависимости.

Об актуальности темы исследования данной статьи свидетельствует тот факт, что 27 марта 2013 г. премьер-министр РФ, председатель партии «Единая Россия» Дмитрий Медведев, выступая с первой лекцией в партийной школе в рамках проекта «Гражданский университет», высказал «единороссам» свою позицию о необходимости работать в социальных сетях. Он подчеркнул: «На сегодня это самый простой в технологическом плане и самый демократичный способ общения с гражданами, который позволяет вести прямой диалог и быстро реагировать на предложения и вопросы»⁴.

В связи с этим возникает вопрос: что же это за явление – социальные сети и какова их роль в политических процессах?

В XXI в. мир стоит на пороге нового этапа исторического развития, пришедшего на смену цивилизации индустриального типа, – постиндустриального информационного общества.

Еще в 1950 г. выдающийся математик и основоположник кибернетики Н. Винер, утверждавший, что «*в будущем <...> развитию обмена информацией между человеком и машиной, между машиной и человеком и между машиной и машиной суждено играть все возрастающую роль*»⁵, предсказал возникновение информационного общества. Следовательно, управляя процессом информационного обмена, можно влиять на общественное сознание людей и таким образом предотвращать и мирно разрешать разного рода конфликты. Все возрастающие объемы передаваемой информации политического характера активно участвуют в создании общемировой

«медиакультуры» с определенными стандартами формата, языка и вида изложения материалов, которые должны быть признаны международным сообществом. Происходит процесс глобализации политико-коммуникационного пространства. Создание всемирной компьютерной сети Интернет содействовало появлению единой мировой информационно-коммуникационной среды – киберпространства. Усиливается роль информационного фактора в решении глобальных геополитических задач, информация становится одним из основных стратегических ресурсов общества и обостряется борьба за его обладание. Нарастает тенденция использования всемирной сети в качестве инструмента участия в политических процессах. Глобальные коммуникационные сети образуют единое мировое информационное пространство.

Социальные сети – это такой социальный феномен, без которого невозможно представить нашу жизнь в XXI в. Термин «социальная сеть» (social network) как совокупность социальных акторов и связей между ними впервые был введен известным социологом Джеймсом Барнсом в 1954 г. задолго до появления всемирной сети Интернет⁶, но широкое распространение получил в начале XXI в. с бурным развитием интернет-технологий. Математической моделью социальной сети является граф – совокупность вершин и связей между ними. В данной статье под социальными сетями будем понимать онлайн-социальные сети, созданные в начале 2000-х гг.

Наиболее популярные в мире в настоящее время социальные интернет-ресурсы – это онлайн-социальные сети Facebook⁷ и Twitter⁸, видеохостинг YouTube⁹, в России – соцсеть ВКонтакте¹⁰. Их притягательность связана с тем, что они являются инструментом общения жителей всей планеты, мгновенного распространения информации, выражения собственного мнения и верификации своих идей.

Понимая важность и значимость процесса распространения контента в соцсетях на современном этапе, крупнейшие информационные агентства мира Associated Press и Reuters и крупные информационные агентства России Интерфакс, ИТАР-ТАСС, «РИА Новости» и RT (*Russia Today*) имеют свои аккаунты в интернет-сервисах Facebook, Twitter и YouTube. Учитывая многомиллионную армию подписчиков, можно представить, сколько человек получают информацию о политической картине мира, такой изменяющейся с каждой секундой. На современном этапе соцсети являются ресурсом воздействия на индивидуума, но также и информация, поступающая от индивидуума в соцсети, может стать важным материалом для новостных агентств (from place to space).

Усиление роли соцсетей в современном мире подчеркивает тот факт, что даже о самых значимых событиях в мире мы узнаем из них. Иными словами, социальные сети пишут мировую историю нашего времени!

Так, 24 февраля 2013 г. после своей последней проповеди в должности Папа Римский Бенедикт XVI поблагодарил католиков за любовь и поддержку и попрощался в своем микроблоге в Twitter. После этого он закрыл свою страничку в соцсети. Это было самое драматичное сообщение в Twitter за историю существования интернет-сервиса.

23 апреля 2013 г. хакеры взломали аккаунт в сети Twitter международного информационно-новостного агентства мира Associated Press и сообщили о взрывах в Белом доме и ранении президента США Барака Обамы. Рынки тут же отреагировали на это ложное сообщение: биржевой индекс Доу-Джонса упал на 131 пункт, однако быстро восстановил прежнее значение. Вскоре информационное агентство дало опровержение.

Международная организация – Организация Объединенных Наций имеет страницы в соцсетях Facebook, Twitter и ВКонтакте и видеохостинге YouTube (русскоязычная версия)¹¹. 13 сентября 2013 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отвечал на вопросы жителей планеты через социальные сети в режиме онлайн-трансляции¹².

Таким образом, на мировой арене социальные сети могут выступать не только как средства размещения и распространения информации, но и быть механизмом информационного влияния на общественное сознание и настроение людей.

Важнейшей научной работой, анализирующей переход от индустриальной эпохи к информационному веку, является монография одного из самых авторитетных мыслителей и исследователей информационного общества, Мануэля Кастельса, «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», написанная в конце XX в. Исходя из вышеперечисленных фактов, можно утверждать: какой точный прогноз сделал американский социолог М. Кастельс еще в 1998 г. в третьем томе «Конец тысячелетия» (“End of Millennium”) своей трилогии, сформулировав идею о том, что современное общество «зависит от способности знаний и информации воздействовать на знания и информацию посредством рекуррентных сетей в процессе глобального взаимодействия»¹³.

На современном этапе возникла тенденция использования политиками, прежде всего в США, социальных сетей в своих предвыборных кампаниях и политической деятельности.

Политика в США прошла долгий путь, начиная с тех времен, когда агитация на дому и выступления на площадях являлись единственным способом обращения к избирателям. 33-й президент США Гарри Трумэн проехал поездом «Магеллан» по всей стране, выступая с пламенными речами с платформы последнего вагона, останавливаясь во многих городах США¹⁴. В ходе своей знаменитой разъездной агитационной кампании, которая обеспечила ему победу на выборах 1948 г., он преодолел 48 тыс. км за 4 месяца и сделал 201 остановку, чтобы донести свое послание к народу¹⁵.

Но уже в 2012 г. предвыборный штаб кандидата в президенты США от Демократической партии Б. Обамы в ходе избирательной кампании в отличие от штаба кандидата в президенты от Республиканской партии М. Ромни широко использовал новые информационные технологии, в том числе и социальные сети, которые и явились движущей силой и значимым механизмом политической коммуникации и воздействия на избирателей, что изменило характер политической конкуренции. Барак Обама обращался к многомиллионной публике через электронные средства связи – блоги, видеохостинги и социальные сети, предоставляя избирателям возможность и получать информацию, и быть непосредственно вовлеченными в политический диалог. Многие аналитики констатируют, что именно социальные медиа сыграли главную роль в процессе выборов президента США в 2012 г. Хэштеги¹⁶ #election2012 (выборы 2012), #ivoted (я проголосовал), #Obama (Обама) и #Romney (Ромни) были самыми популярными в американском сегменте Twitter. 44-й президент США Б. Обама был переизбран на второй срок во многом благодаря его пристрастиям к информационным технологиям XXI в. В связи с этим президента Б. Обаму называют президентом социальных сетей или «президентом-online».

Тотчас же после сообщения CNN о победе на президентских выборах 7 ноября 2012 г. Барак Обама на своей странице в самой популярной социальной сети мира Facebook опубликовал пост “Four more years” (Еще 4 года)¹⁷, собравший 4 440 915 лайков, и прикрепил к статусу фотографию, на которой он обнимает супругу Мишель Обаму; а на своей странице в Twitter поблагодарил своих избирателей: «Это свершилось благодаря вам. Спасибо»¹⁸, – подчеркнув тем самым колоссальную роль социальных сетей в своей предвыборной кампании.

Таким образом, можно говорить о процессе перемещения политической сферы в интернет-пространство. Из отдаленных городишек, которые когда-то президент Трумэн посетил в ходе своего агитационного турне, политические кампании мигрируют во всемирную сеть Интернет, олицетворением которой является

веб-сайт barackobama.com¹⁹. Характерными атрибутами традиционных выборов являлись выступления на политических съездах, рукопожатия, благотворительные обеды, рекламные щиты, телевизионные рекламы и офисы политических кампаний в маленьких розничных магазинчиках. В виртуальном пространстве глобальной сети электронная политика сосредоточена на каналах распространения информации. В сети Интернет участники политических кампаний, вероятнее всего, потратят даже больше времени, агитируя интернет-аудиторию (отправляя и просматривая запросы на добавления в друзья на Facebook, публикуя видеобращения кандидатов на YouTube). Такие онлайн-механизмы мгновенно и в непрерывном режиме запускают потоки информации без лишних денежных затрат. Будущие кандидаты, пренебрегающие этими нововведениями, не смогут соответствовать новому поколению избирателей и встретить современные вызовы избирательной системы²⁰.

И после победы на выборах президента США Б. Обама остается активным членом соцсетей, доказывая, что это увлечение является важным принципом его жизни. На сегодняшний день у Б. Обамы насчитывается 35 млн 829 тыс. подписчиков в социальной сети Facebook²¹ и 32 млн 116 тыс. подписчиков в социальной сети Twitter²². О степени открытости взаимоотношений семьи президента и граждан говорит тот факт, что первая леди США Мишель Обама также имеет два аккаунта в сети микроблогов Twitter²³ – один был создан для предвыборной кампании 2012 г., а второй – подарок на день рождения от сотрудников Белого дома. Число подписчиков Б. Обамы увеличивается, и, как следствие, растет доверие к главе государства и усиливаются его позиции в роли действующего президента.

Итак, автор считает, что социальные сети становятся дополнительной площадкой для коммуникации и инструментом прямого обращения политиков к гражданам в достижении своих политических целей, что подчеркивает первый тезис Окинавской Хартии Глобального информационного общества, принятой главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г.: «Информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается <...> взаимодействия правительства и гражданского общества»²⁴.

Среди российских политиков самым активным пользователем социальных сетей является Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев. В 2010 г. он завел аккаунт в Twitter, который читает около 2 млн пользователей²⁵. Также Д.А. Медведев

зарегистрирован на Facebook и имеет около 1 млн подписчиков²⁶ и ВКонтакте с аудиторией более 1,6 млн читателей²⁷. Многие российские губернаторы используют социальные сети как еще один канал коммуникации. Наибольшей популярностью у губернаторов пользуется Twitter. Президент Российской Федерации В.В. Путин, к сожалению, не является активным пользователем Всемирной паутины и не имеет аккаунтов в соцсетях.

Тем не менее Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., содержит понимание того, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится “мягкая сила” – комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества»²⁸, и подчеркивает необходимость совершенствовать систему применения «мягкой силы». А на совещании с членами Совета безопасности РФ в Кремле 15 февраля 2013 г., представляя эту обновленную Концепцию внешней политики государства, Путин сделал акцент на внедрении и грамотном встраивании так называемых элементов «мягкой силы» в глобальные информационные потоки.

Социальные медиа Twitter и Facebook как мощный инструмент коммуникации наглядно демонстрируют эффективность в создании политических протестов нового типа.

В 2010–2011 гг. мировое сообщество осознало, какую огромную роль социальные сети сыграли в организации революций, спонтанных массовых беспорядков и государственных переворотов в странах Арабского Магриба и Ближнего Востока.

События, известные как «арабская весна», впервые произошли в декабре 2010 г. в Тунисе, занимающем лидирующую позицию среди стран Северной Африки по количеству интернет-пользователей. Диктаторский режим сначала действовал традиционным образом: были закрыты или взяты под контроль радикально настроенные газеты, арестованы журналисты, телевидению было запрещено показывать манифестации. Только не были учтены новые формы коммуникации – социальные сети Twitter и Facebook. Но именно эти интернет-сервисы оппозиция использовала для координации своих действий, распространения информации о месте сбора граждан, ведения антиправительственной агитации, призывов протестующих к решительным действиям, что привело к массовым протестным акциям и в итоге к смене политического режима.

Затем 25 января 2011 г. многотысячные манифестации начались и в Египте. Площадь Тахрир в Каире стала центром египетской революции 2011 г. против бывшего президента Хосни Муба-

рака. Активисты с площади Тахрир распространяли информацию в Twitter с хэштегами #Jan25 (25 января) и #tahrir (Тахрир), призывая людей к мобилизации. Соцсети Twitter и Facebook стали новым форматом политического участия: пользователи самостоятельно создавали все новые аккаунты и группы для подготовки митингов с требованием отставки президента страны. Антиправительственная акция «День гнева», организованная египетским молодежным движением «Шестое апреля», стала самой крупной в Египте с 1977 г. Десятки тысяч демонстрантов, требуя политических свобод и улучшения социально-экономического положения, вышли на улицы Каира и других египетских городов. Египетские власти блокировали доступ к соцсетям Twitter и Facebook в связи с массовыми волнениями и объявили их «врагом государства № 1». Власть недооценила значение новых информационных технологий: необходимо было отслеживать сообщения влиятельных аккаунтов, делать прогноз развития событий и реагировать на них без промедления. Если бы египетские власти обратили внимание на хэштег #tahrir (Тахрир) в Twitter, ставший символом революции, то последствия могли быть иными.

Вследствие того, что социальные сети Twitter и Facebook выступили как коллективный организатор революционно настроенных граждан, как объединяющая сила против власти, события в арабском мире были названы *твиттерными революциями*.

Итак, мы видим, что на современном этапе власть находится в зависимости от контроля не только над информацией, но и средствами коммуникации между членами общества. И правительствами во всем мире теряется этот контроль: через социальные медиа отдельные граждане могут самостоятельно информировать друг друга, распространять идеи от пользователя к пользователю и координировать свои действия, вследствие чего против устаревших политических режимов возникают мощные протестные движения, являющиеся той дополнительной силой, способной сокрушить новый мировой порядок.

Но еще не поставлена точка в оценке роли социальных сетей в арабских революциях. И здесь у автора возникает ассоциация с понятием «эффект бабочки», сформулированным основоположником теории хаоса, американским математиком Эдвардом Лоренцем в известной метафоре: «Взмах крыльев бабочки в Бразилии может породить торнадо в штате Техас»²⁹! В контексте соцсетей это означает: сообщение одного пользователя может привести к цепочке непредсказуемых событий, ведущих к глобальным изменениям во всем мире.

Возникновение новых средств коммуникации – онлайн-технологий – ведет к увеличению свободы слова и расширению плюрализма мнений. Используя социальные сети, любой пользователь, вовлеченный в политический процесс, может распространять свои сообщения неограниченному числу пользователей сети, тем самым пробуждая социальное и политическое сознание у граждан, что содействует появлению новых способов *конвенционального участия* индивида в политике.

Итак, мы вступаем в новую эпоху электронной демократии.

Древнегреческая Агора была местом собрания полноправных граждан, излюбленным центром для интеллектуальных дискуссий. Можно сказать, что это утопический идеал истинной демократии, где граждане слушали и высказывали свои мысли, обменивались идеями, непосредственно участвуя в управлении государством. На современном этапе мы получили мощный инструмент продвижения идей от отдельного индивидуума и влияния на мировой ландшафт в режиме реального времени – социальные сети. Каждый член таких сетей, вольно или невольно, является участником международного сотрудничества и принятия решений в мировой политике.

Автор надеется, что, подобно древнегреческой Агоре, интернет-пространство, предоставляя возможность для большего участия граждан в создании законов и постановлений, в построении правового государства, станет электронной площадкой демократии, ибо демократическое общество нельзя построить без услышанного голоса каждого гражданина. Таким образом, социальные сети как новый элемент «мягкой силы» являются непосредственным участником глобальных политических процессов. «Не существует ничего, – подытоживает Мануэль Кастельс в заключение своего фундаментального труда, – что невозможно изменить сознательным целенаправленным социальным действием, подкрепленным информацией, при обеспечении легитимности»³⁰.

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать главный вывод данного исследования: в эпоху становления информационного общества вследствие глобализации информационного пространства новые формы коммуникации – социальные сети – являются:

- дополнительным механизмом воздействия на государственные и мировые политические процессы;
- новым средством демократизации мирового сообщества.

На основании этого автор делает предположение о том, что в пейзаже мировой политики появился *новый актер* – социальные сети.

- ¹ This morning, there are more than one billion people using Facebook actively each month (Mark Zuckerberg [Электронный ресурс] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/zuck/posts/10100518568346671> (дата обращения: 10.01.2013)).
- ² Facebook's mission [Электронный ресурс] // Facebook.. URL: <https://www.facebook.com/facebook> (дата обращения: 10.01.2013).
- ³ *Деметрадзе М.Р.* Социокультурные исследования: теория и методология: Социокультурная методология изучения традиционализма обществ постсоветского пространства – Россия (центральная зона социокультурных ценностей). М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 423.
- ⁴ Медведев открыл работу «Гражданского университета»: Стенограмма первой лекции в рамках проекта // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <http://er.ru/news/2013/3/27/medvedev-otkryl-rabotu-grazhdanskogo-universiteta/> (дата обращения: 11.04.2013)
- ⁵ *Винер Н.* Человеческое использование человеческих существ: Кибернетика и общество. СПб.: Питер, 2001. С. 12.
- ⁶ См.: *Barnes J.A.* Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. № 7.
- ⁷ Facebook – социальная сеть, запущенная в феврале 2004 г. студентом Гарвардского университета Марком Цукербергом.
- ⁸ Социальная сеть Twitter, позволяющая пользователям отправлять только короткие сообщения – микроблоги (до 140 символов), была создана в 2006 г. американским программистом и бизнесменом Джеком Дорси. Twitter – самый удобный способ для передачи текстовых заметок как личного, так и общественного значения, поскольку использует веб-интерфейс и SMS и насчитывает около 500 млн пользователей. Отличительной чертой Twitter является публичная доступность переданных сообщений.
- ⁹ Один из самых популярнейших видеохостингов YouTube был основан в Калифорнии в феврале 2005 г. А в марте 2013 г. видеохостинг YouTube объявил о том, что число пользователей ресурса превысило 1 млрд в месяц, что говорит о популярности портала, на котором представлены не только ролики показа домашних животных, но и массовые протесты и беспорядки в мире, политические акции и демонстрации, а также *новости* общественно-политической, экономической жизни стран *мира*. По популярности YouTube может соревноваться только с социальной сетью Facebook.
- ¹⁰ Самая крупная российская социальная сеть, созданная по образцу зарубежной сети Facebook в октябре 2006 г. Каждый день на сайт заходят более 46 млн человек.
- ¹¹ Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru> (дата обращения: 10.03.2013).
- ¹² См.: Пан Ги Мун, используя социальные сети, ответил на вопросы, волнующие жителей планеты [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL:

- <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=16208#.UaYjNdcSbTr>
(дата обращения: 10.03.2013).
- ¹³ *Castells M.* The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. 3: End of Millennium. 2nd ed. Malden, MA; Oxford: John Wiley & Sons Ltd, 2010. P. 374.
- ¹⁴ Election campaign 1948 [Электронный ресурс] // The Harry S. Truman Library & Museum. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/1948campaign/large/docs/index.php (дата обращения: 20.02.2013).
- ¹⁵ The Announcement [Электронный ресурс] // The Harry S. Truman Library & Museum. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/TruWhisTour/ld_2.htm (дата обращения: 20.02.2013).
- ¹⁶ Хэштег – это знак, который употребляется для того, чтобы указать тему или отметить ключевое слово, к которому относится высказывание.
- ¹⁷ Barack Obama // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/barackobama> (дата обращения: 10.01.2013).
- ¹⁸ Barack Obama [Электронный ресурс] // Twitter. URL: <https://twitter.com/BarackObama> (дата обращения: 10.01.2013).
- ¹⁹ Сайт некоммерческой организации для поддержки президента Б. Обамы: Organizing for Action [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barackobama.com/> (дата обращения: 10.01.2013).
- ²⁰ См.: *Wattal S. et al.* Web 2.0 and politics: The 2008 U.S. Presidential election and an E-politics research agenda // *MIS Quarterly*. 2010. Vol. 34. № 4.
- ²¹ Barack Obama [Электронный ресурс] // Facebook.
- ²² Barack Obama [Электронный ресурс] // Twitter.
- ²³ Michelle Obama [Электронный ресурс] // Twitter. URL: <https://twitter.com/MichelleObama> (дата обращения: 30.05.2013); FLOTUS [Электронный ресурс] // Twitter. URL: <https://twitter.com/FLOTUS> (дата обращения: 30.05.2013).
- ²⁴ Окинавская Хартия Глобального информационного общества [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/07/123786.shtml> (дата обращения: 10.01.2013).
- ²⁵ Дмитрий Медведев [Электронный ресурс] // Twitter. URL: <https://twitter.com/MedvedevRussia> (дата обращения: 30.05.2013).
- ²⁶ Дмитрий Медведев [Электронный ресурс] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/Dmitry.Medvedev> (дата обращения: 30.05.2013).
- ²⁷ Дмитрий Медведев [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <http://vk.com/dm> (дата обращения: 01.06.2013).
- ²⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED8F7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 01.08.2013).
- ²⁹ См.: *Lorenz E.N.* Atmospheric Predictability as Revealed by Naturally Occurring Analogues // *Journal of the Atmospheric Sciences*. 1969. Vol. 26. № 4. July. P. 636–646.
- ³⁰ *Castells M.* Op. cit. P. 396.

Гуманизация образования и науки – вызов инновационной модернизации мирового социума

В.В. Минаев

ГУМАНИЗМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье предлагается группа вопросов для обсуждения методологических, теоретических и практически-политических проблем современного гуманизма.

Ключевые слова: гуманизм XXI в., человеческий капитал, социальный капитал, образовательный процесс.

Гуманизм сегодня – главный императив исследовательской, образовательной и просветительской деятельности.

Мы в гуманитарном университете собираемся всерьез и надолго заняться исследованием методологических, теоретических и практически-политических проблем современного гуманизма. Примерно год тому назад кафедра мировой политики и международных отношений после обсуждения этого вопроса на своем заседании выступила с инициативой разработки исследовательского и просветительского проекта «*Гуманизм XXI века*».

Мы исходили из того, что гуманитарный профиль университета обязывает нас быть в первых рядах научного изучения гуманистической тематики, приобретающей в нашей стране и в мире все большее значение. Состоялся ряд обсуждений по существу этой тематики, и замысел проекта был положен на бумагу.

Мы сформулировали приблизительный перечень вопросов.

Первая группа вопросов относится к обоснованию актуальности гуманистической тематики в качестве предмета научного исследования. Ведь многие скептики полагают, что гуманизм, конечно, является обязательной и притом вечной темой социальной

философии, нравственности и политики, поэтому всегда в поле внимания общественных наук. Но это не причина, чтобы именно сегодня выдвигать эту тему на авансцену исследовательского процесса; существует множество гораздо более злободневных проблем, затрагивающих жизненные интересы людей. Имеются ли у нас основания, чтобы фокусировать большой исследовательский проект именно на гуманистическую тематику? Я считаю, что, безусловно, основания имеются. Важно понять, какие же качественные сдвиги в общественном развитии определяют необходимость и даже судьбоносность разработки теоретических и практических проблем современного гуманизма. Возможно, это новые условия, новая среда для человека и человеческих отношений, создаваемая нарождающимся информационным обществом с присущими ему сетевыми связями, а возможно, слишком далеко зашедшие процессы дегуманизации социума, угрожающие самому существованию цивилизации. Словом, нам хотелось бы воспроизвести широкую панораму факторов актуализации гуманистических идей в современном мире. Действительно ли человеческий социум переживает переломный момент, который предъявляет повышенные требования и к человеку как субъекту и творцу истории, и к устройству социальных структур и институтов, создающих условия для раскрытия (или закрепощения) внутреннего потенциала человека и человечества? Положительный ответ на поставленный вопрос означает, что гуманизм наполняется новым содержанием, и мы должны его осмыслить.

Вторая группа вопросов нацелена на поиск более конкретных проблем и аспектов обширной темы современного гуманизма. Опасения тех, кто предрекает, что проект по этой теме может вылиться в общие словопрения вокруг абстрактных понятий, не лишен некоторых оснований. Чтобы «выбить» эти основания, нужно построить работу над проектом на базе социологических и политологических исследований, выводы которых поддаются верификации.

Взять, к примеру, тему социального неравенства. Она органически связана с развитием (или затуханием) гуманистических трендов общественной жизни. И это можно показать конкретными социологическими методами, выявляя, как последствия нарастающего (или, наоборот, уменьшающегося) социального неравенства подавляют (или расширяют) творческие возможности индивида, социальной группы и общества в целом.

В еще большей мере поддаются конкретному анализу и даже количественным измерениям процессы развития человеческого капитала и социального капитала. То же самое относится и к про-

цессам, происходящим в общественном сознании. Конкретные исследования и измерения могут пролить свет и на общие проблемы и противоречия всей темы современного гуманизма. Вместе с тем это поможет установить связи и зависимости общетеоретических аспектов современного гуманизма с экономическими, социальными, социокультурными и политическими программами практической политики, вокруг которых разворачиваются жаркие баталии в обществе.

Третью группу вопросов можно было бы назвать – новый гуманизм и гуманитарные науки.

Четвертая группа вопросов ориентирована на увязку темы современного гуманизма с российскими реалиями. Собственно, и сама идея нашего проекта возникла в конечном счете из настоятельной потребности в гуманизации нашего российского социума.

В настоящее время проект активно реализуется на базе РГГУ.

ГУМАНИЗМ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Автор показывает взаимосвязь модернизации российского общества с распространением и развитием гуманистического мировоззрения. Основное внимание уделено новому гуманизму – феномену, появление которого обусловлено глубокими переменами в жизнедеятельности глобального социума, переходом человеческой цивилизации к инновационному типу развития.

Ключевые слова: новый гуманизм, интеллигенция, дегуманизация, духовная культура.

Переход человеческой цивилизации к инновационному типу развития предъявляет свои требования к социуму, к характеру и структуре общественных отношений. Собственно, вся проблема инновационной модернизации общества возникла как результат этих нарастающих требований.

ИТР означает качественный перелом в производительных силах общества. Их главным двигателем становится живое творчество разума, черпающего энергию в аккумулированных наукой знаниях и волевых усилиях осмысленного целеполагания. Конечно, и раньше, в рамках инерционных типов развития, живое творчество человеческого разума одухотворяло вещественные компоненты производительных сил, превращало их в средства воздействия на природную среду ради достижения своих целей. Но масштабы этого воздействия и этих целей были крайне ограничены в силу того, что материальные факторы деятельности человека в мире имели гигантский перевес над факторами духовными. «Живое творчество» человеческого разума и воли было сковано цепями жесткой

зависимости (вплоть до физического выживания) от природной среды, от материальных предметов и орудий труда. Можно сказать, вся предыстория человечества есть время мучительного высвобождения homo sapiens из этого природного пленения, сдерживавшего раскрытие и развитие креативного потенциала человека и человечества и тем самым одновременно побуждавшего двигаться в этом направлении.

Выдающиеся мыслители прошлого, особенно в XIX–XX вв., предвидели, что на этом пути предстоит перейти Рубикон, когда человеческая цивилизация окажется в принципиально иной ситуации.

В «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» Карл Маркс писал, что с развитием крупной промышленности «*непосредственный труд* как таковой перестает быть базисом производства» и «превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию», а «в качестве производителя выступает, скорее, *комбинация* общественной деятельности»¹. В итоге этого процесса, означющего «подчинение сил природы общественному разуму», мерой богатства будет отнюдь не рабочее время, а свободное время, необходимое для «полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»². В этом развитии К. Маркс усматривал показатель того, «до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта»³.

Не равнозначна ли перспектива, на которую указывал основоположник марксизма, открывшейся ныне перспективе инновационного типа общественного развития? И не тот же ли самый смысл регулирующего воздействия человеческого разума на среду обитания социума лежит в основе провидческой идеи В.И. Вернадского о становлении ноосферы?

Много вопросов и много неопределенности. Но очевидно одно: социум выходит сегодня на более продвинутый и еще не вполне им осознанный рубеж креативности в сотворении и регулировании среды обитания. Сквозь туманную дымку грядущего проступают контуры гуманистической цивилизации более высокого порядка.

Поворота такого масштаба, какой обозначился в наше время, не было в истории человечества. Разве что само появление на земле homo sapiens, для чего потребовалось сотни тысяч лет. Сейчас же историческое время сжато, можно сказать, спрессовано. И никто не ведает, преодолет ли человечество сложный этап «большого переформатирования» социума или будет отброшено далеко назад. Выбор не predetermined.

Как предостерегал в 2001 г., незадолго до своей кончины, известный общественно-политический деятель и мыслитель Г.Х. Шахназаров, перспективе рождения ноосферы реально угрожает альтернатива «зоосферы». На это указывают тревожные тенденции дегуманизации общества: неспособность отказаться от национально-государственного эгоизма в мировой политике, экспансия «второсортной культуры», коммерциализация «производства и распространения духовных ценностей», чреватая необратимым снижением интеллекта. «И в этом отношении, – отмечал ученый, – мы не приближаемся, а отдаляемся от возжеленной ноосферы»⁴.

Причина подобной коллизии и скрывающейся за нею мрачной угрозы регрессивного развития цивилизации как раз в несоответствии существующих ныне форм общественного устройства и социальной жизнедеятельности требованиям ИТР. Инновационное развитие открывает огромные возможности для сознательного регулирования социально-экономических и социокультурных процессов глобализирующегося мира в гармоничном взаимодействии с очеловечиваемой средой обитания. Но для реализации этих возможностей ИТР нуждается в максимальном раскрытии потенциала креативности человека и социума.

Иначе говоря, ИТР нуждается в многомерном человеке разносторонних знаний и способностей, человеке-созидателе, свободно и творчески мыслящем и действующем в сети солидарных связей с другими людьми, нравственно и политически ответственными за общие дела и поступки. Между тем сложившиеся механизмы освоения открывающихся возможностей используются для того, чтобы втиснуть как субъектов, так и плоды этой деятельности в прокрустово ложе исторически изживших себя форм социального общежития и взаимодействия. В результате в развитии социума доминируют процессы дегуманизации, подрывающие творческий потенциал человека.

Вдумаемся, что происходит в цитаделях капитализма. Начиная с 80-х гг. прошлого века в ведущих западных странах возобладал неолиберальный курс социально-экономического развития, который сопровождается безудержным культом рынка, стремлением редуцировать ценности общественной жизни к экономической эффективности и коммерческой выгоде, аннигилировать само понятие «общее благо».

По словам американского историка-эссеиста Тони Джадта, это привело к «коррозии публичного пространства» и в конечном счете к правовому произволу, к подмене гуманистических норм права «законами джунглей». «...Мы, – пишет он, – утрачиваем понима-

ние того, что общие интересы и общие потребности должны быть выше частных предпочтений и индивидуальной выгоды. А раз мы перестанем считать публичное выше частного, у нас со временем возникнут затруднения в поисках ответа на вопрос, почему это мы должны признавать верховенство закона (преимущественно публичное благо) над силой»⁵.

Узкопрагматические мировоззренческие установки рыночного фундаментализма, о которых пишет американский историк, не дают возможности сознательного регулирования социума с гуманистических позиций. Напротив, они толкают к его дегуманизации как в масштабах отдельных стран, так и на глобальном уровне.

Что касается России, то дегуманизация общественных отношений здесь достигла такой степени, что угрожает самому содержанию и демократическим целям российской реформации. В постперестроечный период Россия движется по вязкой колее обесчеловеченного прагматизма всеобщей коммерциализации. Человек, по логике доморощенных рыночных фундаменталистов, превращается в тяжкое «обременение», якобы подрывающее эффективность экономики.

Состояние гуманитарной среды в нынешней России внушает большие опасения, динамика же – просто угрожающая. Исторически алгоритм становления и развития российской политической культуры – конфронтация (расколы, противостояния, идеологическая нетерпимость). В XX в. России суждено было пройти все круги ада: кровь, ненависть, насилие, страх (три революции, жестокая гражданская война – брат на брата, две мировые войны с многомиллионными человеческими потерями, большой террор и ГУЛАГ). Все это запечатлелось в исторической памяти народа, вошло в социальный генетический код российского общества.

Вектор, заданный «лихими 90-ми», начиная с авторитарного правления и кончая избыточным социальным неравенством и глубоким расслоением общества, также противоречит сути гуманистического обновления, ведет к разрушению гуманитарной среды. В России дегуманизация общества – один из ведущих трендов развития, проявляющихся в самых разнообразных формах: флюсы «рентной экономики», деградация целых отраслей производства и регионов страны, вопиющее социальное неравенство, культ «золотого тельца», всепроникающая коррупция и произвол бюрократии, подрыв трудовой этики, разрушение систем образования и здравоохранения, падение морали, ожесточение в межчеловеческих отношениях, духовное опустошение.

Тотальная коммерциализация общественной жизни под предлогом эффективности производства и управления выхолащивает из нее именно гуманистическую составляющую. Идеалы, благородные устремления, вообще духовное содержание улетучивается из социума. Исчезают маяки высокой нравственности, бескорыстного служения общему благу.

В общественной жизни превалирует тенденция к тому, чтобы все отношения между людьми «загнать» в один гипертрофированный рынок, которому нет никаких противовесов. Творческий индивид в таком социуме не востребован, он задыхается. Нормативы общественного поведения кроются правящей элитой по лекалам индивидуальной и групповой выгоды для богатых и сильных. Гуманистические мотивы в поведении людей, в их отношении к социальной политике клеймятся как проявление патернализма и иждивенчества, несовместимые с рыночными принципами.

Резонно предполагать, что такое положение могло бы сохраняться и дальше, учитывая, что правящий режим, располагая большими доходами от «рентного пирога» сырьевой экономики, имеет возможность выделять толику богатств из «природного рога изобилия» для амортизации наиболее острых очагов протеста и культивирования в обществе социального и политического конформизма. Однако в глобализирующемся мире, вступающем в эпоху глубочайших качественных перемен, Россия поставлена перед выбором: перейти к инновационному типу развития или оказаться на задворках мирового социума.

Правящая элита оказывается в противоречивом положении. С одной стороны, она хотела бы включиться в мейнстрим инновационной модернизации, с другой стороны, опасаясь за монополию на власть, противодействует ее главной составляющей – раскрепощению и свободному развитию человеческого и социального капитала. На этом «противоходе» легко сорваться в экстремальную ситуацию, в которой «верхи» просто не смогут управлять по-старому (признаки такого положения проявились в экономическом кризисе 2008–2009 гг., и с тех пор они постоянно напоминают о себе). И тогда нас ждут большие неприятности, которые затронут не только правящий класс, но и Россию в целом.

В условиях нарастающей угрозы одичания, варварства, духовной деградации, которая преграждает дорогу инновационной модернизации, творческая прослойка общества обязана встать на защиту культуры и нравственности, за сохранение гуманитарной среды, за развертывание по всем городам и весям массовой просветительской деятельности. Наше общество перед дилеммой: или

удастся переломить ситуацию в русле инновационной модернизации, или нас ждет духовное обнищание, и тогда, перефразируя Е. Замятина, придется сказать: у российской культуры нет иного будущего, кроме ее прошлого.

Очевидно, что при нынешнем состоянии социума общественное сознание не готово к вызовам инновационного развития. И в глобальном, и в национальном измерении прежде всего должна быть остановлена дегуманизация общества. Только тогда может быть дан простор раскрытию необъятного потенциала необходимых для ИТР возможностей человеческого и социального капитала. Именно в этом контексте возрождение и развитие нового гуманизма приобретает большой исторический смысл.

По контрастности и драматизму противоборства сил разума и невежества XXI век в чем-то очень напоминает XV и XVI века европейской истории. В обоих случаях луч знаний высвечивает людям возможность нормальных гуманистических отношений в социуме. И одновременно наблюдается мощный всплеск антигуманных акций, попирающих человеческое достоинство. И здесь и там общество переживает полосу турбулентности, которая вносит в жизнь людей хаос неустойчивости и неопределенности, сопряженный с бедствиями и ожесточением. В обоих случаях назревает время для больших социальных перемен.

В XV–XVI вв. надвигалась эра буржуазных революций, открывших эпоху индустриального общества. В XXI в. мерцают зарницы эры «инновационной модернизации», которая открывает принципиально новую эпоху «постиндустриального» информационного общества. Такие времена отличаются множеством возможностей и противостоянием альтернатив.

На заре эпохи индустриализма, когда рождавшиеся капиталистические отношения ясно обнаружили в себе антигуманные коннотации, сначала в общественной мысли, а позднее и в общественно-политической практике возникло мощное течение просветительского гуманизма. Гуманистическое мировоззрение пронизало атмосферу европейского общества, стало противоядием жестоким тенденциям беспощадного угнетения, которые нес с собой «манчестерский капитализм» – символ бесчеловечности. Разумеется, тогдашний просветительский гуманизм был по-детски наивным, полагался на безграничные возможности разума, рассчитывал, что одной лишь силой убеждения можно утвердить в социальных отношениях состояние полной гармонии и всеобщей справедливости. Несомненно, однако, что при всех своих недостатках и слабостях именно гуманистическое движение эпохи

Возрождения сыграло незаменимую роль в нейтрализации наиболее отвратительных черт нарождавшегося капитализма, заложило идейно-нравственные предпосылки для последующей успешной борьбы за гуманизацию капиталистического общества.

Начавшееся ныне глобальное переформатирование общества создает острую потребность в новом просветительском гуманизме, который обязаны инициировать и вознести на уровень злободневной глобальной проблемы интеллектуальные силы планеты, заинтересованные в инновационной модернизации общества. Люди в нашем изменяющемся мире нуждаются в гуманистическом просвещении. Конечно, новый гуманизм не может быть повторением того, что проповедовали гуманисты прошлого. Мы знаем, что полная гармония недостижима, что мир антиномичен и надо уметь жить с противоречиями и конфликтами, обладать высокой культурой толерантности, овладеть искусством сохранения единства человеческой сущности в растущем многообразии современного мира.

Можно возразить, что все эти доводы в пользу гуманистического возрождения носят слишком общий характер, отдают абстрактной риторикой. Каких только громких слов о гуманизме не было сказано и в годы сталинизма, и на различных этапах российской реформации; и сегодня высокопарные гуманистические призывы слышны в речах лидеров различных партий и движений. Весьма легко утопить благие намерения в избитых словесных клише, а для реального воплощения гуманистических идей и планов нужны не звонкие слова, а конкретные программы социально-экономических и политических преобразований.

Надо признать, что опасность заболтать идею «гуманистического прорыва» действительно существует. Концепцию и политику нового гуманизма можно свести (а некоторые идеологи и политики намеренно этого добиваются) к прекрасноречивым фразам и благим призывам, которые не затронут реальную жизнь и в лучшем случае останутся гласом вопиющего в пустыне.

Поэтому сформулировать конкретные задачи и проблемы вновь нарождающегося гуманистического движения, конечно, необходимо. Надо думать, как найти такие подходы, которые поставят раскрытие этой темы на твердую почву фактов и процессов, тенденций и возможностей развития современного общества. Но вряд ли это «приземление» проекта можно осуществить конструированием некой принципиально новой программы социально-экономических и политических требований. Их в публичном пространстве в избытке; нет дефицита на эти требования, суть дела в том, что они «не работают».

Как показали парламентские и президентские выборы 2011–2012 гг., наше общество глубоко расколото. Сторонников больших перемен у нас меньшинство. Большинство же придерживается конформистских взглядов: многим недовольно, чем-то раздражено, ворчит по тому или иному поводу, но считает, что «несовершенная стабильность» лучше «неведомых перемен». Противоречивое состояние общественного сознания трансформирующегося российского общества объясняется многими причинами. Среди них – опасение любых реформ, которые сквозь призму негативного опыта недавнего прошлого видятся простым людям как знак надвигающейся беды; отсутствие сколько-нибудь убедительной альтернативы нынешнему политическому курсу; инертность общественного сознания и приверженность традициям авторитарной политической культуры. И конечно, это синдром «рентного пирога», от которого, надо признать, хотя и далеко не в равной мере, получают все слои общества.

Конформизм не вечно будет довлеть над общественным сознанием и поведением российских граждан. Дегуманизация общества в России продолжается, и она все сильнее препятствует инновационной модернизации. Негативные последствия этого процесса будут побуждать граждан к осознанию необходимости гуманистического прорыва. Но это сравнительно долгий процесс. Перипетии социально-политического развития российского общества показывают, что Россия не может сразу, одним рывком выбраться из вязкой авторитарно-патерналистской колеи инерционного развития. Как образно выразился поэт Максимилиан Волошин:

И вопреки бичам идеологий
Колеса вязнут в старой колее.

Но российское общество испытывает нарастающую потребность и усиливающуюся гражданскую тягу к преобразованиям инновационного гуманистического характера. Важно, чтобы эта цель не потускнела в «рентном зазеркалье», а стала предметом повседневной мирной борьбы – длительной, настойчивой, целеустремленной, терпеливой, сопряженной с гуманистическим просветительством.

Вспомним, с чего начиналось гуманистическое просвещение в эпоху Возрождения – с деятельности одиночек-гуманистов. А потом просвещение обернулось грандиозными программами общественных преобразований и великими деяниями буржуазных революций. В начале 1930-х гг., реагируя на резкое уменьшение в

западных обществах благородных поступков и благородных людей, немецкий философ Карл Ясперс заметил: «Проблема человеческого благородства состоит теперь в спасении воздействия наилучших, число которых невелико»⁶.

В нынешнем российском обществе на фоне прогрессирующей дегуманизации начать гуманистический поворот могут и должны те немногие, кто готов вести просветительскую деятельность в защиту идеалов и ценностей гуманизма. Просвещение – важнейшее средство борьбы за перемены. Нельзя успешно бороться за реформы, не получая адекватных представлений о смысле, механизмах и противоречиях российской реформации, не освобождая общественное сознание от устаревших стереотипов, предрассудков и мифов. В то же время гуманистическое просвещение невозможно без настойчивой политической борьбы за нормальное функционирование и расширение публичной сферы, без создания условий и постоянного стимулирования общественной рефлексии. Это две стороны одной медали. Просвещение является органической частью реформаторской деятельности, в которой осмысливаются и решаются вполне конкретные программные требования.

Среди них на передний план сегодня выходят те требования, реализация которых непосредственно расчищает путь для инновационного развития России, т. е. воспроизводит в стране атмосферу креативности, создает институты, механизмы и условия ее поддержания. Речь идет о конструировании и наладке Национальной инновационной системы (НИС), способной придать модернизации общества общенациональную целостность. В программных документах правительства поставлена задача создания НИС. Но заметного продвижения в ее решении не происходит. Дело упирается прежде всего в неспособность нынешней власти осуществить комплекс императивно назревших мер гуманизации российского общества как способа раскрытия его креативного потенциала. К числу этих мер в первую очередь относятся:

– *обеспечение достоинства, свободы и прав личности в обществе.* За годы реформации в этой сфере произошли некоторые подвижки. Права и свободы личности зафиксированы в Конституции РФ. Но в лучшем случае это декларация о намерениях. Пока Россия далека от того, чтобы человек был высшей ценностью в глазах и действиях государства и государственных чиновников.

А в глазах и действиях общества? Многие ли из российских граждан могут вслед за американским поэтом Уолтом Уитменом заявить: «Унижающий другого унижает и меня»? Возведение рыночного фундаментализма в ранг государственной политики и

культивирование «рентного конформизма» низвели гражданскую солидарность до небывало низкого уровня. Может ли гражданин, наделенный такой степенью свободы в мышлении и поведении, быть инициативным и сознательным модернизатором? Вопрос, как говорится, риторический;

– *развитие и преобразование применительно к новым критериям исторически сложившихся систем и методов социализации личности*, от чего накопление отвечающего требованиям ИТР потенциала креативности зависит не менее, чем от наличия в обществе свободы и прав личности.

Обновленные критерии определяются тем, что новый гуманизм нарождается как мировоззрение и совокупность социальных практик, направленных на сознательное «творение» и регулирование жизнедеятельности мира (ноосфера). Главным содержанием инновационного реформирования системы образования человека с этой точки зрения должны стать развитие творческих способностей, умения самостоятельно мыслить, расширение кругозора и фундаментальность знаний обучающихся. Точно так же, ориентируясь на человека инновационной формации – креативного, энергичного, инициативного, предстоит модернизировать системы охраны здоровья, детского воспитания, рекреации, социального обеспечения;

– *восстановление, а затем и дальнейший подъем роли науки в развитии общества*. Пережитая ею двадцатилетняя полоса катастрофического упадка (не востребованность со стороны государства и общества, хроническое недофинансирование, падение престижа профессии, утечка мозгов, распад научных школ) ставит осуществление этой меры на грань невозможного. Но без нее лишается смысла сам призыв к инновационной модернизации общества. Как можно без процветания науки реструктурировать сырьевую экономику, обеспечить приоритет высокотехнологичным и наукоемким отраслям, влиться в мейнстрим инновационного развития глобального социума?

Едиственный шанс для России – собрать воедино все материальные, интеллектуальные и волевые ресурсы и, если еще не поздно, вытаскать науку из ниши бедственного положения, превратить научную деятельность в наиболее престижную, разработать систему стимулов для вовлечения в научную сферу самой способной и талантливой части российской нации. Общество инновационного типа предполагает, что научное мышление и научные знания пронизывают все поры социума;

– *переосмысление содержания и функций гуманитарного знания в общем комплексе научных дисциплин*. Сложность и динамизм об-

пещественных отношений вскрывают дефекты прямолинейной экстраполяции понятия «закон» из натурфилософии в гуманитарные науки. Видимо, в этой сфере нужны более эластичные категории, стохастические матрицы, улавливающие непредсказуемые вибрации социума, энергетику людских страстей, роковые случайности, драйвы ценностных мотиваций, соблазны привлекательных альтернатив и просто индивидуальные особенности лидеров. Анализ этих процессов не может дать позитивистской ясности в определении необходимой (тем более неизбежной) линии развития событий; познанию доступны лишь контурно верные, вероятностные сценарии исходов и перспектив движения социума.

Зато в отличие от естествознания предмет и функции гуманитарного знания гораздо шире – не только факты и процессы, но также ценности жизни и культуры. Не менее важна их роль в обосновании социальной концепции действительности – системы воззрений на мир в целом, постулатов и принципов деятельности человека в этом мире. Все больше признаков того, что с переходом к ИТР и глобализацией намечается смена парадигмы социального видения мира. По всей вероятности, в гуманитарных науках надвигается революция, сходная с теми, которые совершили в XVI в. Н. Коперник в астрономии и в начале XX в. А. Эйнштейн в физике.

Не задуматься ли над тем, возможно ли вообще воспринять действительность достаточно полно и адекватно в рамках одной какой-либо теоретической традиции? Ни одна из них не наделена правом на монопольное обладание истиной. При нынешней сложности социума осмыслить социальную реальность достаточно глубоко и всесторонне можно только сопоставляя ее видение с разных позиций. Вряд ли при этом социальная концепция сможет существовать как целостная и непротиворечивая теория. Нет необходимости доказывать огромную значимость гуманитарных наук в изучении всех этих вопросов для инновационной модернизации России;

– *демократизация политической системы и всего общественного устройства российского социума.* Новый гуманизм, будучи феноменом нарождающегося информационного общества, ориентирован прежде всего на творческого индивида, представителя поднимающегося «креативного класса», положение которого подталкивает его к сознательному участию в управлении социумом. Представительная демократия лишь частично обеспечивает для этого условия. К тому же, по общему признанию специалистов, система представительства в современном мире переживает глубокий кризис, вызванный профессионализацией политики и применением новых технологий манипулирования общественным сознанием.

Для сохранения демократии ведется поиск новых форм политического правления. Выдвинута идея «мониторинговой демократии», возрождающей черты (элементы) прямого участия граждан в формировании публичной политики и контроле над деятельностью органов политической власти⁷. За последние полвека общество изобрело и научилось использовать много способов мониторинга и контроля власти. Намечаются существенные сдвиги в конфигурации отношений между властью и гражданским обществом. Институты мониторинговой активности стремятся вдохнуть новую жизнь в демократию, помочь ей обуздать высокомерие власти, привить культуру скромности и толерантности. Реализация этих идей сопряжена с развитием публичной сферы общества, культивированием общественной рефлексии по вопросам политики.

Изложенный выше комплекс мер пунктирно обозначает перспективу гуманистического прорыва, жизненно необходимого для инновационного развития российского общества.

Завершая этот сюжет, еще раз подчеркнем, что новый гуманизм – потребность не только России. Мы не одиноки в противостоянии дегуманизации – этой модернизированной форме варварства. Защита и развитие гуманистических традиций, осмысление новых форм, стандартов, ценностей, образцов, критериев гуманизма в нарождающемся информационном обществе – это глобальная проблема, от которой зависит, перешагнет ли человеческая цивилизация через порог ноосферы или драматическая история земного очага разума завершится самоуничтожением. Ставка – существование человеческой цивилизации – достаточно высока, чтобы отнестись к этой проблеме с должной мерой ответственности.

Теперь собственно о роли интеллигенции в формировании гуманистической культуры.

Как известно, понятие «интеллигенция» российского происхождения. В России XIX в. этот термин стал употребляться для обозначения образованной прослойки населения, носителя высоких нравственных (гуманистических) принципов, выступавшей с этих позиций против крепостничества и деспотизма, в защиту интересов угнетенных и униженных. В условиях традиционалистски консервативной России, где, как отмечал В.О. Ключевский, дремучая «русская старина преображала» все реформы, морально-этическая составляющая стала определяющей для понятия «интеллигенция». В отличие от западных стран, где для обозначения образованных слоев общества использовали и используют термин «интеллектуалы».

Казалось бы, если ядро гуманистического мировосприятия – морально-нравственные ценности – главный атрибут интеллигенции, то именно она по определению должна выступить застрельщиком и ведущей силой гуманизации российского общества, так сказать, знаменосцем нового гуманизма. Увы, это не так. В советский период, а затем в годы радикально-либеральных реформ российская интеллигенция претерпела большие метаморфозы, подорвавшие ее моральный авторитет в обществе.

Показательны в этом отношении данные о восприятии понятия «интеллигентность» пользователями интернет-сети, полученные с помощью когнитометрии – технологии анализа смыслов употребления слов в многочисленных индивидуальных актах коммуникации в сети. Вот что на этот счет пишет автор статьи на данную тему Г. Любарский: «Комплекс описаний интеллигентности еще недавно обладал ценностным значением, имелся список обязательных свойств, кодекс интеллигентности. Теперь он все чаще не воспринимается всерьез, а над отвергнутыми святынями – смеются. Это и есть акт разрушения ценности – смех. То, что только эти слова несут нормативный аспект значения и именно они чаще употребляются в ироническом ключе, указывает на уходящую в прошлое, разрушающуюся, отвергаемую, но все еще живую систему ценностей»⁸.

Когнитометрия беспристрастно зафиксировала фактическое положение дел: морально-этический кодекс интеллигентности – главный стержень формирования из образованных граждан особой социальной прослойки, способной по убеждению противостоять безнравственности и несправедливости, – разрушается в процессе дегуманизации российского общества. Научные знания и высокая культура человечности – самое действенное оружие интеллигенции в противоборстве с невежеством, фундаментализмом и мракобесием – нынешние адепты рыночной и криминальной дегуманизации общества пытаются нейтрализовать повсеместным насаждением субкультуры обывательского примитивизма и низкопробной развлекательности.

Интересные соображения по этому поводу высказывает философ и публицист Владимир Пастухов в статье «Герои в толпе». «...Если в обществе, – пишет он, – есть огромный избыток денежной массы, появление которой является не следствием развития реальных производительных сил, а результатом эксплуатации природной ренты, то это как ничто другое способствует развитию паразитической субкультуры и приводит к деградации более сложных субкультур – например городской. Присущие последней

способность к рефлексии, гибкость и сложность мышления оказываются в условиях “рентной экономики” совершенно бесполезными и даже обременительными, не помогают, а мешают приспособиться к простым реалиям варварского общества. Такая субкультура пребывает в состоянии постоянной подавленности и деградирует. Но если матрица изменится, социальная структура общества усложнится, появятся ограничения на применение насилия, у городской субкультуры появятся шансы. Для сложного общества нужны сложные люди. Городская культура может воспрянуть и загнать примитивную культуру люмпена в резервацию»⁹.

Паразитическая культура примитивизма и дилетантства – это как черная дыра, неотвратно поглощающая духовные ценности общества и лишаящая его перспективы. Она-то и поглощает интеллигенцию, выталкивая ее на задворки общественно-политической жизни. Однако этой пагубной для России тенденции противостоит другая, расширяющая возможности изменить матрицу развития российского общества. Это, как уже отмечалось, нарастающая потребность государства и общества перейти на инновационный путь социально-экономического развития.

Эта тенденция представляет собой мощную пружину реформаторского прессинга на существующий политический режим, на правящую элиту, на общество в целом. Будем надеяться, что следствием подобного прессинга станет возникновение новых и новых очагов напряжения во власти, в элите, в обществе. От них с возрастающей силой будут исходить импульсы, побуждающие к большим реформам инновационного характера, появятся дополнительные рычаги воздействия на публичную политику, появятся и люди с горячими сердцами, способные привести эти рычаги в действие.

Та часть интеллигенции, которая в годы лихолетья и произвола со стороны «богатых и сильных» сохранила верность принципам кодекса интеллигентности, должна действовать в унисон с этой дающей надежду тенденцией. Возможно, в этом ключ к возрождению российской интеллигенции, ее авторитета и влияния. Ведь программа инновационной модернизации российского общества (настоящей, демократической, общенациональной, а не «оранжерейно-сколковской») выдвигает великую цель, которая в состоянии разжечь великую энергию преобразования. Неужели эта цель и эта энергия не вдохновят на творческие деяния всех тех, в ком не погас огонь служения общему делу? Если же вдохновят, к чему есть весомые предпосылки, то история русской интеллигенции будет иметь продолжение. И вполне вероятно,

именно интеллигенция станет костяком того «креативного класса», на долю которого выпадет историческая миссия – воплотить идею нового гуманизма в живую реальность сознательно регулируемого социума.

Примечания

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 46. Ч. 2. М., 1969. С. 218.
- ² Там же. С. 221.
- ³ Там же. С. 215.
- ⁴ Миропорядок XXI в.: ноосфера или зоосфера? М.: Горбачев-Фонд, 2001. С. 41.
- ⁵ *Judt T.* Ill Fares the Land: A Treatise On Our Present Discontents. L.: Penguin Books, 2011. P. 129.
- ⁶ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 406.
- ⁷ *Keane J.* The Life and Death of Democracy. N.Y.; L.: W.W. Norton and Company, 2009.
- ⁸ *Любарский Г.* Вера. Религия. Церковь [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: http://polit.ru/article/2012/07/10/cognitometry_church1 (дата обращения: 30.05.2013).
- ⁹ *Пастухов В.* Герои в толпе [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2012/08/28/geroi> (дата обращения: 30.05.2013).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена выяснению сущности современной интеллигенции, ее места в системе общественных отношений, ее роли в развитии общества «эпохи модерна». Подчеркивается, что прежние, традиционные определения интеллигенции как социального слоя, профессионально занимающегося умственным трудом, сегодня утратили свое доминирующее значение и что главным признаком современной интеллигенции является «выражение интересов общественного развития в целом». Это объединяющее начало «новой», современной интеллигенции определяет и стоящие перед ней задачи: сознательное выражение интересов общественного развития в целом и внесение соответствующих идей в народное сознание, разработка программ постепенного смягчения отчуждения и в перспективе – его снятия, программ очеловечивания исторического процесса, программ гуманизма.

Ключевые слова: интеллигенция, интересы общественного развития, гуманизм, нравственность, реформа, революция, отчуждение, логика мировой истории.

Прежде всего, я вместе с участниками круглого стола хотел бы уяснить – о каком, собственно, социальном субъекте (поименованного нами «интеллигенцией») мы собираемся вести речь. Только выяснив это, мы сможем размышлять о месте и роли этого субъекта в современном обществе.

А проблемы, связанные с подобным уяснением, немалые. На первый взгляд все предельно просто и ясно. Есть общепринятое в социологии определение «интеллигенции»: это (цитирую один из учебников) – «социальная группа лиц, занимающаяся умственным, преимущественно сложным и творческим, трудом».

Ну, что же, когда-то этот признак хорошо срабатывал: он, действительно, объединял людей в некую социальную группу, отличавшуюся от других социальных групп – предпринимателей, наемных рабочих, крестьян, ремесленников, чиновников и т. п. Но за последние пару столетий этот признак все больше утрачивал свою объединяющую функцию. Шел и ширился процесс наполнения *различных* классов «работниками умственного труда». И эти «умственные работники» все больше переставали быть некой единой общностью и становились полноправными органическими частями *разных* (нередко с прямо противоположными, а то и антагонистическими интересами) классов.

Это давало основание иным теоретикам говорить о «конце» интеллигенции как целостного, внутренне единого образования.

Так вот, я думаю, что такой «конец» действительно был. Но – конец *прежней* интеллигенции. И – начало формирования *новой интеллигенции*, складывающейся на основе общности нового типа, для которой прежний признак «умственного труда» хотя и остается значимым, но перестает быть *определяющим*.

А какой же признак становится *определяющим* для выделения современной интеллигенции в качестве особого, отличного от других, специфического социального слоя?

К ответу на этот вопрос я шел бы постепенно, *step by step* – «пошагово». И начал бы движение к определению сущности и формированию понятия «новой интеллигенции» с описания общей логики развития мирового социального процесса и роли различных социальных сил в нем. Особенно внимательно следил бы за постепенным – от зачаточных до развитых форм – формированием того социального слоя, который можно обозначить как «новая интеллигенция» или «интеллигенция эпохи модерна».

Шаг (тезис) первый. Общий смысл и «целевая причина» (Аристотель) всемирной истории – это движение от односторонне развитого, «частичного» человека к человеку «целостному» (а здесь – терминология Гегеля, Маркса и Ильенкова), к тому историческому состоянию, когда каждый индивид станет воплощением, носителем всей полноты человеческой сущности.

Что это означает? Об этом – в следующем тезисе.

Тезис второй. Становление и развитие сущности человека происходит в *деятельности*, которая характеризуется триадой: цель, средства, результат. «Целостный» человек – тот, кто активно и сознательно участвует во *всех* трех фазах деятельности: участвует в определении целей, в подыскании средств для их реализации и, применяя намеченные им средства, движется в своей деятельности

к определенной *им* цели (результату). Но история на ранних своих этапах развела людей по разным фазам: одним – выпала задача определять цели и подыскивать средства, другим (под присмотром и под давлением первых) – применять эти, не ими выбранные, «средства» и двигаться к не ими определенным «целям». Таким образом, и первые и вторые задействованы лишь в *отдельных* фазах процесса деятельности. Ее целостность они не охватывают. В итоге – все находится в том состоянии, что получило название «отчуждения» (отчуждения от полноты деятельности и полноты человеческой сущности). И каждый человек здесь – «частичный», прикасающийся лишь к одной из граней этой сущности.

Причина, всемирно-исторические корни такого *отчуждения* – частная собственность и связанное с ней социальное *разделение труда* (т. е. классово-структурированное общество). Деятельность людей (и «управителей» и «управляемых») в условиях частной собственности и классового разделения – это *отчужденная* деятельность. *Работник*, повторим и конкретизируем сказанное выше, отчужден от постановки *целей* и от подыскания *средств* для их реализации. Можно сказать, отчужден и от самой деятельности: его руки в процессе деятельности принадлежат не ему, а – собственнику, купившему их. И естественно, ему не принадлежит и *результат* деятельности – произведенный им продукт. *Собственник* испытывает, конечно, меньшую степень отчуждения, но тем не менее он отчужден от непосредственного процесса деятельности и, по-своему, – от произведенного продукта. Ибо продукт этот вступает в пространство рынка, у которого свои законы, не подчиненные воле частного собственника. Там заправляет «невидимая рука рынка», т. е. законы, стоящие *над* людьми. «...В самой общей форме, – пишет Ильенков, – категория “отчуждения” означает вообще довольно распространённый факт – факт превращения продукта деятельности людей, продукта их рук и мозга, в некоторую самостоятельную, уже независимую от них самих силу – т. е. в некоторое образование, живущее уже по своей собственной логике и потому действующее то и дело уже наперекор желаниям и воле своих собственных творцов»¹.

Как оценить это явление «отчуждения»? Хорошо оно или плохо? Болезнь это или норма? Об этом – тезис третий.

Тезис третий. Политические философы прудонистского типа отвечали: да, это болезнь. Тяжелая, калечащая человека болезнь, которую надо немедленно лечить, не останавливаясь перед применением самых решительных, самых суровых мер. Другим был ответ Маркса: Это – *норма!* Правда, с добавлением: *для определенных периодов и определенных условий.* И об этом четвертый тезис.

Тезис четвертый. Отчуждение есть не просто норма для определенных этапов человеческой истории, но и *условие ее прогресса*. Ибо через разделение труда развивается специализация и совершенствование форм человеческой деятельности. Правда, есть у этого прогресса довольно неприятная специфика. И об этом – пятый тезис.

Тезис пятый. Специфика эта, как верно и точно заметил Маркс, состоит в следующем: «Прогресс в протекшей истории был подобен тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых». Такая вот черно-белая диалектика прогресса – и «нектар», и «череп убитых».

Резюмируем:

История человечества –

1. Есть история становления и развития отчуждения.
2. Есть история накопления – в рамках отчуждения «нектара» (т. е. материального богатства и богатства деятельных форм и способностей людей).

3. Есть история создания предпосылок для смягчения отчуждения и в перспективе – его снятия. Или другими словами – предпосылок для участия каждого индивида во *всех* фазах деятельности, для перехода от человека «частичного» к человеку «целостному».

4. Есть история становления Человека (с большой буквы!), история постепенного «очеловечивания» человека и окружающего мира, т. е. – история Гуманизации.

Развитие это происходит в рамках деятельности, разделенной между различными группами людей, называемыми «сословиями» и «классами». И, следовательно, мы можем сказать, что рассматриваемая с этой точки зрения история есть история взаимодействия и противостояния классов. А вектор исторического развития представляет собой результат этого классового взаимодействия и борьбы. В сопряжении, взаимодействии и борьбе классовых интересов рождается некий их баланс, в котором реализуются не столько интересы того или другого класса, сколько *интерес общественного развития в целом*. Таким образом, наряду с законными классовыми интересами есть еще не менее законные *интересы общественного развития в целом*.

Этот баланс интересов, эта результирующая классового взаимодействия складывались в истории, по большей части, стихийно – «за спинами» участников этого процесса. Такое, стихийное, развитие чревато серьезными бедами для общества – спутанностью, неясностью целей развития, неэффективностью средств, их несопряженностью с целями и т. п. Поэтому по мере истори-

ческого развития возникает настоятельная потребность в росте *сознательной составляющей* социального движения. В том чтобы «общественный интерес» реализовывался не как стихийный, а как понятый, отрефлектированный, управляемый и направляемый человеческим *сознанием* процесс. А эта потребность приводит к тому, что в обществе возникает некая социальная общность, назначение которой – *выяснить, формулировать эти «интересы общественно-го развития»*. Вот такого рода общность я и обозначаю как «*новую интеллигенцию*».

Еще раз. Общество нуждается в социальной и интеллектуальной силе, которая бы выражала не интерес тех или других социальных слоев, тех или других классов, а была бы мозгом *всей* нации, *всего* общества, которая выводила бы *баланс* существующих в обществе разнонаправленных интересов и вырабатывала бы, с учетом разнообразия этих интересов, программы максимально возможного в данных условиях социального прогресса.

Внесение такого сознания в общественную жизнь предполагает решение, по меньшей мере, двух масштабных задач:

1. Выяснение общей Логике мировой истории и формулирование вытекающего из этой Логике всемирно-исторического Идеала.
2. Описание конкретных, соответствующих данному уровню развития общества, путей и возможностей постепенного движения к этому Идеалу.

Чтобы лучше прояснить свою мысль, приведу три примера деятельности лидеров такого рода интеллигенции. И сразу скажу, что, наверное, имена этих лидеров прозвучат довольно необычно в приводимом мною контексте, ибо их привыкли считать наиболее ярко выраженными идеологами определенных социальных классов. Я буду говорить о Чернышевском и Герцене (обычно считающихся идеологами угнетенного в России крестьянского сословия) и о Ленине (несомненном как будто бы идеологе пролетариата).

Так вот, дело обстоит сложнее и интереснее. Для начала приведу одну из потрясающих (и плохо понятых) *ленинских* формул. «Интересы общественного развития, – неожиданно для своих сторонников заметил Ленин накануне революции 1905 г., – выше интересов пролетариата»². Это надо хорошо понять. Да, Ленин считал необходимым защищать интересы наиболее угнетенного и в перспективе наиболее прогрессивного класса российского общества – пролетариата. Но, формулируя и защищая эти интересы, он вместе с тем подчеркивал, что есть «интересы общественного развития», которые в данный исторический момент «выше интересов пролетариата». Выражением этой ленинской позиции была

выработанная им стратегия деятельности прогрессивных сил в назревающей революции. В отличие от Троцкого, делавшего акцент на «интересах пролетариата» и выдвигавшего известный классово-пролетарский лозунг «без царя, а правительство рабочее», Ленин объяснял, что потребности «общественного развития» в данный исторический момент требуют осуществления не пролетарских, а буржуазно-демократических преобразований и установления не пролетарской диктатуры, а «революционно-демократической власти», где пролетариат будет лишь одной из сил, на которую эта власть сможет и должна будет опереться. Такая же методология лежала в основе ленинской теории нэпа в 20-е гг.: не установление тотальной общественной собственности (столь желанной пролетариату), а сочетание, сопряжение разных форм собственности – общественной и (учитывая интересы другой массовой силы – крестьянства) частной, кооперативной. *Интересы всего общественного развития!*

И – *Чернышевский*. «Завещание» Чернышевского называлось «Письма без адреса». Хотя адрес легко угадывался: Александр II. Это был очень серьезный и очень ответственный разговор с Властью.

Начинается он с очень откровенной и ясной обрисовки диспозиции: «Милостивый государь! Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас вы и не от вас мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды»³. Итак, он идет на переговоры с верховным правителем, но не рядится в тогу его советчика. Он не скрывает: мы по разные стороны баррикад. Но обстоятельства жизни русского народа и наше с вами в них положение складываются таким образом, что нам с вами придется сесть, что называется, за стол переговоров. *Этого требует интерес общественного развития*. Мы обязательно должны объясниться, мы должны понять предгрозовую ситуацию, в которой оказалось российское общество и мы с вами, как его часть. Иначе – беда. Беда – и народу, о котором мы с вами так печемся, и вам, властителям, и нам, партии просвещения, партии русской демократической *интеллигенции*. Легкого, простого выхода из этой ситуации нет. «Вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если б эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих неудач. Тогда задача решалась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела». И дальше – главное: *«Но грустно то, что никакие наши действия*

против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному». Почему же? «Апатичен остается народ: какой же результат могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о его пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?»⁴. «Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь полезное для него»⁵. Но однажды под давлением жизненных тягот он вынужден будет подняться на свою защиту – такая развязка событий чревата...

И далее – центральное место статьи:

*«Когда люди дойдут до мысли: ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел, они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, *трепещут этой ожидаемой развязки* (т. е. революции. – Г. В.). Не вы одни, а также и *мы желали бы избежать ее*. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, – *интерес просвещения*. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. *Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожить всю нашу цивилизацию.**

Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы полезнее для самого народа, и мы готовы для *отвращения ужасающей нас развязки* забыть все: и нашу любовь к свободе и нашу любовь к народу.

Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и для нас» (курсив всюду наш. – Г. В.)⁶.

Тут-то и изложена вся суть дела. Чернышевский против *революционного* способа разрешения социального тупика, ибо результат будет печален для всех – и «для вас», и «для нас», и «для самого народа». Он, заботясь об «интересах общественного развития в целом», пытается разъяснить это правящим силам, склоняя их к принятию необходимых шагов навстречу народным интересам. И вместе с тем мало рассчитывает на успех этой своей попытки – слишком силен эгоизм сословия, стоящего у власти. Эгоизм этот

отбивает даже чутье опасности, которая грозит самому этому словию. Да, Чернышевский осознает: слишком ничтожны шансы достучаться до разума власть имущих. И все же он делает эту почти безнадежную попытку: а вдруг хоть что-то прочистится в мозгах правящих. И, во всяком случае, он сделал все, что мог, для цивилизованного (не кровавого) разрешения социальных противоречий. Он предупредил. Не внемлете – получите революционное потрясение, когда всем мало не покажется.

Короче: Чернышевский не зовет ни к «топорам», ни к революции. Но вся политика правящего слоя такова, что она (эта политика!) подготавливает революционный взрыв. И в случае, если это все-таки произойдет, то задача партии прогресса, «партии Чернышевских», *партии русской интеллигенции* будет не в том, чтобы проклинать начавшуюся против ее воли революцию, а попытаться ввести ее в более или менее цивилизованное русло. Именно этого требуют *интересы общественного развития*.

И – Завещание Герцена.

Оно, как и у Чернышевского, – в письмах-статьях. Только не к верховному правителю России, а – «К старому товарищу». То есть – к Михаилу Бакунину, с которым они вместе, с молодых лет, шли, связанные единой страстью революционного преобразования России. И вот в конце жизни Герцен итожит их опыт деятельности, прокладывая широкий водораздел между собой и своим старым другом и предлагая читателю выбирать, по какую сторону водораздела готов он встать.

Его расхождение с Бакуниным совсем не по линии «социализм – несоциализм». Нет, пишет Герцен, «нас занимает *один и тот же* вопрос». И «конечное разрешение» его (т. е. достижение рубежа социалистических идеалов) «у нас обоих *одно*». «Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений» в главном; «дело между нами вовсе не в разных началах и теориях, а в разных методах и практиках, в оценке сил, средств, времени, в оценке исторического материала»⁷.

И в чем же суть отмеченных Герценом разногласий? «Ты, – обращается он к Бакунину, – рвешься вперед по-прежнему со страстью разрушенья... Я не верю в прежние революционные пути...»⁸. Ну вот, делает быстрый вывод простодушный читатель, Бакунин верит в революционные средства борьбы, Герцен – нет. Но читайте в текст Герцена повнимательней. Он не верит лишь в *прежние* революционные пути. Вы понимаете – в «прежние»? У него складываются новые, отличные от *прежних*, представления о революционно-преобразовательной деятельности. В *этом* суть дела.

И каково же содержание этой новизны? В основе прежних революционных представлений лежит идея *классового радикального насилия*, ломающего старый социальный мир и созидającego новый мир социального равенства. И такой революционный радикализм в общем-то понятен. «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима». Эта-то «невыносимость» и порождает страстное желание ускорить исторический процесс, «и многие из нас... торопятся и торопят других»⁹. Но опыт этих страстных порывов (в которых Герцен принимал ту или другую степень участия) вынудил его уточнить ряд своих теоретических постулатов.

Он пишет, к примеру, о «тяжелых испытаниях» революционных событий 1848 г., об этом «примере кровавого восстания, в минуту отчаяния и гнева сошедшего на площадь». И какие из него извлекаются уроки? С одной стороны, хотя восставшие были смелы и самоотверженны, но оказалось, что у них, по сути, «нет знамени». И «что было бы, – задается вопросом Герцен, – если б победа стала на сторону баррикад?» Поскольку у восставших не было «ни одной построющей, органической мысли», то их «экономические промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти». Иначе говоря, подытоживает он, «насилием» – без ясных программ преобразований, без опоры на массовые социальные силы – новый, лучший мир не создать. «Подорванный порохом весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчищаются развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный мир*», мир новых форм насилия¹⁰.

В общем «хотели взять грудь, усердием, отвагой и шли зря, на авось». А «на авось», без ясно продуманных программ преобразований, без масс, готовых биться за эти программы, победить и построить новый, лучший мир невозможно. Более того, «сплоченный в одну дружину, мир консервативный побил его (восстание. – Г. В.) – и следствием этого было... ретроградное движение»¹¹. То есть выступление «на авось» не только не продвигает общество по пути прогресса, но даже провоцирует «ретроградное движение» – погружающее общество в более глубокую социальную трясиину.

«*Мы на авось не пойдём*»¹² – таков вступительный тезис Герцена в его новую социально-преобразовательную стратегию. Ну, а если «не на авось», то как?

Начнем с центрального тезиса. Задолго до булгаковского профессора Преображенского Герцен знал, что «разруха» – не во внешних обстоятельствах, а прежде всего в «головах человеческих». Герцен создал афоризм-шедевр, афоризм, вобравший в себя основную

идею герценовской теории: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*»¹³. Тут в свернутом, «геномном» виде – вся философия социально-преобразовательной деятельности: нацеливаясь на преобразование социального бытия, озаботьтесь подготовкой к этому человеческих голов, сознания людей. Если сознание, а точнее, политическая культура масс будет монархическая, тоталитарная, патерналистская, то какие бы вы ни вводили «демократические» институты, структуры и процедуры, патерналистские установки народа в конечном счете переинчат их, наполнят далеко не демократическим содержанием. Эту закономерность в забавной образной форме выразил один из недавно ушедших политиков: «Строим новую политическую партию: на “входе” закладываем “демократические”, толерантные принципы, а “на выходе” – опять КПСС». И он же: «Начинаем конверсию: “на входе” – заготовки кастрюль, сковородок, а “на выходе” – опять автомат Калашникова».

Хотите осуществления прогрессивных социально-политических преобразований – *трудитесь в сфере политической культуры людей, воздействуйте на человеческие головы*. Причем относитесь к людям не как к пассивному «объекту» воздействия. Постарайтесь их понять как *активных субъектов* истории – с их чаяниями, надеждами, интересами, культурными установками и политическими ориентирами. «Народное сознание, – пишет Герцен, – так, как оно выработалось, представляет *естественное*, само собой сложившееся... произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития, разных инстинктов и столкновений – его надобно принимать за *естественный* факт... – изучая его, овладевая им и направляя его же средства сообразно нашей цели»¹⁴. «Народное сознание», «политическая культура» масс – это объективная данность, это важнейший фактор социально-преобразовательной деятельности. И они не поддаются легкому и быстрому преобразованию. Конечно, хотелось бы побыстрее и поосновательнее «внести» прекрасные идеи и идеалы в головы «обиженных и угнетенных». Но что делать? «Знание и понимание не возьмешь никаким *сюр д’Etat* (государственным переворотом, силой. – Г. В.) и никаким *сюр де tête* (наскоком. – Г. В.)»¹⁵. «Излечение от предрассудков, – пишет далее Герцен, – медленно, оно имеет свои фазы и кризисы»¹⁶. Насилие тут бессильно, скоропалительность – неэффективна и опасна. Это не означает, что невозможно активно влиять на ситуацию в сфере общественного сознания, в пространстве политической культуры. Нет, «ускорять внутреннюю работу» можно и нужно. «Сомнения нет, что акушер должен ускорять, облегчать, устранять

препятствия, но в *известных* пределах – их трудно установить и страшно переступить»¹⁷. Но, во всяком случае, тут нельзя – и снова запоминающийся герценовский афоризм: тут нельзя «шагать семи-мильными сапогами из первого месяца беременности в девятый»¹⁸.

И далее слывший (и не без основания) за радикального (революционного) деятеля Герцен пишет шокирующую с нашей точки зрения фразу, и пишет ее не без некоторого вызова и даже гордости: «Я нисколько не боюсь слова “постепенность”, опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так же, как и непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разуменья. Математика передается постепенно, от чего же конечные выводы мысли и социологии могут прививаться, как оспа, или вливаться в мозг так, как вливают лошадям сразу лекарства в рот?»¹⁹. Да, Герцен отдает себе отчет, что эти мысли звучат необычно, даже кощунственно для традиционного революционного уха: «Высказать это в том кругу, в котором мы живем, требует если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, как брать во всех вопросах самую крайнюю крайность»²⁰.

И ему достало на это мужества. И добавлю: его программа не стала от этого менее революционной. Просто она не в духе *прежних* революционно-классовых установок. Она стала революционной на новый лад.

Она, повторяю, не перестала быть революционной, ибо осталась нацеленной на *коренное* (т. е. революционное) преобразование общественных отношений, но под углом зрения «интересов общественного развития *в целом*». В ней просто предложены иные способы осуществления прежней задачи. Способы, ведущие к ее действительному, а не иллюзорно-утопическому решению.

И три момента этой по-новому революционной программы особенно важны и имеют особо важное значение для *современной* социально-преобразовательной деятельности.

Первое. «Новый водворяющийся порядок, – пишет Герцен, – должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все не мешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании»²¹. Из этих слов встают очертания нового облика социализма, не сводящего все к проблеме «пропитания». Социализма, богатого духом и художественным смыслом. Способным сохранять все богатство

мировой культуры, выработанной человечеством на протяжении многих веков. Социализм Герцена не рвет связь времен, он укрепляет и развивает ее.

Второе. Герцен, как и Чернышевский, никого не успокаивает насчет возможных в будущем революционных преобразований. Он не дает гарантии, что будущее обойдется без революций. Он, как и Чернышевский, хотел бы их избежать. И так же, как Чернышевский, предупреждает: мир «капиталистов и собственников» должен пойти на уступки интересам рабочих, найти формы «сделок» и реформ, облегчающих положение рабочего сословия. «А не пойдет (на реформы) – тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона* – и тогда гибель его отсрочится только настолько, насколько у нового мира нет сил»²².

И третье. Чтобы «гибель» этого мира наемного рабства не привела к гибели общества в целом, чтобы под его обломками не была размолота мировая культура, *нужно, чтобы субъект преобразования социального мира был на уровне современной цивилизации, современной культуры.* Чтобы субъект этот был способен сохранить и преумножить производительные силы человечества. Нужна поэтому неустанная и титаническая работа передовых людей по формированию нового общественного сознания, новой политической (и общей) культуры народных масс. И тут – вещие слова-заветы о специфике наступающей предреволюционной эпохи: «Наше время – именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров предшествовала железным дорогам»²³. Иначе говоря, Герцен провозглашает начало эпохи нового Просвещения, подобной эпохе французских просветителей, сочинения которых, идеи которых предвещали Великую французскую революцию конца XVIII в.

«Просвещение», деятельность в сфере «слов» – разочарованно протянут радикально настроенные люди, читая эти призывы Герцена. Таких «радикалов», иронизирующих по поводу «просвещения», хватает во все эпохи. Немало их было и во времена Герцена. Эти «нетерпеливые люди» наседали на него. «Время слова, – цитирует их инвективы Герцен, – прошло; время дела наступило». И знаменитая герценовская отповедь: «Как будто *слово* не есть *дело*? Как будто время слова может пройти? Враги наши никогда не отделяли *слова* и *дела* и казнили за *слово* не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за *дело*»²⁴.

Запомним же, крепко запомним эти слова нашего великого предшественника. Запомним это его завещание русскому интеллигентному люду: хотите обеспечить устойчивые и эффективные

формы социального прогресса – выполняйте свое главное предназначение – быть Просветителями людей, быть Мозгом нации.

Вот это и есть задачи «новой», современной интеллигенции, социального слоя, системообразующими признаками которого являются сознательное выражение интересов общественного развития в целом и внесение соответствующих идей в народное сознание. И главная ее задача – разработка программ *постепенного смягчения отчуждения и в перспективе – его снятия*, программ очеловечивания исторического процесса, программ Гуманизма.

Примечания

- 1 *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М., 1991. С. 171.
- 2 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 4. М., 1967. С. 220.
- 3 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 10. М., 1951. С. 90.
- 4 Там же. С. 91.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 92.
- 7 *Герцен А.И.* Сочинения: В 9 т. Т. 8. М., 1958. С. 399.
- 8 Там же. С. 410.
- 9 Там же. С. 400.
- 10 Там же. С. 400–401.
- 11 Там же. С. 400.
- 12 Там же. С. 401.
- 13 Там же. С. 414.
- 14 Там же. С. 402.
- 15 Там же. С. 400.
- 16 Там же. С. 402.
- 17 Там же. С. 400.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 407.
- 20 Там же. С. 410.
- 21 Там же. С. 405.
- 22 Там же. С. 406.
- 23 Там же. С. 401.
- 24 Там же. С. 411–412.

ИСТОЧНИКИ САМОРАЗВИТИЯ И МИССИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Автор излагает в статье главную идею своей концепции – перевод современной цивилизации собственников из элитарной стадии на демократическую, обеспечивающую каждому человеку возможность самореализации. Решение этой задачи он считает главной миссией современной интеллигенции.

Ключевые слова: источник саморазвития, современная интеллигенция, цивилизация собственников, самореализация.

Современное человечество нуждается в интеллектуальном прорыве. Осмысление сути этого прорыва – главная задача интеллигенции.

Однако наука, как России, так и мира в целом, сегодня, как, впрочем, во всей своей истории, занимается поиском путей и средств совершенствования жизни в пределах действующих (наличных) систем внутри нынешней извращенной элитарностью цивилизации собственников, оперируя ее же закономерностями. Масштабную попытку возродить цивилизацию на таких началах, на мой взгляд, сделал марксизм. Он и теоретически обосновал свой подход к проблеме, подменив гегелевский тезис о внутренних противоречиях как корнях жизненности всего и вся «законом» единства и борьбы противоположностей, одной из сторон которых является класс-раб, лишенный источников саморазвития. Победа последнего способствует формированию государства, власти ради строительства нового, всесторонне развитого, благополучного общества. Но народ – раб, воодушевленный идеей свободы, может победить в «горячей» войне любого толка, гражданской или ос-

вободительной от иноземного захватчика (1812 г.). И не способен «победить» в длительной войне, будь то созидание нового общества или «холодная война» против внешнего врага. Потому как для борьбы длительной требуются постоянно пополняемые ресурсы, которыми располагают лишь классы с источниками саморазвития: таковыми являются классы собственников. Ахиллесова пята советского социализма была именно здесь.

История развития человечества свидетельствует, что и на пути извращенной элитарностью цивилизации какая-то сравнительно небольшая его часть добивается более-менее приличных, человеческих условий бытия, сумев демократизироваться, формируя средний класс собственников (ограничивая стремления крупного капитала монополизироваться). В таком положении – народы Западной Европы и Северной Америки, т. е. примерно десятая часть человечества. Остальным его девяти десятым ждать такой же ступени развития уже невтерпеж. Отсюда все убыстряющееся обострение буквально всех противоречий, преобразующихся в непримиримые противоположности. Этому способствуют и природные аномалии: катастрофического характера геолого-космические «атаки» на человечество, на Землю.

Не пришло ли время философской науке ответить на фундаментальный вопрос о том, каково изначальное, естественное состояние человека, его сообщества – социума? В конечном счете речь идет о том, вечна Жизнь человечества на Земле или нет, она дана человеку на счастье или придется-таки смириться с неизбежностью бесконечных страданий и мук, творимых им же самим, а в недалеком будущем – гибели.

Давно в ходу тезис о человеческом факторе при решении жизненных проблем. Особенно при негативных последствиях виновности конкретного человека при исполнении им своих обязанностей по халатности или злему умыслу. Имеется в виду поведение человека в связи с некими внешними факторами влияния. Но под «человеческим фактором» следует понимать роль человека как такового, определяя ее в соответствии с его творческой сущностью *субъекта развития*. Ибо кроме него, некому ни сберечь человечество, ни двигать его вперед, к прогрессу. И не только его, но и его обитель – планету Земля.

Бытие человека, поскольку из средств жизни ему, в отличие от животного мира, природой ничего в готовом виде не дано, императивно запрограммировано на то, чтобы он был его инвестором. Инвестиции человека в свое и общества бытие возможны напрямую лишь в случае наличия у него источников саморазвития. Что

это такое? Согласно диалектику Гегелю в живой природе *«все вещи противоречивы в самих себе»*; «противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью»¹. В философских трудах противоречия анализируются по-марксистски – больше с точки зрения борьбы, противопоставления сторон. Между тем Гегель, на мой взгляд, формулируя это открытие, имел в виду *не борьбу составных друг с другом внутри самого предмета, вещи, явления (за овладение вертикалью!)*, которой на деле просто нет, а то, что они, горизонтально расположенные, внутренне связанные, сопрягаясь друг с другом, оживляя друг друга, *и делают его таковым*, каков он есть, т. е. обеспечивают его Бытие, по эйнштейновской формуле о природе, во «внутреннем совершенстве». Без них его просто нет.

Ленин расшифровал эту формулу Гегеля. Не исключено, что он оказался единственным, кто в философии как науке понял суть диалектики Гегеля, характеризуя ее как «самодвижение, источник деятельности, движение жизни и духа». «Признание противоречивых тенденций, – пишет он, – во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе) есть условие познания всех процессов мира в их “самодвижении”, что при ином подходе к развитию всего и вся остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник *переносится во вне-бог, субъект etc*», тогда как при познании в них противоречивых тенденций *“главное внимание устремляется именно на познание источника “самодвижения”*»)². Применительно ко всему живому и в природной, и в социальной материи это означает ее самопроизвольное движение, созидание в бесконечном разнообразии, непосильном созидать никакому Нечто (одно это свойство материи исключает бытие бога); относительно человека выясняется, что он – *саморазвивающийся субъект* (при условиях, исключающих негативное вторжение в его потенции).

Гегелевское величайшее открытие в науке логике о внутреннем противоречии как корне всякого движения и жизненности есть Истина, которая, как известно, *одна*. Непознание, непризнание ее смертельно для любого дела (предмета, явления). Особо подчеркну: в данном случае речь идет об истине, которая всем истинам истина, так как она выражает саму сущность бытия всего сущего, а ее отрицание – его небытие. Все учения о коммунизме, к примеру, не интересующиеся проблемой источников его саморазвития, ненаучны, неистинны: истина в том, что его, жизнеспособного, реально не может быть. Здесь – коренная причина краха советского

коммунизма, а не в тактических промахах управленческого или кадрового характера, как это силятся доказывать до сих пор иные «обществоведы».

Заслуга Ленина в том, что он это открытие Гегеля распространил на познание источника развития всего, исключив из него сверхъестественно-мистического бога³, что, подозреваю, трактуется нынешней властью страны как наибольший его грех перед ней. Одним этим Ленин обессмертил свое имя, закрыв все пути спекулятивных поисков общества, в котором человек на планете Земля может быть счастлив, будучи лишенным источников саморазвития.

В общественном сознании укоренился взгляд на фундаментальную причину неизбежного народного неблагополучия как следствия божьего наказания или злой воли, корысти богатых. Последняя, конечно, имеет место. Но она вторична. Первична объективно наличествующая *дисгармония* в людском сообществе между его членами – вторая «несправедливость» природы относительно человека. Она влечет за собой как бы естественное неравенство между ними, к примеру, половое, а со временем и по имущественной состоятельности.

Человек обречен жить в мире, который «построен на лишении и в котором нет абсолютной полноты благ»⁴. В социуме неизбежно формируется *конкурентная среда обитания*. Преодолевая природную (главную) «несправедливость», во избежание хаоса в общежитии, «уделом» мира становится категория собственности – одна из первых категорий, в которых человек начал осмыслять мир.

Собственность в человеке, как субъект его жизнедеятельности, сущностна. Отделение от него собственности означает покушение на социально-человеческую природу, рискующее обесчеловечить человека.

Цивилизация собственников родилась в одинаковых (горизонтально!) для всех людей природных и социальных условиях, не помешавших, однако, образованию со временем различий между членами общества по уровню состоятельности. Эти различия по многим факторам, в числе которых главенствует корысть, привели к образованию классов. Цивилизация собственников сформировалась в *элитарной* форме – в виде цивилизации крупных собственников и власти, ими формируемой.

Это извращение цивилизации камуфлируется бесчисленным множеством дефиниций. Всячески подчеркиваются отличия народов друг от друга по фундаментальным признакам, принципам жизнедеятельности, образу жизни.

Удивляет то, что термин «цивилизация собственников» практически не используется ни в обычной разговорной практике, ни в науке. Я встретил этот термин в статье под названием «Цивилизация собственников» кандидата философских наук, доцента РГГУ В.С. Библера. Он в начале перестройки писал о необходимости «ориентации на особую цивилизацию – *цивилизацию собственников*, характерную для современного... западного мира, включая такой “Запад”, как Япония или Сингапур...». По мнению автора, эта цивилизация основана на экономике частной собственности, обеспечивающей условия для развития личности человека; он говорит о сложностях психологического характера перехода к этой форме цивилизации в нашей стране. «Горе в том, – писал он, – что наша духовность не прошла серьезной школы фундаментального картезианского сомнения – этой изначальной, в сфере культуры укорененной, клеточки буржуазной цивилизации». Владимир Соломонович писал и о трудностях, проистекающих от этой цивилизации, но пророчески предупреждал: «В антитезе этой *странной и неуютной цивилизации* – ничто, хаос, гибель»⁵. Из наличных, по автору, в настоящем времени проектов обустройства жизни лучшим является общество собственников.

Дело в том, что, как уже было сказано, человек обречен жить в мире лишений. Это обстоятельство всеобщее – оно одинаково негативно относительно всех людей. Стремление каждого человека *быть* «здесь и сейчас» и развиваться (*быть* в будущем) во взаимодействии с реалиями сопряжено с его возможностями (невозможностями), которые предельно индивидуальны. Люди – все разные: по полу, возрасту, состоянию здоровья, физической и психической мощи, интеллекту и т. п. Обреченные жить в условиях лишений, рождающих конкурентную среду (рынок), в свою очередь, рождающую частную собственность, в силу помянутых выше личностных особенностей, люди обретают средства жизни соответственно своим возможностям: кто-то – лишь на выживание, а кто-то и на развитие, как самого себя, так и общества. Социальные противоречия между людьми как бы запрограммированы.

Эту мысль, полностью соответствующую и сегодняшним реалиям, я выделяю особо. И не потому, чтобы смириться с неизбежностью нищенства некоторых категорий людей, а, наоборот, чтобы преодолеть это объективное обстоятельство субъективного свойства мерами разумного общества, признающего безнравственным лишение источников саморазвития кого бы то ни было, в частности по уровням физического или интеллектуального свойства. Поставив во главу угла *не классовую борьбу, неизбежно доходящую до ре-*

волюций против богатых, в результате которых большинство общества становится еще беднее, а кучка людей безмерно шикует, «сидя на штыках», и все вместе оказываются на социальной «пороховой бочке». В итоге бесконечные войны всех ипостасей: гражданские, межнациональные, межгосударственные, перерастающие в мировые боины народов. Поставив во главу угла *нечто иное, постоянно обеспечивающее благополучие всем людям*.

Итак, повторю: внешний источник *саморазвития* (для большинства людей правильнее сказать – *выживания*) добывается человеком в конкурентной борьбе в людском сообществе, интеллектуально и физически беспредельно дисгармоничном. По этой причине в сообществе людей каждый может добыть (произвести) средства выживания в меру своих возможностей.

Природа и История наделили человека, в роли изначального (первого) источника его саморазвития, интеллектом (я его называю «внутренним источником»), и собственностью (называемой мною «внешним источником»). Инвестиции возможны в двух формах: первая, полученная в наследство от предков, т. е. самим собой, своим здоровьем; вторая – вещной собственностью (капиталом). Сегодня абсолютное большинство трудоспособного человечества, лишенное вещного источника саморазвития (собственности как капитала), вынуждено ограничиваться лишь первой формой инвестирования.

Человечество нуждается в интеллектуальном прорыве. Я, вслед за Альбертом Камю, предлагаю один из его вариантов. Исхожу из того, что человечество с начала своего общественного бытия формировало цивилизацию как сообщество людей, пользовавшихся всеми благами природы на равных началах. Однако впоследствии по причинам как объективного, так и субъективного свойства цивилизация оформилась как элитарная цивилизация собственников. *В ней произошли отход от естественной диалектики Жизни, ее рождающих в социуме внутренних противоречий, и замена их искусственно рождаемой «борьбой противоположностей» во всей жизнедеятельности, объективным следствием которой является поражение (погибель) одной из сторон. Заглавная идея моей концепции – возвращение человечества на исходные позиции, но на более развитые. Идея перевода цивилизации собственников из элитарной стадии в демократическую, с людьми самодостаточными, с источниками саморазвития, обеспечивающими каждому человеку возможность самореализации как человеческому, в полном смысле этого понятия, человеку.*

В осмыслении и решении этих задач и состоит, на мой взгляд, главная миссия современной интеллигенции.

- ¹ Гегель Г. Соч. Т. 5. М., 1937. С. 520 (курсив мой. – А. Б.).
- ² Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969. С. 317 (курсив мой. – А. Б.). Годом раньше, в 1914 г., Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, писал: «...характеристика диалектики: самодвижение, источник деятельности, движение жизни и духа» (Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Там же. С. 210).
- ³ Выдающийся казахский поэт и мудрец Абай Кунанбаев (1845–1904), будучи правоверным мусульманином, горестно рассуждая о неустройстве мира, в сердцах заметил: «Значит, религия возникла там, где когда-то остановился разум! И, значит, слепое повиновение ни к чему не приведет, пока мы не доведем иман (веру. – А. Б.) хотя бы до подобия совершенства, но сейчас до этого немислимо далеко, и остается верить в то, что ты, Аллах, создал плохое и хорошее, но не ты заставляешь людей совершать добро или зло; ты, Аллах, создал болезни, но не ты заставляешь людей мучиться или, ты, Аллах, создал роскошь и нищету, но не ты превращаешь людей в богачей и бедняков. Иначе невозможно тебя понять» (Абай. Слова назидания. Алматы. 2005. С. 62).
- ⁴ Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности: XVIII–XX. СПб., 1993. С. 367.
- ⁵ Библер В.С. Цивилизация собственников // Социум. 1991. № 8. С. 61–67 (курсив мой. – А. Б.). Выделенная мной мысль автора, не исключено, послужила одной из причин неприятия человечеством не только названия цивилизации, в которой оно пребывает, но и неосознанного желания изменить ее, отсюда попытки назвать ее по-другому.

А.И. Репинецкий

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В статье рассмотрены проблемы современного школьного исторического образования, связанные с формированием единого образовательного пространства в условиях глобализации.

Ключевые слова: всеобщая и отечественная история, единый государственный экзамен, интегрированные образовательные программы.

История – главное богатство любого народа, национальное достояние страны, фундамент, на котором строится будущее государства. Именно эта наука формирует нравственное состояние общества. Познание истории начинается в школе. И начинается оно со знакомства с учителем истории и учебником истории. Современное общество предоставляет школьнику огромный выбор источников познания, в том числе и исторического знания. Для подростков таким источником стали прежде всего глобальные поисковые сети. Но и наличие Интернета не умаляет роли школы и школьного учебника по истории. В то же время глобализация образовательных процессов требует новых подходов к школьному историческому образованию.

Проблема исторического образования волнует европейское сообщество. В 2007 г. предметом обсуждения Совета Европы стали учебники истории. В европейских странах действуют разные учебники, носящие общее название «История Европы». Совет Европы отметил, что в подавляющем большинстве они не удовлетворяют представлениям о современном интегрированном учебнике. Главным недостатком существующих учебников, отметила комиссия Совета Европы, является то, что они не представляют историю

Европы в целом, а по-прежнему являются изложением истории отдельных европейских империй или отдельных европейских стран. Многие из них не соответствуют принципам единого европейского пространства. В связи с этим Совет Европы определил критерии, которым должны соответствовать современные учебники:

- уважать историческую правду;
- поддерживать демократические преобразования;
- защищать права человека, терпимость, понимание и многовариативность;
- развивать критическое мышление и возможность отличать отклонение, предвзятость и стереотипы;
- поощрять такие отношения, как открытость, принятие многообразия, сочувствия, гражданское мужество¹.

Современная Россия прочно вошла в мировое сообщество. Одним из показателей этого процесса является вступление страны в Болонский процесс. Глобализация образовательного пространства повысила требования к знаниям всеобщей истории у выпускников российских школ. Молодые люди должны знать историю зарубежных стран, закономерности и особенности исторического развития государств западной и восточной цивилизаций.

Необходимо помнить, что изучение всеобщей истории в высшей школе, за исключением специализированных факультетов, не предусмотрено, и это накладывает на школу особую ответственность за знание всеобщей истории. Современное изучение истории построено на концентрическом принципе. Таким образом, за два года старшеклассник должен изучить всеобщую историю от древности до современности.

Отвечая требованиям создания единого образовательного пространства, российскими историками и методистами были разработаны интегрированные программы изучения истории России и мировых цивилизаций. Программы, которые используются в настоящее время в школах, содержат шесть главных блоков:

- теоретико-методологические основы исторического процесса, особенности научного познания истории;
- обобщенная характеристика исторической эпохи, ее периодизация и основные особенности;
- важнейшие процессы, явления, структуры и события всемирной истории;
- процессы, явления, структуры и события отечественной истории и их взаимосвязи со всемирно-историческим контекстом и с учетом их своеобразия;

- историческое наследие эпохи, ее значение для современного этапа развития человечества;
- человек в контексте эпохи (основы исторической антропологии).

В данном случае интегрирование учебного материала по отечественной и всеобщей истории достигается не за счет «лобового» сопоставления исторических процессов и явлений, а путем создания у учащихся полноценных знаний и представлений об основных этапах развития человечества в целом и нашей страны в частности, о многообразии форм экономической, социальной, политической, духовной, культурной жизни общества, о единстве всемирной истории. Содержание программ отвечает цели интегрированного изучения истории и позволит учащимся четко представить закономерности исторического развития и место России в мире.

К сожалению, практика преподавания истории в современной российской школе свидетельствует, что выпускники не обладают знаниями по всеобщей истории. Главное – не имеют возможности обладать ими, поскольку часто уроки по всеобщей истории заменяются уроками по отечественной истории. Как бы это ни показалось странным, но такая ситуация связана с появлением единого государственного экзамена (ЕГЭ) по отечественной истории. Упор на изучение этого предмета и делается в школе.

В современной системе школьного образования от результатов сдачи ЕГЭ зависит не только поступление выпускника школы в вуз, но и положение учителя. Результаты сдачи ЕГЭ влияют на квалификацию (разряд) учителей, его репутацию в школьном коллективе, а следовательно, и заработную плату. Подготовка учащихся к ЕГЭ требует не только значительных умственных усилий как учащегося, так и учителя, но и времени. В условиях дефицита не только учебного времени, но и свободного времени старшеклассников вообще время для подготовки к ЕГЭ по отечественной истории восполняется часами, отведенными программой на изучение всеобщей истории. Об этом свидетельствуют первокурсники, поступившие на исторический факультет Поволжской государственной социально-гуманитарной академии в последние несколько лет. Из бесед с ними (а это молодые люди, ориентированные на изучение истории) вырисовывается печальная картина, свидетельствующая, что всеобщая история изучается в старших классах или обзорно в больших объемах, что не способствует ее усвоению, или отдается на самостоятельное изучение. При этом проверка знаний учащихся или отсутствует, или проводится формально. Результатом подобного состояния дел стала ситуация, когда выпускники школы окан-

чивают ее с очень слабыми знаниями по всеобщей истории, а часто вообще без оных.

В современной системе образования преподаванию всеобщей истории отведена второстепенная роль, что выразилось в уменьшении часов на ее изучение. Не нуждается в доказательстве положение, что пренебрежительное отношение к всемирной истории противоречит процессу глобализации и вступлению страны в Болонскую систему образования. Во многом это объясняется тем, что школа стала местом, где ученики получают образовательные услуги, не образование, не воспитание, а именно образовательные услуги. В соответствии с этим изменилась и миссия современной школы: она должна воспитывать не образованных граждан своего Отечества, а успешных потребителей.

Только в последние годы руководители нашего образования поняли роль воспитания в системе образования в целом и в преподавании истории в частности. Новый федеральный Государственный стандарт отмечает, что одной из задач и функций исторического образования стала задача воспитания посредством исторических знаний.

История является одним из важнейших компонентов школьного образования. Историческое образование призвано не только дать учащимся представление об историческом развитии человечества, но вооружить его знанием фактов, чем способствовать интеллектуальному развитию молодежи. Не менее важной функцией изучения истории является ее воспитывающее значение. Суверенитет и патриотизм граждан страны являются неразрывными составными частями государства. Воспитывать патриотизм призваны все школьные предметы, но особая роль ложится на предметы гуманитарного цикла, а среди них совершенно исключительную роль занимает история (вряд ли это надо доказывать).

В современном обществе история выполняет еще одну функцию – она является той цементирующей основой, которая связывает современное российское общество.

Можно возразить, что изучение истории многими молодыми людьми продолжается и в высших учебных заведениях. Действительно, история России входит в перечень предметов федерального компонента, являясь предметом, обязательным для изучения. Но на ее усвоение в лучшем случае отводится три образовательные единицы, т. е. 108 часов, которые распределяются следующим образом: 36 часов на экзамен, столько же на самостоятельную работу и только 36 часов на аудиторные занятия. Естественно, вузовская программа предполагает изучение истории на более высоком по-

знавательном уровне и включает такие вопросы, как методология истории, характеристика основных источников по изучению отечественной истории, знание основных историографических трудов, понимание альтернатив исторического развития и вновь изучение в полном объеме отечественной истории. Выделенное количество часов является насмешкой над историческим образованием, так как освоить программу за это время невозможно.

Успешное изучение отечественной истории в вузе возможно только на основе глубокого усвоения школьного курса отечественной истории. Это позволит вузовскому преподавателю истории сосредоточиться на изучении проблем, не включенных в школьный учебный процесс изучения истории, а также важнейших основополагающих факторов развития исторического процесса, формирующих мировоззрение и воспитывающих чувство патриотизма.

Реформирование высшего образования на современном этапе ведет к снижению количества вузов, а следовательно, и численности студентов. Это приведет к увеличению численности молодежи, для которых изучение истории закончится вместе с окончанием школы. И это возлагает еще большую ответственность на школьное историческое образование.

Зададимся вторым вопросом – выполняет ли современная школа функцию скрепления нации на основе знания истории Отечества? И снова приходится констатировать, что эту функцию современное школьное историческое образование не выполняет. Попробуем разобраться почему.

Казалось бы, ответ лежит на поверхности и связан с недостаточным количеством часов, отводимых на изучение истории. В последние годы совершенно четко просматривается линия на уменьшение количества часов, отводимых на изучение гуманитарных предметов вообще и истории в частности (хотя подобные жалобы можно услышать практически от всех преподавателей-предметников). И ныне действующий федеральный Государственный стандарт, и проект его следующего поколения отводит на изучение истории в старших классах средней школы от 68 часов² до 70 часов³. Много это или мало?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что изучение истории проходит на уровне двух концернов основной и средней школы. Второй концерт предполагает изучение истории России, начиная от истории первобытности до настоящего времени. Отведенное количество часов не позволяет организовать процесс обучения и воспитания на материале истории должным образом. Так, на изучение темы «Великая Отечественная война» отводится

5 часов, и те же 5 часов – на изучение темы «Вторая мировая война». Это приводит к тому, что величайшее событие нашей истории превращается в рядовой исторический факт. Об этом свидетельствуют материалы многочисленных социологических опросов. Все они дают примерно одну и ту же картину.

Сошлемся на один из них, проведенный среди студентов Самарского аэрокосмического университета. Вуз по своему статусу является научно-исследовательским, он сохранил высокий престиж в регионе, что дает возможность отбирать лучших абитуриентов. Опрос проводился в дни празднования 65-летия Великой Победы. Он показал, что чем моложе респондент, тем хуже он осведомлен о событиях Великой Отечественной войны. Даже точную дату начала войны назвали лишь две трети опрошенных.

Но самое удручающее впечатление произвел ответ на вопрос «Откуда вы черпаете информацию о Великой Отечественной войне?». 42% ответили – из средств массовой информации, 6% – из рассказов родственников и родителей, 3% – из школьных уроков истории⁴.

В условиях глобализации образовательного процесса выявилась еще одна тенденция школьного исторического образования. Выпускники школы не видят в отечественной истории ничего светлого и радостного. Опросы, проведенные на первых курсах преподавателями кафедры отечественной истории и археологии Поволжской социально-гуманитарной академии, показали, что вчерашние школьники не могут назвать период, когда развитие государства и состояние населения можно назвать благоприятным. В лучшем случае называют два периода – послесталинскую «оттепель» и годы, предшествующие Первой мировой войне. Во многом эта ситуация является отголоском периода гласности, когда в изучении истории преобладали разоблачительные тенденции, а главным направлением стало изучение «белых пятен».

Вместе с тем сложившаяся ситуация во многом связана и с современным состоянием ее изучения. Проверочные материалы ЕГЭ в основном обращают внимание на войны, революции и другие катаклизмы и социальные потрясения, т. е. периоды, когда и государство и население переживали трудности. Так, в демонстрационном варианте КИМ ЕГЭ 2013 г. по истории в части «А» и «Б» таких вопросов более половины⁵. В результате у учащихся складывается искаженное впечатление о прошлом нашей страны.

Негативное восприятие российской истории оказывает двойственное влияние на молодежь страны. С одной стороны, негативное восприятие собственной истории формирует искаженный

облик мирового исторического развития в целом, с другой – отрицательным образом влияет на самоидентификацию молодежи. В условиях глобализации подобная тенденция может отрицательным образом повлиять на восприятие собственной страны и ее роли и месте в мировом пространстве.

В последнее время в обществе определенную тревогу вызывает процесс радикализации части российской молодежи. Появление молодых людей, отвергающих эволюционный путь развития и являющихся сторонниками революционных действий, также в определенной степени есть проявление незнания истории. Если бы учитель имел возможность подробно показать ученикам последствия социальных катаклизмов (Великой французской, английской, Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, гражданской войны в России), возможно, сторонников революционного пути развития уменьшилось бы.

Таким образом, задачи изучения отечественной и всеобщей истории в условиях глобализации образовательного процесса требуют увеличения времени на изучение школьного курса истории, усиления воспитательного аспекта истории, создания условий, при которых изучение всеобщей и отечественной истории будет необходимым компонентом школьного образования.

Примечания

- ¹ *Анин О.* На рынке школьных учебников // Преподавание истории в школе. 2007. № 5.
- ² Программа и тематическое планирование для общеобразовательных учреждений: Всеобщая история. История России: 10–11-е классы / Авт.-сост. Л.Н. Алексушина. М.: Мнемозина, 2009.
- ³ История: Программа для 10–11-х классов (базовый уровень) / Под ред. А.В. Чудинова, А.В. Гладышева. М.: Академия, 2008.
- ⁴ *Соснина Т.М.* Курс отечественной истории в техническом вузе: размышления и предложения // Историческое образование в современной России: перспективы развития. М.: РГСУ, 2001. С. 174.
- ⁵ Демонстрационный вариант КИМ ЕГЭ 2013 г. по истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2013. № 3. С. 47–58.

Внутренние и внешние аспекты регионального развития

М.Р. Деметрадзе

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В США КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

В работе анализируется практическое значение некоторых важнейших социологических теорий, созданных в США во второй половине XX в. Автору важно раскрыть не столько содержание самих научных теорий, сколько их роль в социокультурных процессах. Охват различных сфер жизни общества, экспертиза политических институтов, в том числе институтов власти, разработка различных моделей развития будущего, обеспечение точного совпадения прогнозируемых этапов с реальностью, внедрение социальных традиций и стандартов жизни.

Ключевые слова: американская социология, специальная социологическая теория, социокультурные традиции, социокультурная методология, институционализация государственного управления, экспертиза социальных процессов.

Вместе с ростом технического прогресса в развитых странах и распространением научных достижений в 60-е гг. XX в. во всем мире резко возросла угроза безопасности из-за соперничества США и СССР, поставившего человечество на грань ядерной войны. Карибский кризис, война во Вьетнаме, арабо-израильский конфликт, Пражская весна показали несостоятельность идей единой концепции «общества всеобщего благоденствия», провозглашенной в теориях периода индустриализации. Начался их критический анализ и пересмотр, в том числе и структурного функционализма Парсонса, основывавшегося на том, что все действия

могут быть строго конструированы, наблюдаемы и упорядочены. Необходимым условием такого пересмотра стала следующая идея: к счастью или несчастью, в социальных процессах могут возникнуть и возникают неожиданные факторы, которые не могут быть заранее запрограммированы.

Эти предпосылки послужили основой для смещения исследовательских акцентов в сторону герменевтики – понимания, разъяснения, истолкования происходящих процессов под лозунгом *«вернуть человека в социологию»*. В американской социологии во главу угла было положено не только изучение условий достижения равновесия, но и изучение проблем столкновения культур, последствий социальных изменений, приводящих к конфликту ценностей в современном мире, состоящем из разнообразных культур и субъектов действия. Культуры, отличные от западной, перестали рассматриваться как девиантные или аномальные (нарушающие равновесие), что способствовало утверждению принципов социального управления и социальной организации, основанных на сочетании индивидуальных форм рационального управления с учетом их многообразия. Это стало отправной точкой для *критической социологии*, опирающейся на принцип трихотомии *методология–теория–метод* и исключающей применение философского объяснения ситуации (Р. Мертон). Практика научного наблюдения общественно значимых проблем, внедрение механизмов их обнаружения как в «центре», так и на «периферии» сложных динамических процессов, всесторонний научный контроль и научно обоснованная оценка ситуации образовали мощную научную сеть *информационной, прогностической, аналитической, диагностической инфраструктуры*, охватывающей все стороны жизни американского общества и функционирования государственных институтов. Это не могло не привести к еще большему усилению принципов институционализации государственного управления и разработке нескольких альтернативных вариантов или *моделей* его развития, что не имело аналогов ни в одной стране мира. Столь значительные достижения стали возможны благодаря авторитету науки, деятельности фабрик мысли – развитой научно-экспертной практике и выдвижению научных теорий, способствующих внедрению новых социально значимых *традиций и обычаев* в контексте *социального действия и социального взаимодействия*.

Дальнейшее совершенствование *результативности научной практики* предпринято в *теории среднего значения* Р. Мертона¹, обосновавшего необходимость разработки теорий, которые займут *промежуточное положение* между сложными и простыми

теориями, причем без применения философских подходов из-за их абстрактности.

Поворотным моментом стал переход от общей теории к конкретно-предметным при изучении частных объектов и процессов, требующих комбинированных решений. Такое соединение научных теорий и научно-исследовательской техники получило название *малых теорий* или *специальных социологических теорий* (ССТ). На основе более широких социологических теорий и соответствующих социотехник они объясняют специфические (конкретные) действия, процессы, проблемы. Все это предъявило новые требования к содержанию исследовательских процедур и технологий.

Результатом развития этого направления стали: 1) концепция локальных форм исследования, раскрывающая причины возникновения проблем; 2) соблюдение принципов научного подхода в эмпирических исследованиях наряду с отказом социологической теории от претензии на всеобщность; 3) подбор ключевых социологических категорий для объяснения ситуации, формулировки гипотезы, получения выводов и выработки научно обоснованных рекомендаций; 4) подбор научных инструментов в соответствующих сферах – политологии, экономике, праве и т. д. Важнейшим следствием такого подхода стало образование отраслевых форм исследования – социологическая «прививка» различным наукам, применявшаяся в зависимости от содержания и «принадлежности» исследуемой проблемы и объектов конкретной отрасли науки. Такая «прививка» обусловила особое место социологии в системе социально-гуманитарных наук и ее связь с другими дисциплинами. Действительно, кризис классической социологии показал: социология не может быть «супернаукой», имеющей высшую силу, она выступает наравне с другими. Основная цель социологии и ее методов – наполнять социальным содержанием социокультурные процессы, институты, поступки индивидов, различные научные дисциплины. В этом ее миссия и суть ее связей с жизнью общества и научными предметами и теориями.

Возвращаясь к роли новейшей американской социологии в жизни общества, можно сказать, что в ее рамках конкретные социальные процессы стали рассматриваться отдельными или специальными социологическими теориями на основе общих социологических теорий, но с выделением проблематики объекта, изучаемой политологией, культурологией, правом и т. д. Во многом это привело к тому, что, например, стратификация и мобильность, рассматривающиеся на основе оценки реального положения дел, конкретных фактов (рангов, престижа, доходов

и т. д.), как показала практика, оказались недостаточными инструментами познания. Развитие общества и социального поведения индивидов, явление социального «лифта» вызвали необходимость изучения факторов мотивации и социальной мобилизации индивидов. Отсюда появление новых теорий личности, в рамках которых, например, факторы самоактуализации и самоорганизации не могут рассматриваться средствами одной только так называемой чистой социологии, без культурно-антропологических и даже современных психоаналитических подходов. В этом смысле «изгнание из социологии психологии», имевшее место в начале XX в., их разделение, а затем соединение создали и до сих пор создают теоретические проблемы, зато неоспоримым позитивным фактом становится поворот к антропологии с ее актуальными качественными методами, развитие которых привело к возникновению новой социальной, политической, правовой, культурной антропологии. Более того, многие современные общепринятые социологические и культурно-антропологические теории включают герменевтические подходы, семантику, семиотику, что свидетельствует о расширении границ самой социологии и законности ее связи с другими социально значимыми теориями. Отсюда закономерным представляется появление политической социологии, социологии образования, социологии медицины, социологии экономики и т. д. Так возникли специальные социологические теории (их насчитывается более ста), имеющие более высокую практическую значимость, чем общетеоретические разработки. Таким образом, социология среднего уровня – это совокупность специальных социологических теорий исследования и экспертизы различных конкретных социальных объектов и процессов.

В 70-е гг. XX в. современные социальные технологии активно включаются в систему управления государством в США, их важнейшая задача: внедрение *инноваций* для формирования социальных систем, социальной защиты населения, поддержания порядка, кадрового обеспечения, адаптации к новым условиям. Используемые при этом технологии социальной инженерии делятся на две категории: 1) *технологии подготовки управленческих решений*; 2) *технологии вмешательства*, в том числе и для изменения ситуации или деятельности диагностируемого объекта.

Накопленный опыт позволил сформировать новые направления исследований в этой области и полностью преобразовать предшествующие: 1) *социоинженерные исследования* – анализ и диагностика; 2) *социоинженерное конструирование* – проектирование, программирование; 3) *социоинженерное обеспечение соци-*

альных систем – консультирование, экспериментирование, прямое участие. Не будет лишним упомянуть и то, что в связи с бурным ростом социальных технологий появились и новые специальности, такие как *социальный диагност, социальный проектировщик и аналитик, конструкторы* в административно-управленческой деятельности – все эти эксперты остро требуются и для социальных преобразований на постсоветском пространстве.

Социология качественного стиля также заслуживает особого внимания в контексте практического применения науки, поскольку является направлением новейшей американской социологии, опирающимся на актуальные конкретно-социологические теории, а не применяющим общетеоретические подходы к действительности. В 60-е гг. наблюдается всплеск интереса к раскрытию содержания ситуации в культурологическом контексте с применением герменевтических концепций и символического интеракционизма (Г. Гарфинкель, А. Гоулднер, П. Сорокин, Э. Тириакаян, А. Этциони и др.). Современные концепции символического интеракционизма развивались на основе переработки идей Дж. Мида. Исследователи Г. Блумер, И. Гофман, М. Кун, Д. Льюис, Р. Смит, П. Строс и другие рассматривали коммуникацию как кристаллизацию процессов повседневного межличностного общения. Поскольку содержание социального пространства возникает как результат этих процессов и коммуникации с внешним миром, в нем содержится также смысл коммуникации, образующий *мир культуры*. Этот смысл овеществляется в самом процессе коммуникации и ее формах, в языке, средствах связи, он определяет образование новых коммуникаций. Коммуникации или, шире, действия людей стали рассматриваться как процесс смыслообразования, соответственно, во главу угла исследовательской процедуры было поставлено *объяснение как понимание*². Поскольку процесс коммуникации наполнял социальное пространство значимыми символами, объектами исследования также стали способ их образования, причины возникновения связи между ними, их истолкование и т. д.

Человеческое общение, по Блумеру, есть многосторонний процесс общения людей для решения общесоциальных проблем. В связи с этим Блумер считает социологию *человековедческой наукой*, где главным объектом является человек и его общение – человек коммуницирующий, а предметом – интерпретация реальности, надделение ее смыслом, что не может не влиять на общество, в частности в форме определения направления его трансформации в социальном понимании и возникновении социально значимых традиций.

Об исключительном многообразии подходов к современным сложным динамичным условиям говорит и весьма оригинальный подход И. Гофмана, известный как *драматургический*³. Сопоставив элементы сценического действия и социального взаимодействия, исследователь рассматривает поведение в терминах «актер», «маска», «сценарий», «аудитория», «представление» и т. д. Драматургический подход опирается на понимание взаимодействия как игры и в целом находится под влиянием социально-психологических и структурно-функциональных теоретических подходов. Социальный мир для Гофмана – это драма, основанная на «сценарии», и задача драматургической социологии состоит в поиске путей подчинения, включения индивидов в «сценарий», требуемый социальной системой. Каждое «Я» вместе с другими играет в разных социальных мизансценах, сама «сцена» имеет «фронтальную» и «тыльную» части, определяющие выбор маски, характер взаимодействия и т. д. Публика – центральная зона взаимодействия – определяет успех постановки, одобряет либо не одобряет представление. В процессе взаимодействия «Я» приспосабливается для получения наибольших выгод, выбирая соответствующую маску и роль. Кто не владеет такими способностями, тому не стоит рассчитывать на определенность положения в обществе, тем более на успех. Такая теория во многом помогает раскрыть суть современных политтехнологий, умело используемых современными политиками в целях манипуляции обществом традиционного типа, прежде всего в России.

С точки зрения особенностей формирования новых социокультурных традиций современного общества и построения социокультурной теории как совокупности методов исследования социокультурного пространства научными методами интерес вызывает предложенный А. Гоулднером метод новой научной практики под названием *рефлексивная социология*⁴. Он выделил условия, при которых может происходить институционализация академической социологии. Такие условия создаются:

- 1) там, где индустриализация по меньшей мере достигла «подъема» и стала довлеющей;
- 2) там, где вследствие этого социологи-теоретики и другие ученые могут относительно легко определять и концептуально осознавать проблемы своего общества как неэкономические или чисто «социальные»;
- 3) там, где вследствие этого угроза «реставрации» уничтожена. Таким образом, члены общества теперь открыто признают главные институты и национальные элиты, которые управляют и руководят процессом индустриализации, и т. д.⁵

Логическим продолжением поиска совершенствования социологии для еще большего приближения науки к интересам индивидов в современных условиях можно считать *феноменолого-герменевтическую социологию* А. Шюца⁶, также являющуюся частью ССТ. *Жизненный мир* (феноменальный), обыденная реальность индивида, его стремления и желания стали непосредственным фактом изучения в данном направлении социологии, объясняющей закономерности жизненного мира как *феноменального*.

Такой подход требовал новых методологических технологий, и Шюц на основе феноменологической философии Э. Гуссерля⁷ обосновал «понимающую социологию» как средство решения социальных проблем общества. Основой социального мира является intersubjectность – *«со-творимость»*. Социологические методы при этом должны уметь наблюдать, фиксировать обыденные формы человеческого взаимодействия и анализировать жизненный мир, опираясь на феноменологические решения фундаментальных проблем теории социологического познания. Шюц внедрил в обиход науки требование *научной установки* как позиции, с которой социолог наблюдает жизненный мир. Теоретическая деятельность ученого сосредоточена на тематизированном «закрытом мире» – мире специалиста, недоступном непосредственному (прямому) пониманию. Решая разные задачи, социолог покидает жизненный мир «здесь и сейчас» и рассматривает свою позицию как безразличную относительно целей собственной научной деятельности. Тем самым исследователь вступает в новый мир (тематизированный) – мир науки, который организуется вокруг него в ракурсе научного знания, и только последнее социолог «принимает на веру» в данной ситуации. В этом контексте и с таких позиций происходит объективизация фактов жизненного мира в научную область и их интерпретация.

На основе *понимающей социологии* возникло новое направление в социологии – *социология повседневности* или *социология обыденной жизни*.

Феноменологические идеи нашли отражение в *этнометодологии* (Гарфинкель) и социологии искусства. Создаваемые здесь ССТ использовали *герменевтико-рецептивный* подход, позволяющий вскрывать механизмы взаимодействия между искусством и аудиторией, воздействия художественного произведения на общество (Г.Г. Гадамер⁸, В. Изер, Х.Р. Яусс и др.). В триаде *художник* (художественный замысел) – *произведение* (создание художественного произведения) – *аудитория* (восприятие) определяются функции коммуникации и ее содержание.

Общим для *критической социологии* был анализ неустойчивых состояний общества, пристально рассматривались расхождения между академической социологической теорией и социальной реальностью индустриального общества. Был подвергнут критике и «социальный эксперимент», поскольку нелинейные следствия конструирования социально-политической реальности, основанного только на потребностях технического и экономического прогресса, могут иметь разрушительный характер для всего мира (например, вызвать экономическую или экологическую катастрофу, голод, гонку вооружения и т. д.). В целом индустриализм оценивался как одностороннее движение вперед, не учитывающее возможности нейтральных последствий.

Вместе с тем отправными для *критической социологии* были проблемы, сопутствующие бедности, загрязнению окружающей среды, разрушению социокультурных ценностей, неконтролируемой урбанизации, безработице, инфляции, экономическому кризису и т. п. На такой содержательной основе формируются теории критической социологии – «*социальных изменений*» и «*социального конфликта*», корректирующие системный взгляд на индустриализацию и модификацию общества.

Концепция социальных изменений, пришедшая на смену структурно-функциональным идеям, иначе рассматривает принципы стабильности и *статус-кво* (Г. Беккер⁹, У. Мур¹⁰, Н. Смелзер¹¹ и др.). Так, по У. Муру, социальные изменения выступают в качестве социальной перестройки общества. В контексте социокультурной методологии концепция социальных изменений служит научным объяснением перехода от традиционализма к современности, к качественным социальным изменениям, допускающим возможность и требующим изменения человека, в том числе путем изменения традиционных социокультурных ценностей, носителем которых является традиционный человек.

В основу новых теорий социальных изменений легли следующие методологические вопросы: несут ли изменения целеориентированный или спонтанный характер (т. е. какова их природа)? каковы условия для изменения (базис и ресурсы)? что надо изменить, как и какими средствами? насколько управленческие механизмы соответствуют изменениям и справляются ли они со спонтанными процессами?

Теория активного общества (А. Этциони) также представляет интерес с точки зрения социокультурной теории, так как разрабатываемые здесь методы управляемого развития, основанные на эффективном руководстве социальными процессами, могут

способствовать рационализации средствами науки переходных процессов на постсоветском пространстве. Этциони разделил системы на активные и пассивные. Пассивные, по его мнению, лишь реагируют на изменения в среде и приспосабливаются к ней, тогда как активные – способны целенаправленно изменять, улучшать свою структуру и ускорять перемены в собственных интересах.

Структурная социология (Э. Тириакия¹²) развила идею *социальных изменений*. Ее теоретическим базисом послужили структурализм, функционализм, применяемый по отношению к жизненному миру, а также феноменология. Культура в структурной социологии трактуется как основа ценностных ориентаций. Социальная структура согласно Тириакияну подчинена культуре, при этом сосуществующие в культуре разнообразные формы, иногда противоречащие друг другу, не допускают полной институционализации процессов: между формами культуры могут возникать конфликты, иногда способствующие развитию общества, так как конфликт выявляет накопившиеся проблемы, требующие срочного решения.

Либеральная концепция постиндустриального развития разрабатывала возможные сценарии будущего (Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт и др.). Д. Белл¹³ предложил следующие возможные модели будущего: 1) сфера экономики: переход от производства товаров к производству услуг; 2) сфера занятости: преобладание класса профессиональных специалистов и техников; 3) осевой принцип: ведущая роль теоретического знания как источника нововведений и определения политики в обществе; 4) ориентация на прогнозируемый результат: контроль над технологией и технологическими оценками деятельности; 5) процесс принятия решений: создание новой «интеллектуальной технологии», связанной с применением ЭВМ. Акцент ставился также на формировании «открытого общества», подчинении экономики социальной политике, превращении социальной политики в социоинженерную, функционирующую на основе научных рекомендаций и экспертных оценок, и т. д.

Перечисленные факты свидетельствуют о преимуществе опоры на компетентность науки как самой лучшей стратегии, обеспечивающей соблюдение принципа «правления лучших», известного еще в Древней Греции и достаточно успешно практикующегося в современных США. Можно смело утверждать, что эта уникальная практика не знает аналогов в истории человечества, она убедительно доказала, что «власть лучших» – *это власть талантливых ученых, управляющих, инженеров, госслужащих, и эта власть отвечает требованиям, предъявляемым наукой: знания, квалификация и профессионализм.*

Такие цели ставит перед собой и методология социокультурных исследований, предполагающая разработку модели научной практики, которой еще не знала ни одна из стран на постсоветском пространстве и в которой они столь остро нуждаются, поскольку остаются во власти процессов ценностной дезориентации и политической неопределенности. *Этим и объясняется наше требование усиления роли науки и ее авторитета как лучшей силы государства и самой надежной защиты граждан от его произвола.*

Подводя итог обзора различных направлений американской социологии, можно сказать, что *учеными осуществлялись попытки охватить научными исследованиями все сферы жизни общества.* Наш перечень ССТ далеко не полон: параллельно с названными возникали и другие теории, например коттеджная, цивилизационная, реидеологизации, досуговой деятельности и т. д., также направленные на выявление проблем и повышение качества жизни общества.

Важнейшим фактором развития социально значимой науки было взаимодействие социологов США и других стран (Япония, Западная Европа): передовая научная практика, технология разработки теории, подходы к интерпретации практических результатов широко заимствовались и развивались, создавались научные школы, разрабатывающие концепции с учетом интересов общества, отличного от американского. Подчеркнем – заимствовались технологии и принципы подходов к исследовательской процедуре, а не сами теории. Ярким примером такого заимствования может служить деятельность Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас). Разработки этой школы зачастую неоднозначны, но ее вклад в развитие науки неоспорим.

Несколько иначе сказывалось влияние американской социологии в странах Востока, где наблюдается частичное заимствование самих теорий и развитие технологий на универсалистских принципах. (Исключением здесь является Япония, где сложилась уникальная практика опоры на дихотомию «традиционное–современное», здесь бережно хранят традиции, в частности сохранили институт императорской власти, фактически разрушенный в результате Второй мировой войны.)

Остальные развивающиеся страны Азии и Востока, например Южная Корея, Китай, Саудовская Аравия, находятся на этапе ускоренного научно-технического развития, однако из-за недооценки роли социально ориентированной политики в этих странах доминируют факторы религиозные, идеологические и т. п. Темпы экономического роста не приносят здесь социально значимых

результатов, несмотря на выпуск конкурентоспособных товаров, экспорт природных ресурсов, участие в глобальных экономических процессах и т. д. На наш взгляд, причины такого положения дел следует искать прежде всего в состоянии социально-гуманитарных наук: как они формируют социально ориентированную политику и формируют ли, участвуют ли в институционализации гражданского общества. В сложных и весьма динамично меняющихся условиях нашего времени относительно более консервативное общество без использования социально значимых теорий и активной роли прежде всего социально ориентированной науки не может достичь нужных результатов. Все другие научные достижения, в том числе в гуманитарной сфере, как показывает практика, не могут обеспечить построение социального государства: без социальной составляющей достижения науки становятся объектом использования со стороны государства, «встраиваются» в него. Например, наличие ядерного оружия в Иране, выдающиеся достижения в космосе Китая, Индии и т. д. фактически не улучшают социальное положение граждан этих стран.

Важно и то, что американская социологическая школа (назовем ее так обобщенно применительно лишь к данной теме) разработала не только принципы и инструменты научного контроля всех сфер жизни общества и подчинения политики общественным интересам, но и *создавала, формировала и распространяла* новые традиции, такие, например, как социальное взаимодействие и социальное партнерство – без преувеличения их можно назвать общественными императивами, влияющими на положение человека в обществе и определяющими статус личности, содержание жизни человека и сетевые формы взаимодействия государства и общества. Речь идет о том, что только социологическая наука может обеспечить институциональность этих процессов.

Особого внимания заслуживает тот факт, что внедрение социальных установок, ценностей и мотивов поведения как стандартов современных социокультурных традиций осуществлялось в стране, практически не знавшей классических форм национально-культурных традиций и обычаев, свойственных другим странам мира. Этот социокультурный феномен и связанная с ним научная практика, стержнем которой были интересы общества, должны стать объектом изучения со стороны научного сообщества, прежде всего на постсоветском пространстве. Без сомнения, заимствование позитивного опыта поможет преодолеть накопившиеся проблемы, определяющее влияние консервативного традиционализма на различные сферы жизни постсоветского общества.

- ¹ См.: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- ² См.: *Blumer H.* Symbolic interactionism: perspective and method. Berkeley, 1971.
- ³ См.: *Гофман И.* Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984; *Он же.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
- ⁴ *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 451.
- ⁵ Там же. С. 525–526.
- ⁶ См.: *Шюц А.* Феноменология социального мира. М., 1972; *Он же.* Структуры жизненного мира. М., 1974.
- ⁷ См.: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
- ⁸ См.: *Гадамер Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
- ⁹ Беккер Г.С. – лауреат Нобелевской премии по экономике 1992 г. См. его труды: Человеческий капитал (1964.; доп. изд.: Human Capital. University of Chicago Press, 1993); Теория распределения времени (A Theory of the Allocation of Time. Economic Journal, Sept. 1965); Трактат о семье (Treatise on the Family. Harvard University Press, 1981) и др.
- ¹⁰ См.: *Moore W.* Social Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.
- ¹¹ *Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
- ¹² См.: *Tiryakian E.* Sociologism and existentialism: two perspectives on the individual and society. Englewood Cliffs, NJ, 1962; Theoretical sociology, perspectives and developments / Ed. by J.C. McKinney, E. Tiryakian. N.Y., 1970.
- ¹³ См.: *Bell D.* The coming of post-industrial society: Adventure in Social forecasting. N.Y., 1973.

ЭВОЛЮЦИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1898–1904 гг.:
ОТ «БЛЕСТЯЩЕЙ ИЗОЛЯЦИИ»
К АНТИГЕРМАНСКОЙ АНТАНТЕ

Статья посвящена истории внешней политики Великобритании конца XIX – начала XX в. Автор анализирует причины выхода страны из состояния «блестящей изоляции» и ее последующего сближения с Францией и Россией против усиливающейся Германии. Особое внимание уделяется содержанию общественных дискуссий в Великобритании по вопросам внешней политики.

Ключевые слова: военно-политический союз, Сердечное согласие, Тройственный союз.

В данной статье автор планирует обратиться к тематике английской внешней политики рубежа XIX–XX вв. За короткий период, определяемый хронологическими рамками 1898–1904 гг., Великобритания совершила решительный поворот в своем внешнеполитическом курсе. Отказавшись от прежней политики «блестящей изоляции», она перешла к формированию коалиции, направленной на сдерживание экспансионистских устремлений Германии. В задачи данной статьи входит, во-первых, изучение реальных причин и форм данного поворота, во-вторых, уточнение содержания внешнеполитических дискуссий, касающихся этого периода, в британском общественном мнении.

Рубеж XIX–XX вв. характеризуется появлением некоторых новых тенденций в английской внешней политике, связанных с расстановкой политических сил на международной арене, появлением сильных соперников и относительным ослаблением позиций Великобритании как ведущей мировой державы. До этого момента страна проводила внешнеполитический курс, получивший

название «блестящая изоляция»¹. Сущность данной политики заключалась в неприсоединении Англии к каким-либо военно-политическим союзам. При этом британские дипломаты руководствовались принципом, выраженным в 1869 г. премьер-министром Гладстоном, заявившим, что Великобритания не может давать обязательства, которые при некоторых обстоятельствах способны привести к ограничению или сужению свободы ее действий². Следование данному принципу позволяло стране сохранять свободу рук и, гибко реагируя на возникающие конфликты, поддерживать в своих интересах баланс сил в Европе, удерживать свое ведущее положение в системе международных отношений. В то же время территориальный передел мира, борьба за новые колонии уже с 80-х гг. XIX в. вовлекли Великобританию, владения которой оказались разбросаны по всем континентам, в многочисленные конфликты. «Никогда ранее, – указывает Дж. Монгер, – великие державы не уделяли такое исключительное внимание империалистической экспансии, и никогда прежде Британия не сталкивалась с такой интенсивной конкуренцией во всех частях мира»³.

К концу XIX в. сохранение курса «блестящей изоляции» поставило Великобританию в критическое положение. Завершение раздела мира и начавшаяся борьба за его передел вели к возникновению все новых конфликтов, угрожавших английским интересам. Уже в 90-е гг. XIX в. ощущение угрозы потери лидерства и связанная с ней забота о «национальной эффективности» (national efficiency) занимали английских политиков всех направлений, от правого до крайне левого толка⁴. По оценке Ф.А. Ротштейна, «...на рубеже веков Британская империя переживала один из критических моментов в ее взаимоотношениях с другими странами»⁵.

В этих условиях в 1898–1902 гг. развернулась широкая дискуссия в английских правящих кругах о внешнеполитической ориентации Великобритании, формах и методах британской дипломатии. Относительное ослабление позиций Британской империи, обострение старых (колониальные противоречия с франко-русским союзом) и появление новых (прежде всего германский вопрос) проблем диктовали необходимость нового подхода к внешней политике. Становилось очевидно, что Англия, утрачивая прежние вес и влияние на развитие международной обстановки и сталкиваясь с новыми вызовами, должна пойти на пересмотр прежней политики «блестящей изоляции» в пользу более или менее тесного сближения с другими державами. Тем самым было положено начало коренному пересмотру основ всей английской внешней политики⁶.

Известное влияние на изменение традиционных подходов к внешней политике оказала англо-бурская война, продемонстрировавшая британскому обществу всю невыгодность изолированного положения в Европе, в котором оказалась Великобритания. В декабре 1898 г., незадолго до начала конфликта, в журнале «Contemporary Review» появились две статьи, автором которых был Д. Гобсон, получивший в дальнейшем известность одного из наиболее влиятельных критиков империалистической внешней политики. В них осуждалась политика империалистических захватов и опровергалось утверждение о том, что английская торговля выигрывает от колониальной экспансии⁷. Данные взгляды позднее были более подробно изложены Гобсоном в изданной в 1903 г. работе «Империализм». Здесь автор указывал на растущую агрессивность в мире к англичанам в последние 30 лет XIX в. как на результат агрессивной политики империализма, настаивал на необходимости «...полной отстраненности от новых территориальных захватов»⁸ и подчеркивал, что дальнейшая экспансия ослабляет Соединенное Королевство экономически и политически⁹.

За выходом статей последовала активная полемика, способствовавшая коррекции существовавших представлений по вопросам внешней политики. Расхождения во взглядах сторон, касавшиеся отношения к вспыхнувшему в Южной Африке конфликту, распространялись и на более широкие проблемы колониальной политики, морских вооружений, участия в политических коалициях с другими странами.

Позиция правящей консервативной партии отличалась сравнительной однородностью и исходила из необходимости проведения активной внешней политики, призванной укрепить позиции Англии на международной арене, расширить границы Британской империи, сохранить за страной статус сильнейшей морской державы. Позиция тори стала основным источником патриотических «джингоистских» настроений, захлестнувших Англию в ходе бурской войны¹⁰.

Более сложной была ситуация в либеральной партии, в которой произошел раскол на пацифистски настроенное большинство и группировку так называемых либерал-империалистов, солидаризировавшихся с консерваторами в вопросе о необходимости проведения активной внешней политики. Наиболее заметными представителями империалистического крыла в рядах либералов были лорд Розбери и так называемые три мушкетера: Г. Асквит, Э. Грей и Р. Холден, поддерживавшие экспансионистский курс консервативного правительства Солсбери. При этом сторонники

активной внешней политики оказались в партии в явном меньшинстве. Значительная часть либерального руководства, включая лидера партии Г. Кемпбелл-Баннермана (сменившего на этом посту в 1898 г. пацифиста У. Хэркурта), видных деятелей Л. Кортни, Д. Морли (считавшихся моральными лидерами «пацифистского» крыла партии) и большинство рядовых либералов, в той или иной степени солидаризировались с антиимпериалистическими воззрениями Гобсона.

Сторонники данного направления получили в историографии наименование «радикалов». А. Моррис полагает, что «...данный термин может быть использован для обозначения антиимпериалистского движения, апеллирующего к идеалам всеобщего разрушения, дружественных отношений со всеми странами, открытой дипломатии и урегулирования международных споров путем арбитража»¹¹. Общепринятыми и синонимичными считаются также наименования «либерал-пацифисты» и «нейтралисты». При этом, как подчеркивает А. Тейлор, термин «либерал-пацифистская оппозиция» отражает основные политические реалии того времени: критика действий правительства на международной арене носила в основном либеральный характер, в том числе и по своему идейному смыслу. Социалистические и рабочие организации практически не имели самостоятельного влияния на внешнюю политику, смыкаясь с либеральной оппозицией в прессе и парламенте¹².

Радикалы не имели какой-либо четкой организации и не составляли отдельной обособленной части в либеральной партии. Существовали многочисленные «пацифистские» комитеты и лиги (на временной или постоянной основе), такие как постоянно действовавшие IAPA¹³, SFRF и FA¹⁴ или возникавшие для решения локальных задач SACC¹⁵ и SWC¹⁶. Объединяющую функцию для большинства таких организаций выполнял регулярно созываемый Национальный Конгресс мира¹⁷.

Раскол в либеральных рядах на «радикалов» и «империалистов», ставший особенно заметным накануне и в ходе англо-бургской войны, не был преодолен и после ее завершения, несмотря на отдельные попытки согласовать позиции сторон по внешнеполитическим проблемам. Вместе с тем следует отметить, что в вопросах внутренней политики подобных расхождений между фракциями не возникало.

Таким образом, можно выделить две основные точки зрения, существовавшие в английском обществе по вопросам внешней политики к началу XX в.: сторонники активной империалистической внешней политики (консерваторы и «либерал-империалисты») и

пацифистски настроенные элементы («радикалы», поддерживаемые лейбористами и ирландцами)¹⁸.

На рубеже XIX–XX вв. необходимость изменения внешнеполитического курса Великобритании и определения отношения к «германской проблеме» активно дебатировалась в английском обществе. При этом позиции сторон определились далеко не сразу и не отличались тем единством (про- или антигерманским), которое им обычно приписывается. В данной связи следует подчеркнуть, что в 1898–1901 гг. именно представители консервативной партии проявляли наибольшую активность в вопросе сближения с Германией, тогда как либералы еще со времен Гладстона ратовали за урегулирование наиболее острых противоречий непосредственно с Россией. Противоположная ситуация наблюдалась после 1905 г., когда консерваторы, проиграв выборы, стали оппозиционной партией. В этот период их позиция в отношении Германии, не связанная с необходимостью осуществления практической внешней политики, приобрела подчеркнуто жесткий характер. Это обстоятельство дало возможность французскому послу в Лондоне П. Камбону впоследствии утверждать, что позиция тори и давление лидеров консерваторов А. Бальфура, Бонар Лоу и О. Чемберлена на правительство стали одним из важнейших факторов, определивших вступление Великобритании в Первую мировую войну¹⁹.

Группировка «либерал-империалистов» с самого начала не была едина в своем отношении к Германии. Будущий министр иностранных дел Э. Грей еще в 1898 г. говорил, что Англия не должна надеяться на политику изоляции, что необходимо найти общие интересы с другими державами, под которыми он понимал Францию и Россию. Он считал заключение союза с Германией губительным для страны²⁰. «Розбери, – заявлял он, – ошибается насчет Германии, и я ощущаю это так сильно, что если какое-либо правительство попытается затянуть нас в германскую сеть, я буду противостоять этому открыто и любой ценой»²¹. Напротив, лорд Розбери и особенно Р. Холден относились к перспективе сотрудничества с Берлином весьма благожелательно. Репутация наиболее «прогерманского» политика, впрочем, не мешала последнему успешно взаимодействовать с Греем.

Д. Монгер указывает на неправильность представления «радикалов» в качестве группы, жестко ориентированной на сближение с Германией: «Различия между двумя секциями (либеральной) партии по вопросам внешней политики были в гораздо большей степени различиями в подходах и методах, чем в детализированной политике»²². Анализируя восприятие «либерал-нейтралистов»

их оппонентами, он, в частности, отмечает: «Эдуард VII питал инстинктивную враждебность к политическим воззрениям “радикалов”, и особенно к их взглядам на внешнюю политику. Он опасался не того, чтобы их политика обрела какую-либо определенную направленность, что она станет, например, прогерманской, но того, что она будет в общем слабой, интернационалистской, филантропической. Именно в этом заключались опасения “либерал-империалистов”»²³.

Сходная точка зрения высказывается и А. Моррисом, отмечающим, что «...приверженность “либерал-пацифистов” идеалам мира была чисто эмоциональной. В конечном итоге при необходимости принять окончательное решение в пору национальной угрозы в большинстве своем они поддерживали сторонников активного вмешательства... Лишь для таких “радикалов”, как убежденный борец за мир (квакер по вероисповеданию) А. Бейкер, не существовало конфликта между убеждениями и приоритетами»²⁴. Это обстоятельство проявилось уже в ходе бурской войны.

Таким образом, как «империалисты», так и «пацифисты» не были однородными группировками, их разделяла не про- или антигерманская ориентация, а прежде всего различный подход к существующим внешнеполитическим проблемам. При этом в основе их мировоззрения лежал прежде всего английский патриотизм, позволявший деятелям того или иного направления с легкостью менять свои приоритеты в отношении зарубежных партнеров. В качестве примера можно привести консерватора О. Чемберлена, выступавшего в 1899–1901 гг. за создание «тевтонского союза» Англии, США и Германии, а уже в 1902 г. ставшего поборником Антанты. С другой стороны, как будет показано нами в дальнейшем, видный «радикал» Д. Ллойд-Джордж, имевший репутацию «прогерманского» политика, в 1911 г. сыграл важную роль в борьбе за сохранение Антанты с Францией. Аналогичные метаморфозы отличали позицию Д. Морли и ряда других «нейтралистов».

Ход и исход дебатов в английской правящей элите по вопросам внешней политики определялись существовавшими реальными угрозами безопасности страны. Как известно, основой для проведения активной колониальной политики Великобритании, расширения ее имперских владений служило поддержание баланса сил в Европе. Без стратегической гарантии метрополии Британская империя могла развалиться как картонный домик. Франко-русский союз, создавая определенные сложности для Великобритании в деле расширения ее колониальной империи, не представлял действительной угрозы для метрополии при наличии в Европе

враждебного ему Тройственного союза, возглавляемого Германией. Заручившись поддержкой Берлина, Лондон мог противостоять любой угрозе, исходящей из Парижа и Петербурга. Выразителем идеи сближения с Германией в консервативном кабинете стал Джозеф Чемберлен²⁵. Вплоть до 1902 г. Чемберлен отстаивал свои идеи перед премьер-министром Солсбери, настроенным более консервативно и первоначально не видевшим оснований для пересмотра прежней политики «блестящей изоляции».

В ноябре 1899 г. министр колоний впервые призвал к созданию «тевтонского союза» Англии, Германии и США, направленного против России и Франции. Чемберлен представлял традиционную точку зрения, принятую в консервативной партии и видевшую в русско-французском союзе основную угрозу английским интересам. Наибольшее беспокойство при этом в тот момент вызывала активность России в Иране и на Дальнем Востоке. Не имея успеха в неоднократных попытках ограничить русскую экспансию путем соглашений о сферах влияния²⁶, политическое руководство Англии предприняло ряд действий, положивших начало процессу выхода из «блестящей изоляции». Активность царской России на Дальнем Востоке побудила Великобританию вступить в переговоры с Германией и Японией, направленные на сдерживание российской активности. Одновременно Foreign Office стремился к устранению разногласий с США для последующего дипломатического взаимодействия, прежде всего на Дальнем Востоке.

Эти усилия имели неодинаковый эффект. Наибольшее значение, по оценке современников событий и позднейших исследователей, имело англо-японское сближение, выразившееся в подписании в 1902 г. союзного договора²⁷. Это соглашение стало кульминационной точкой политики Англии на Дальнем Востоке, направленной на сдерживание России в тот период. Оценивая значение подписанного соглашения, министр иностранных дел Г. Ленсдаун, выступая в парламенте, заявил, что «...Англия вступает в новый фазис своей политической жизни, применяясь к новым условиям и беря пример с союзных группировок великих держав»²⁸.

Взаимосвязанные переговоры проводились в 1901 г. и с Германией. Foreign Office рассчитывал подключить ее к проектируемому выступлению против России и Франции на случай расширения рамок возможной локальной русско-японской войны. Достаточно скоро выяснилось, что Берлин не собирается следовать предложенному Лондоном курсу. Как отмечали британские дипломаты, немцы выразили готовность пойти на «общий оборонительный союз», но отказались даже обсуждать вопрос о совместном давле-

нии на позиции России в Китае, заявляя о строгом нейтралитете в данном вопросе²⁹.

Провал попыток использовать Германию в качестве противовеса для сдерживания России на Дальнем Востоке сочетался в Foreign Office с беспокойством о возможных последствиях проектируемого англо-германского соглашения для баланса сил в Европе. Т. Сандерсон³⁰ в своем меморандуме от 27 мая 1901 г. вынужден был констатировать, что «...в какой бы форме ни выражалась конвенция (между Англией и Германией. – *Примеч. авт.*), я полагаю, что практически это будет означать нашу гарантию Германии в отношении завоеванных ею у Франции провинций и именно таким образом французы будут смотреть на нее. Я не могу сказать, что в действительности немцы могут гарантировать для нас»³¹.

Неудача переговоров 1901 г. побудила британских исследователей Гуча и Э. Литта расценить их как начало поворота в англо-германских отношениях, вылившегося затем в присоединение Великобритании к лагерю противников Германии. А.Ф. Остальцева относит этот момент к 1905 г.³² Следует подчеркнуть, что события 1901 г. не означали разрыва с прежним курсом Великобритании. 1902 год ознаменовался новыми попытками установить англо-германское взаимодействие, на этот раз в Западном полушарии. В декабре этого года Лондон и Берлин предприняли совместную военную акцию против Венесуэлы, выслав эскадру для блокады ее побережья. Достаточно скоро в Англии уяснили рискованность подобного взаимодействия для англо-американских отношений.

Посол в Вашингтоне М. Херберт указывал в своей телеграмме Ленсдауну: «Хотя я не думаю, что американское правительство изменит свою линию поведения, ощущается растущее раздражение в Конгрессе, особенно в Палате Представителей против акции двух держав, главным образом из-за обстрела и потопления венесуэльских судов. Администрация не относится подозрительно к нам, но несомненно выражает недоверие к целям Германии. Господствующее мнение в Вашингтоне таково, что Германия использует нас, и наши друзья здесь сожалеют, с точки зрения доброго американского расположения к нам, что мы взаимодействуем с Германией»³³.

В британской прессе развернулась мощная антигерманская кампания, в которой приняли участие издания как либерального, так и консервативного толка. При этом либералы выражали свою обеспокоенность ненужным обострением в англо-американских отношениях³⁴. Консервативная пресса упирала на обвинения в «...привязке английской политики к интересам Германии»³⁵.

Как указывает Д. Монгер, потребность в доверительных отношениях с США служила одним из основополагающих принципов внешнеполитического курса консервативного кабинета Бальфура³⁶. Англо-германское вмешательство в дела Западного полушария, противоречившее духу принятой в США «доктрины Монро», обернулось значительными затруднениями в ходе ведшихся с начала 1902 г. переговоров о демаркации границы Канады и Аляски. Возникшая опасность серьезных разногласий с Вашингтоном вынудила Foreign Office, используя соответствующую кампанию в прессе, скорректировать свой курс и свернуть совместную англо-германскую акцию.

Венесуэльский эпизод оказал значительное влияние на позицию даже таких ранее «прогермански» настроенных политиков, как Д. Чемберлен. В декабре 1902 г., на пути в Южную Африку, министр по делам колоний заявлял в беседе с лордом Кромером и французскими представителями в Каире, что он «...убежден в необходимости для Британии покинуть “блестящую изоляцию”». Сначала он возлагал свои надежды на Германию, но англофобия и торговое соперничество сделали соглашение невозможным. Соглашение с Россией также не стоит в повестке дня из-за дрящегося конфликта между двумя странами и значительными расхождениями между ними. Остается лишь Франция, и, сообщил Чемберлен, он воздействует на Кабинет в целях заключения соответствующего соглашения»³⁷.

Таким образом, к началу 1903 г. попытки установления взаимодействия с Германией оказались очевидно неудачными. Не имея возможности использовать Германию против России и Франции, Лондон испытывал растущие сомнения в отношении намерений Берлина. В умонастроении британских правящих кругов все заметнее проявляются антигерманские тенденции. К 1903 г. лидеры консервативной партии, такие как А. Бальфур и О. Чемберлен, ранее искавшие у Германии и Австро-Венгрии поддержки против России, теперь выступили сторонниками антигерманского курса. Соответствующая кампания проводилась в подконтрольной консерваторам прессе. Во главе ее стоял редактор еженедельника «Нэшнл ревью» Л. Макс³⁸, лично близкий премьер-министру лорду Солсбери.

Наибольшее значение имел поворот английской дипломатии к достижению соглашения с Францией. В Foreign Office отдавали себе отчет, что в новых условиях Великобритания не может позволить себе иметь плохие отношения одновременно с Францией и Россией на фоне усиливающегося недоверия к Германии и целям ее

внешней политики. Поскольку курс на взаимодействие с Берлином очевидно не приносил успеха, британские дипломаты приступают к сближению с Францией, имея в виду и воздействие этого шага на состояние англо-русских отношений. Соответствующие расчеты иллюстрирует письмо лорда Кромера, направленное премьер-министру А. Бальфуру в октябре 1903 г. из Египта, в котором высказывалось мнение, что «...понимание по всем спорным вопросам с Францией станет краеугольным камнем общего взаимопонимания с Россией, а это, возможно, подготовит почву для сокращения наших огромных военных и морских расходов»³⁹.

Во Франции, опиравшейся на союз с Россией, существовали политические силы, ориентировавшиеся на сближение с Англией: радикальная партия (Комб, Клемансо) и правые социалисты (Жорес). Выразителем данного курса был Т. Делькассе, министр иностранных дел в 1898–1905 гг. Делькассе полагал, что задачи возвращения Эльзас-Лотарингии и расширения колониальных владений Франции требуют достижения соглашения по всем спорным вопросам с Великобританией. Начало предложенного курса на сближение было положено достигнутым 21 марта 1899 г. соглашением о разграничении сфер влияния Великобритании и Франции между Верхним Нилом и Конго. Колониальные круги, длительное время препятствовавшие заключению соглашения с Англией, к 1902 г. изменили свою позицию, убедившись в невозможности дальнейшей экспансии при враждебной позиции Великобритании.

Решительный поворот в достижении англо-французского соглашения наметился в 1902 г. Соответствующие переговоры, инициированные с английской стороны королем Эдуардом VII и министром иностранных дел лордом Г. Ленсдауном, открылись в июле 1902 г. Прогрессирующее ухудшение англо-германских отношений, ставшее важной предпосылкой поворота Foreign Office к достижению соглашения с Францией, способствовало успеху переговоров, шедших исключительно активно на протяжении всего 1903 г. Заинтересованность Лондона в их успехе отмечали дипломаты всех великих держав. Так, русский посол Бенкендорф сообщал: «Я не берусь, конечно, судить, насколько дружественное отношение к Англии серьезно во французских правящих кругах, но смело могу утверждать, что сближение с Францией чрезвычайно популярно в Англии и, по-моему, отвечает задачам британских политических деятелей всех оттенков. Так, враги России усматривают в этом сближении ослабление франко-русского союза и даже возможность бездействия Франции в случае наступления

кризиса в наших отношениях с Англией. Сторонники же соглашения с нами не без основания предполагают, что установление дружественных отношений с Францией составляет шаг к достижению намеченной ими цели»⁴⁰.

Интенсивные англо-французские переговоры завершились 8 апреля 1904 г. подписанием конвенции и двух деклараций, означавших установление англо-французского «Сердечного соглашения» («Entente cordial») ⁴¹. Заключенная конвенция определила компенсации Франции за отказ от притязаний на побережье и прибрежные воды Ньюфаундленда⁴². При этом она получила в Западной Африке различные территории общей площадью около 14 тыс. миль. Наиболее важным среди подписанных документов стала «декларация о Египте и Марокко», в которой Франция обязалась не ставить больше вопрос об уходе англичан из Египта и не препятствовать их действиям в этой стране. Великобритания со своей стороны предоставляла Франции свободу действий в Марокко. Соглашение имело и секретную часть (опубликованную только в 1911 г.), в которой говорилось о возможности изменения «политического положения» в Египте и Марокко, если обе стороны сочтут это необходимым. По существу, эта статья закрепляла британские притязания на Египет и французские – на Марокко⁴³. Во второй декларации Англия признавала право собственности Франции на остров Мадагаскар, в ней были сняты взаимные претензии в отношении Новых Гебридов. Сиам был разделен на британскую и французскую сферы влияния⁴⁴. Таким образом, «Сердечное согласие» урегулировало главную проблему, разделявшую Англию и Францию, – колониальную. В то же время в документах не содержались какие-либо положения, имеющие отношение к европейским делам, которые можно было бы истолковать как стремление сторон вступить в союз, направленный своим острием против Германии⁴⁵.

Важную роль в успехе переговоров с Францией сыграла консолидированная позиция британского общественного мнения. Полное одобрение англо-французская Антанта встретила среди либералов, находившихся в тот момент в оппозиции. При этом значимость поддержки «либерал-нейтралистских» кругов определялась их весомыми позициями в Палате общин и прессе, позволявшими им воздействовать на общественное мнение Великобритании. «Радикалы, – отмечает А. Моррис, – имели в своих рядах многих публицистов, обладавших исключительными литературными способностями. Это был период, не имевший аналогов в истории “радикального” журнализма, объединивший

таланты таких различных людей, как А. Гардинер, Х. Мэссингем, Брэйлсфорд, Херст, и огромного количества литературных светил меньшего масштаба»⁴⁶. Пропаганда «либерал-пацифистских» взглядов облегчалась поддержкой «радикального» курса многими авторитетными и влиятельными органами печати, такими как газеты «Манчестер Гардиан» и «Дейли Ньюс», журнал «Нэйшн»⁴⁷.

Выступив в качестве активных поборников англо-французского соглашения, пацифистские круги развернули соответствующую кампанию в прессе. Подписание англо-французских конвенций 8 апреля 1904 г. дало им основание считать это событие во многом результатом их собственных усилий. Как декларировала «радикальная» пресса: «В отличие от договоров, завершавших собой великие войны прошлого, и от военно-политических сделок, периодически заключающихся автократическими правителями, это соглашение подписано представителями двух демократических государств после продолжительного периода мира без какого-либо непосредственного решительного воздействия, исходящего откуда-либо»⁴⁸.

Позитивная оценка англо-французской Антанты консервативной печатью базировалась на иных, подчеркнута антигерманских основаниях. Так, «The Times» в статье «Окружение Германии» провозглашала, что британская дипломатическая изоляция отныне остается в прошлом, а в повестке дня теперь стоит англо-русское соглашение⁴⁹.

Следует подчеркнуть, что достигнутое соглашение никоим образом не означало вступления сторон в какой-либо обязывающий военно-политический союз. Англо-французская Антанта 1904 г. создавала лишь основу для последующего дипломатического взаимодействия двух держав. Кроме того, подписание этих конвенций открывало возможность для урегулирования в изменившейся обстановке и англо-русских отношений. Дальнейшее развитие отношений Англии с Францией и Россией зависело от динамики изменений на международной арене. А эта динамика в растущей степени определялась агрессивным внешнеполитическим курсом Германии, поставившей перед собой цель достичь гегемонии в Европе. Поскольку допустить этого Великобритания не могла, окончательное оформление антигерманской Тройственной Антанты становилось делом ближайших нескольких лет.

-
- ¹ Относительно происхождения термина «блестящая изоляция» Э. Галеви указывает: «Данное выражение было впервые употреблено членом канадского парламента Фостером 16 января 1896 г. в его речи в канадской палате общин, где говорилось об “этих тревожных днях, когда великая мать-империя пребывает в Европе блестяще изолированной”. Оно вошло в обиход с легкой руки У. Лорье, который три недели спустя сказал: “Я не буду спорить, находится ли империя в состоянии блестящей или опасной изоляции, но я лично считаю это блестящей изоляцией, потому что изоляция Англии проистекает из ее превосходства”». Цит. по: *Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма. Т. 1. М., 1937. С. 36.
- ² *Nicolson H.* Diplomacy. L., 1940. P. 137.
- ³ *Monger G.* The End of Isolation: British Foreign Policy: 1900–1907. L., 1963. P. 14.
- ⁴ *Ibid.* P. 37.
- ⁵ *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 31.
- ⁶ *Steiner Z.* The Foreign Office and Foreign Policy: 1898–1914. Cambridge, 1969. P. 54.
- ⁷ *Morris A.* Radicalism against War: 1906–1914. L., 1972. P. 1.
- ⁸ *Hobson J.* Imperialism: A study. L., 1948. P. 64–65.
- ⁹ *Ibid.* P. 70.
- ¹⁰ «Безграничный энтузиазм выражался в дерзкой и грубой пропаганде и исполненных оптимизма пророчествах “патриотической” прессы... Империализм защищался в романах, исторических пьесах и поэмах таких писателей, как Стивенсон и Хаггард, Фитчетт и Ньюболт. Высшим общественным выразителем и популяризатором идей империализма считался Р. Киплинг. В его представлении британцы были “избранным” народом, привилегия которых заключалась в том, чтобы править четвертой частью мира, неся “бремя белого человека”». Цит. по: *Morris A.* The Scaremongers: The Advocacy of War and Rearmament, 1896–1914. L., 1984. P. 90.
- ¹¹ *Ibid.* P. 5.
- ¹² *Taylor A.* The troublemakers: Dissent over foreign policy: 1792–1939. L., 1957. P. 104–105.
- ¹³ International Arbitration and Peace Association (Ассоциация мира и международного арбитража) – одна из крупнейших «радикальных» ассоциаций, основывавшая свою деятельность на следующих принципах: 1) мир, основанный на свободе и законности; 2) общественный контроль за внешней политикой; 3) уважение принципа национальной независимости. См.: *Laity P.* The British Peace Movement: 1870–1914. Oxford, 2001. P. 199.
- ¹⁴ Society of Friends of Russian Freedom (Общество друзей российской свободы) и the Friends of Armenia (друзья Армении) – «радикальные» группировки,

- выступавшие за «освобождение от деспотизма» соответственно народов Российской империи и проживающих в Турции армян.
- 15 South Africa Conciliation Committee (Комитет примирения Южной Африки) – образован в ноябре 1899 г. под председательством видного «радикала» Л. Кортни. Объединял главным образом умеренные пацифистские группировки квакеров, прекратил свое существование с окончанием бурской войны. См.: *Laity P.* Op. cit. P. 154.
- 16 Stop-the-War Committee (Комитет «остановить войну») – основан в январе 1900 г. «радикалом» У. Стэдом. Считался наиболее активной и решительно действующей пацифистской группировкой на протяжении англо-бурской войны. Только в течение 1900 г. комитет распространил в Англии более 3 млн памфлетов антивоенного содержания. См.: *Laity P.* Op. cit. P. 157.
- 17 Количество участвовавших в Национальном Конгрессе мира (National Peace Congress) «пацифистских» организаций имело тенденцию к постоянному росту. В 1911 г. их было 25, а к началу Первой мировой войны в 1914 г. – уже 44. См.: *Laity P.* Op. cit. P. 183.
- 18 А. Моррис в данной связи указывает, что «...вплоть до 1914 г. критика со стороны (“пацифистской”) оппозиции никогда не была скоординирована. Разрыв между “традиционным” (т. е. “империалистическим”. – *Примеч. авт.*) и “прогрессивным” взглядами на внешнюю политику не был оформлен или четко озвучен до момента основания Союза демократического контроля в сентябре 1914 г. и медленной идентификации в умах этих двух точек зрения с консерваторами и лейбористами». См.: *Morris A.* Radicalism against War. P. 32–33.
- 19 *Tierry A.* L'Angleterre au temps du Paul Cambon. P., 1931. P. 193.
- 20 *Гелла Т.Н.* К вопросу об отношении либерал-империалистов к внешнеполитическим проблемам Англии в конце XIX – начале XX в. // Проблемы британской истории. М., 1984. С. 178.
- 21 *Trevelyan G.* Grey of Fallodon. L., 1937. P. 84.
- 22 *Monger G.* Op. cit. P. 259.
- 23 *Ibid.* P. 257.
- 24 *Morris A.* Radicalism against War. P. 251.
- 25 Д. Чемберлен занимал пост министра по делам колоний в кабинете Солсбери.
- 26 Реагируя на очередную попытку британских дипломатов достичь договоренности, А.И. Нелидов писал в 1899 г.: «Россия может распространить свое влияние далеко за пределы всяких “сфер”. Всякая линия остановила бы дальнейшее развитие нашего влияния...». См.: АВПР. Персидский стол. Д. 4137. Л. 21. В.М. Хвостов указывает в этой связи, что «...до русско-японской войны и первой русской революции царизм стремился распространить свое влияние на всю Персию». См.: История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 689.
- 27 Anglo-Japanese Agreement, January 30, 1912 // British Documents on the Origins of the War, 1898–1914 (BD). Vol. 2. L., 1927. № 125.
- 28 The Times. 1902. Febr. 14.

- ²⁹ The Marquess of Lansdowne to Sir F. Lascelles. March 18, 1901 // BD. Vol. 1. L., 1927. № 77.
- ³⁰ Т. Сандерсон занимал в 1901 г. пост постоянного заместителя статс-секретаря (замминистра иностранных дел) и считался одним из основных сторонников установления взаимодействия с Германией.
- ³¹ Memorandum by Sir T. H. Sanderson. May 27, 1901 // BD. Vol. 2. № 85.
- ³² *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 г. Саратов, 1977. С. 45.
- ³³ Sir M. Herbert to the Marquess of Lansdowne. December 16, 1902 // BD. Vol. 2. № 180.
- ³⁴ *Morris A.* The Scaremongers. P. 54.
- ³⁵ The Daily Mail. 1902. Dec. 17.
- ³⁶ *Monger G.* Op. cit. P. 105–106.
- ³⁷ M. Lecomte a M. Delcasse. 12 Decembre 1902 // Documents diplomatiques français 1871–1914. 2e série (1901–1911). T. 2. 1 janvier – 31 décembre 1902. P., 1931. № 524.
- ³⁸ Лео Макс (Maxse, Leopold James) – главный редактор ежемесячного журнала «The National Review» (1893–1932 гг.), считавшегося самым антигерманским изданием английской прессы. Наиболее частым утверждением в публикациях Л. Макса была фраза: «Я не могу назвать вам точную дату, когда Германия начнет войну, но я не вижу, каким образом это может случиться позднее 1915 г.». См.: *Morris A.* The Scaremongers. P. 40.
- ³⁹ Цит. по: *Wilson K.* The Policy of the Entente: Essays on the Determinants of British Foreign Policy, 1900–1914. Cambridge, 1985. P. 6.
- ⁴⁰ АВПР. Канц. МИД. 1903. Д. 68. Л. 138–139. Донесение посла от 29 июля 1903 г.
- ⁴¹ Первое упоминание термина «Антанта» в контексте англо-французских отношений относится к началу 40-х гг. XIX в., когда произошло непродолжительное сближение двух держав.
- ⁴² Convention between the United Kingdom and France respecting Newfoundland, West and Central Africa. April 8, 1904 // BD. Vol. 2. № 417. P. 374–384.
- ⁴³ Declaration between the United Kingdom and France respecting Egypt and Morocco. April 8, 1904 // Ibid. P. 385–395.
- ⁴⁴ Declaration between the United Kingdom and France concerning Siam, Madagascar and the New Hebrides. April 8, 1904 // Ibid. P. 396–398.
- ⁴⁵ Мировые войны XX века. Т. 1. М., 2003. С. 47.
- ⁴⁶ *Morris A.* Radicalism against War. P. 11–12.
- ⁴⁷ Противоположный полюс в британской прессе олицетворяла газетная империя Нортклиффа (газеты «The Times» и «The Daily Mail», журнал «The National Review»). На страницах этих так называемых патриотических изданий такие публицисты, как В. Чироу, Л. Макс и Гарвин, популяризировали идеи «имперского величия» Англии, основную угрозу которому они уже на рубеже XIX–XX вв. видели в Германии.
- ⁴⁸ The Speaker. 1904. Apr. 16.
- ⁴⁹ The Times. 1904. Apr. 22.

В.Ю. Божко

ПОЗИЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ
ФРАНСУА МИТТЕРАНА
ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ
(до 1989 г.)

В статье приводится анализ позиции президента Французской Республики Франсуа Миттерана по германскому вопросу до рубежа 1989–1990 гг. Особое внимание уделяется эволюции взглядов французского политика в годы студенчества, участия во Второй мировой войне, политической карьеры в Четвертой Республике, оппозиции и в конечном итоге на посту президента до начала процесса объединения ФРГ и ГДР в 1989–1990 гг.

Ключевые слова: Франсуа Миттеран, объединение Германии, президент, позиция, Европейское сообщество, теория баланса сил.

Вопрос национального единства всегда являлся болезненным для немецкой нации. После Второй мировой войны Германия оказалась разделенной на два государства – ФРГ и ГДР, каждое из которых принадлежало к различным политическим лагерям. Президент Франции с 1981 по 1995 г. Франсуа Миттеран оказал большое влияние на развитие германского вопроса и сыграл важную роль в объединительном процессе ФРГ и ГДР. «Я не знал ни одного немецкого политика, который бы понимал и знал Францию так, как знает Франсуа Миттеран Германию, ее историю, культуру и следил бы за их развитием»¹ – так германский политик Рихард фон Вайцзекер описал глубокие познания французского лидера о Германии. Однако где и когда Франсуа Миттеран получил такие познания? Какова его точка зрения на сложную и многоплановую историю страны-соседа? Для ответа на данные вопросы стоит подробнее рассмотреть биографию Миттерана.

Франсуа Миттеран родился 26 октября 1916 г. в городе Жарнак на западе Франции в многодетной семье инженера железно-

дорожных путей сообщения. Молодой Миттеран воспитывался в традициях консерватизма и патриотизма. «В его семье любили Господа Бога, Францию, свою страну и людей. А также ненавидели масонов, немцев, большевиков и социалистов»², – пишет французская журналистка Катерина Ней. Франсуа Миттеран посещал католическую школу-интернат в соседнем городе Ангулем. Позже он изучал в Париже политические и юридические науки. Будущий лидер французских социалистов тогда жил в католическом общежитии, общался в большинстве своем с обеспеченными студентами из клерикальной среды и проявлял особые симпатии к правым партиям. Он являлся членом молодежной организации «Огненный крест» (Croix-de-Feu) и принимал участие в мероприятиях правой направленности, которые были организованы политической организацией монархического толка «Аксьон Франсез» (Action française)³. Некоторые фотографии того времени показывают, что во второй половине 30-х гг. XX в. он принимал участие в шовинистских демонстрациях, а некоторые его близкие друзья вступили в праворадикальную организацию кагуляров. Однако в это время Франсуа Миттеран не состоял ни в одной партии, не высказывал своего отношения к Германии под предводительством Адольфа Гитлера и не выражал каких-либо антисемитских наклонностей.

Образ Германии в представлении Франсуа Миттерана был достаточно типичным для обычного французского интеллигента своей эпохи. С одной стороны, «он любил романтическую Германию»⁴, как это чувство описала Мадам де Стаэль⁵, и, с другой стороны, он с недоверием и опаской относился к экспансионистским наклонностям немецкого соседа⁶. Это двойственное отношение к Германии нашло свое отражение в первой публикации Франсуа Миттерана, в которой он выразил позицию к аншлюсу Австрии весной 1938 г.⁷ С одной стороны, он сомневался, что западные европейские державы сумеют воспрепятствовать агрессии Германии в будущем. С другой стороны, он лично был солидарен с немецким аншлюсом, ведь это событие было закреплено референдумом, и в конце концов Австрия является, с его точки зрения, частью немецкой культуры: «Австрия является немецкой! Австрия – это немецкая культура! Австрия – это неотъемлемая часть имперской Германии»⁸. Экспансионистские тенденции Германии, по его словам, являются следствием слабости держав-победительниц и участниц Версальского мирного договора. Отсюда возникновение великого немецкого Рейха является логическим следствием поражения в 1918 г.

Первые контакты с реальными немцами произошли в 1939 г., во время Второй мировой войны, когда Франсуа Миттерран служил во французской армии в звании младшего офицера. В июне 1940 г. он был ранен и попал в плен, оказавшись в итоге в Тюрингии. Свои впечатления об этом времени он отразил в труде под названием «Паломничество в Тюрингию»⁹ и в нем выразил мнение, что корень германо-французских противоречий лежит в долгом и безуспешном стремлении Германии к национальному единству. Несмотря на немецкий плен, Франсуа Миттерран не характеризует Германию однозначно отрицательно: он говорил о Веймарской Республике как о родине великого писателя Иоганна Вольфганга фон Гёте, напоминал о демократических стремлениях Германии после окончания Первой мировой войны.

Будучи в германском плену, молодой Франсуа Миттерран явственно ощущал всю бедственность положения своей страны. После двух неудачных попыток бегства из плена, в декабре 1941 г. ему улыбнулась удача, и он через Лотарингию оказался в «свободном от оккупации» городе Виши. Там он начал сотрудничать с режимом маршала Петена¹⁰. Тот факт, что французский президент во время войны сотрудничал с профашистским режимом до конца 1942 г., долгое время им тщательно скрывался. В 1943 г. он даже получил орден «Франциск», который присуждался за особые заслуги при режиме Петена. Этот факт особо муссировался политической оппозицией Миттеррана, сам же президент и его окружение придерживались позиции, что на самом деле работа Франсуа Миттеррана на режим Петена была лишь прикрытием, а на самом деле он был участником французского движения Сопротивления, хотя его отношение к лидеру «свободной Франции» генералу де Голлю было достаточно натянутым. Это не помешало Франсуа Миттеррану быстро встать в главенствующие ряды французской организации по делам военнопленных («Mouvement national des Prisonniers»), которая высоко ценилась де Голлем. К моменту окончания войны образ Германии в речах Миттеррана изменился – теперь Германия превратилась в страну-варвара, которая истязает военнопленных; слова обвинения часто звучали в его высказываниях, от прежней «романтической Германии» не осталось и следа¹¹.

В 1947 г. Франсуа Миттерран становится министром по делам участников войны, в 1950 г. – министром по делам заморских территорий. В период Четвертой Республики он суммарно занимал в различное время 11 постов министра, в частности, в 1954–1955 гг. был министром внутренних дел, в 1956–1957 гг. – министром

юстиции. С окончанием Второй мировой войны тема Германии становится для молодого министра не столь важной, нежели раньше. Контакты с немецким соседом проходили реже и носили скорее случайный характер. Политика Франции по отношению к Германии в послевоенные годы в первую очередь характеризуется высокой потребностью в безопасности против возможной будущей агрессии соседа. В долгосрочной перспективе политической целью было устранение Германии как политической и экономической державы и одновременно с этим восстановление этих позиций у Франции. Реализация данных планов под руководством Шарля де Голля проходила в виде запретов и ограничений: Германия должна была быть расчлененной географически и политически, демилитаризованной, а возросшая политическая мощь Франции должна была контролировать своего немецкого соседа¹².

Как и многие французские послевоенные политики, Миттеран акцентировал свое внимание на текущих событиях в Германии и в целом в Европе, главным образом на той роли, какую Франция будет играть в этих событиях. Обретение национальной независимости и восстановление былого величия страны предоставили ей право считать себя одним из крупных международных акторов. Вскоре, однако, набирающий обороты конфликт между Востоком и Западом дал понять, что самостоятельная и единоличная французская политика в отношении Германии не представлялась возможной. Угроза перед мощью Советского Союза оказалась сильнее страха перед возможным возрождением мощи Германии, и французское правительство в силу собственной экономической слабости не видело альтернативы, кроме как пойти на партнерство с вновь созданной Федеративной Республикой. А разделение Германии на ФРГ и ГДР окончательно сцементировало это решение. Франсуа Миттеран, стоящий у истоков создания Европейского союза, видел во франко-германском примирении неотъемлемую основу для объединения Европы в единую конфедерацию, однако вариант создания особого союза Франции и ФРГ на базе Елисейского договора (договор о дружбе и сотрудничестве от 22 января 1963 г.) методично отвергался им вплоть до избрания президентом. По мнению Франсуа Миттерана, новая Европа должна быть единой конфедерацией, состоящей из равноправных партнеров, и по этой причине он не видит места для «особого альянса» между Германией и Францией, который угрожал бы остальным европейским странам¹³. В последующие годы Миттеран с озабоченностью отмечал продолжающийся рост Федеративной Республики Германии как мощной европейской державы. Процветающая

экономика, успешная «восточная политика» и политика разрядки в системе международных отношений лишь подчеркивали этот статус. Этот факт заставляет оппозиционного политика (Миттеран проиграл президентские выборы 1965 г. Шарлю де Голлю, в 1974 г. – Жискару д'Эстену) прийти к выводу, что Германия является важным геополитическим фактором в Европе и что без нее Европа не сумеет объединиться¹⁴.

В целом стоит отметить, что Миттеран в годы оппозиции старался дистанцироваться от эмоционального выражения своей точки зрения по поводу немецкой внешней политики, однако достаточно хорошо разбирался в ее тонкостях, доверял бундесканцлеру Вилли Брандту и верил в стабильность СДПГ. Также он не верил, что немцы смогут смириться с разъединением своей страны. Франсуа Миттеран часто говорил, что Германия имеет право на самоопределение. Одновременно с этим он не скрывал своей критической позиции по отношению к «немецкому вопросу». Он говорил: «Принимая во внимание все политическое, историческое и моральное значение для немцев факта объединения Германии, я все же считаю, что, исходя из соображений европейского равновесия, объединение Германии не представляется ни желательным, ни возможным»¹⁵.

10 мая 1981 г. Франсуа Миттеран был избран президентом Франции, набрав 51,76% голосов. Правительство было сформировано из преобладающего числа социалистов и коммунистов. Новая направленность внутренней политики требовала и нового определения внешнеполитической линии. Учитывая новый политический статус, контакты Миттерана с немецким соседом стали проходить чаще и интенсивнее. Во время многочисленных поездок он лучше узнал Германию, а когда 1 октября 1982 г. Гельмут Коль был избран бундесканцлером ФРГ, эти встречи и контакты стали носить еще и личный характер. Однако вопрос о германском объединении все еще стоял открытым.

Как было сказано выше, позиция Франции по немецкому вопросу основывалась на двух постулатах: во-первых, разъединение Германии на два самостоятельных государства гарантировало безопасность Франции и ее лидирующие позиции в Европе. Так, в 1987 г. бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт в разговоре с сотрудниками Миттерана сказал: «Надо понимать, чего в глубине души желают французы. Какое представление они имеют о Германии. Они в первую очередь хотят стать духовной и культурной ведущей нацией в мире»¹⁶. Во-вторых, франко-германского экономического партнерства до сих пор хватало, чтобы обеспечить нормальное

функционирование Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и глубокую интеграцию ФРГ в Западную Европу. Таким образом, риск реверса Германии в сторону Восточной Германии и ГДР минимизировался¹⁷.

Франсуа Миттеран считал, что тесные связи Германии и Франции и наличие общих целей имеют большое значение. Однако в декабре 1985 г. на совещании кабинета министров он вынужден был сказать: «Я не знаю, чего хочет Германия. Германия сильно тяготеет к США»¹⁸. Лидер Французской Республики понимал, что внешнеполитические приоритеты ФРГ находятся не на стороне Франции. Французское руководство было обеспокоено возможным нейтралитетом Германии во внешней политике, который мог быть вызван прессингом со стороны советской администрации или какими-либо послаблениями в германском вопросе¹⁹. Отсюда следующий парадокс: Франция опасалась как сильной, так и слабой Германии. Французский лидер ориентировался на сохранение статус-кво в европейской политике и делал акцент на привилегированном статусе германо-французских отношений. Простое осознание того факта, что экономический потенциал может превратиться в политическую слабость, делало эти опасения относительными²⁰. В годы президентства Франсуа Миттерана делались регулярные публичные заявления, подчеркивающие особые франко-германские дружеские отношения²¹. Такая стратегия, помимо всего прочего, позволяла предотвращать возможные попытки со стороны Советского Союза внести разлад в отношения между Францией и ФРГ²². Таким образом, мы приходим к выводу, что тактика Франсуа Миттерана на первых порах разрешения немецкого вопроса состояла в том, чтобы в рамках Елисейского договора интенсифицировать взаимодействие двух стран и эту энергию направить в русло Европейского союза.

Первоочередной целью было восстановление военного равновесия. В этом контексте показательна помпезная речь французского президента перед немецким Бундестагом по случаю празднования 20-летия со дня подписания Елисейского договора 20 января 1983 г. В ней Франсуа Миттеран недвусмысленно высказывался в пользу «довооружения» Германии и тем самым выразил негласное одобрение американскому военному присутствию в Европе и в Германии в частности. Здесь необходимо вспомнить, что именно Миттеран в прошлом упорно отвергал Елисейский договор, как некую форму привилегированного партнерства. Теперь же он взывал к солидарности и плодотворной работе в вопросах безопасности и обороны как на европейском, так и на двустороннем уровне²³.

Еще один эффективный способ теснее привязать ФРГ к Франции состоял в том, чтобы публично и регулярно говорить о проблемах суверенитета Германии и вопросе национальной идентичности. В речи перед Бундестагом Франсуа Миттеран употребил словосочетание «великий германский народ», обращаясь к депутатам со следующими словами: «Я жил в оккупированной Франции и сам лично прекрасно понимаю, что чувствуют немцы, разделенные на два государства»²⁴. В этих словах ощущается сочувствие и понимание исторической ситуации, сложившейся в Германии. Однако эти слова отнюдь не означали усиленные попытки содействовать скорейшему объединению Германии, а скорее расширению сферы влияния Франции, в особенности в восточном направлении²⁵.

События в Центральной и Восточной Европе во второй половине 80-х гг. вынудили Франсуа Миттерана изменить свою позицию. 26 октября 1988 г. он выразил точку зрения, что отныне считает необходимым активно включиться в так называемую восточную политику²⁶. Он намеревался в ближайшие месяцы объездить фактически все восточноевропейские страны. И он действительно осуществил свои намерения, включая одну из наиболее неоднозначных поездок из этого длинного списка – рабочий визит 20–22 декабря 1989 г. в ГДР.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что, несмотря на интенсивные попытки вывести «восточную политику» на качественно более высокий уровень и интенсифицировать плодотворную кооперацию Германии и Франции в области внешней политики и обороны, в германо-французских сношениях не существовало сценария развития взаимоотношений «по ту сторону Ялты», т. е. в Елисейском дворце не знали, как будет развиваться система международных отношений в случае объединения Германии и краха ОВД. Франция опасалась предпринимать любые шаги в области разрешения немецкого вопроса и при этом болезненно реагировала, если изменения происходили без ее участия. Все эти выводы легко прослеживаются в высказываниях Франсуа Миттерана от 24 ноября 1983 г.: «Мы не сможем построить новую систему безопасности на руинах прежней. Я часто выражал желание изменить Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, но я не хочу, чтобы тяжелые обломки этой системы, будучи разрушенными, нас раздавили. Следовательно, мы должны крайне осторожно продвигаться вперед, чтобы стены, вдоль которых мы идем, не рухнули на нас»²⁷.

Отсутствие единой стратегии станет особенно болезненным на рубеже 1989–1990 гг. Несогласованность европейской политики,

разница в видении процесса укрепления и систематизации Европейского союза являлись основными политическими проблемами. Эти разногласия углубляли раскол между Францией и Германией, между Франсуа Миттераном и Гельмутом Коелем.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Sauzay B., Thadden R.* Mitterrand und die Deutschen. Göttingen: Wallstein Verlag, 1998. S. 45.
- ² Цит. по: *Bender K.-H.* Mitterrand und die Deutschen (1938–1995) oder die Wiedervereinigung der Karolinger. Bonn: Bouvier, 1995. S. 17.
- ³ *Münchhausen Th. von.* Ein Leben für Frankreich, Europa und die deutsch-französische Freundschaft // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1996. 9 Januar.
- ⁴ *Sauzay B., Thadden R.* Op. cit. S. 10.
- ⁵ Произведение Мадам де Стаэль «О Германии» (De l'Allemagne) впервые было издано в 1810 г. во Франции, однако было запрещено и уничтожено по указу Наполеона Бонапарта, было переиздано в Лондоне в 1813 г. и имело огромный успех в среде французской интеллигенции.
- ⁶ *Guerin-Sendelbach V.* Frankreich und das vereingete Deutschland. Interessen und Perzeptionen im Spannungsfeld. Opladen: Schriften des Forschungsinstituts der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik, 1999. S. 20.
- ⁷ *Mitterrand F.* Politique I. P.: Fayard, 1977. P. 3.
- ⁸ Ibid. P. 6.
- ⁹ Ibid. P. 11.
- ¹⁰ *Mitterrand F.* Mémoires interrompus. P.: Odile Jacob. P. 103.
- ¹¹ *Bruck E.* François Mitterrands Deutschlandbild. Perception und Politik im Spannungsfeld deutschland-, europa- und sicherheitspolitischer Entscheidungen 1989–1992. Frankfurt a/M: P. Lang, 2003. S. 64.
- ¹² *Ziebur G.* Die deutsch-französischen Beziehungen, 1945–1995: Mythen und Realitäten. Stuttgart: P. McCarthy, 1997. S. 49.
- ¹³ *Mitterrand F.* Op. cit. P. 447.
- ¹⁴ *Bruck E.* Op. cit. S. 75.
- ¹⁵ Ibid. S. 83.
- ¹⁶ Цит. по: *Schabert T.* Wie Weltgeschichte gemacht wird. Frankreich und die deutsche Einheit. Stuttgart: Klett-Cotta Verlag, 2002. S. 96.
- ¹⁷ *Guerin-Sendelbach V.* Op. cit. S. 37.
- ¹⁸ *Schabert T.* Op. cit. S. 51.
- ¹⁹ *Bruck E.* Op. cit. S. 88.
- ²⁰ *Weisenfeld E.* Welches Deutschland soll es sein? Frankreich und die deutsche Einheit seit 1945. München: Beck, 1986. S. 153.
- ²¹ Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 1982. № 19.

²² *Weisenfeld E.* Op. cit. S. 137.

²³ *Mitterrand F.* *Réflexions sur la politique extérieure de la France.* P.: Fayard, 1986. P. 183–208.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Guerin-Sendelbach V.* Op. cit. S. 69.

²⁶ *Schabert T.* Op. cit. S. 59.

²⁷ *Ehrhardt H.-G.* *Die "deutsche Frage" aus französischer Sicht (1981–1987). Frankreich zwischen deutschlandpolitischen Befürchtungen, sicherheitspolitischen Nöten und europäischen Hoffnungen.* München, 1988. S. 158.

РОЛЬ ИСЛАМА
В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
В МОНАРХИЯХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

В статье рассмотрены некоторые особенности формирования государственных и общественных институтов в монархиях Персидского залива, в частности воздействие ислама и шариата на конституционное строительство; а также сделана попытка оценить перспективы демократизации в регионе.

Ключевые слова: ислам, шариат, институты власти, конституционное развитие, консультативные советы.

70–80-е годы XX столетия ознаменовались ростом исламского самосознания, исламизацией всех сторон жизни не только в отдельных арабских странах, но и в регионе Персидского залива в целом. У той волны исламизации был ряд глубинных причин политического, экономического и идеологического характера. Со времени обретения независимости во многих арабских странах сохранялись острые экономические проблемы: незавершенность модернизации, отсутствие сильной национальной буржуазии, низкий уровень жизни, существование значительной доли населения, живущего ниже официальной черты бедности, углубление пропасти между богатыми и бедными. Многие сельские жители в поисках лучшей жизни хлынули в города, которые не могли переварить избыточное предложение рабочей силы, что стало причиной образования большой прослойки люмпен-маргиналов. В этот же исторический период мировая социалистическая система переживает кризис и распад, а народы арабского Востока разочаровываются в идеях арабского национализма (неспособность решить внутренние проблемы, ряд унижительных поражений в арабо-израильских кон-

фликтах, нерешенность палестинской проблемы). Определенным импульсом к усилению исламского фактора стала Исламская революция в Иране¹.

Новый толчок к исламизации региона был получен в ходе судьбоносных событий «арабской весны», когда после свержения светских режимов в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене на парламентских выборах в ряде стран победили партии, придерживающиеся взглядов политического ислама. Это стало свидетельством роста популярности исламских движений и партий, дающих свой ответ на современные вызовы, исходящие от западной цивилизации.

До настоящего времени ислам остается политико-идеологической основой государственного строительства в арабских монархиях, фактором стабилизации политической системы, упрочения и легитимации политической власти монарха. При этом ислам порождает и противоречия во многих сферах общественно-политической жизни.

На базе ислама выстроены общественно-политические и государственно-правовые отношения. Коран и законы шариата регламентируют не только поведение мусульманина, но в большей или меньшей степени определяют и правовые нормы конституционных актов и светского законодательства вообще. Специальные разделы мусульманского права регулируют семейно-брачные отношения, гражданское и процессуальное право.

Традиционная исламская политическая концепция исходит из того, что суверенитет принадлежит Богу, а не людям, поэтому задачей верховной власти мусульманского государства является защита исламской веры, реализация всех предписаний ислама, утверждение «мусульманского образа жизни», при этом право людей устанавливать законы ограничивается шариатом².

В отличие от западной концепции власти, сущностной чертой которой является защита прав человека от посягательств со стороны государства, ислам рассматривает власть как институт, основанный на шариате и играющий ключевую роль в претворении предписаний шариата в отношении функционирования системы органов государственной власти, а также в трактовке прав и свобод человека.

Во всех мусульманских монархиях государственной религией является ислам. Так, например, в статье 1 Основ системы власти Саудовской Аравии сказано: «Королевство Саудовская Аравия – суверенное арабское государство. Его религия – ислам, Конституция – книга Всевышнего Аллаха, сунна его Пророка, да благословит его Аллах и приветствует»³. Таким образом, в КСА

ислам – не только государственная религия, но и основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, порядок их образования и деятельности, права и обязанности подданных. Декларирование Корана и сунны в качестве конституции автоматически превращает шариат в источник судопроизводства. В Основах системы власти подчеркивается, что шариат является «исключительным источником» для суда, что на конституционном уровне исключает возможность прибегать к другим источникам права. Фактически их не должно существовать⁴.

Во всех исламских монархиях в сфере личного и семейного права действуют шариатские суды. Важным проявлением действия религиозного фактора в этих странах является запрет деятельности в некоторых странах политических партий, подрывающих единство мусульманской Уммы.

И все же шариат, сколь ни богат он правовыми нормами, не в состоянии перекрыть все правовое поле в условиях меняющегося мира. Поэтому в конституциях ряда государств Персидского залива декларируется, что шариат является «главным», «фундаментальным» источником законодательства. Это допускает существование иных, «неглавных» источников и создает возможность регулирования вопросов за пределами шариата и, соответственно, предпосылки для размывания исламских правовых канонов⁵.

Показателен институт верховного муфтия, существующий в Саудовской Аравии и Омане. Если в Саудовской Аравии он необходим, чтобы убедить подданных и мусульманское сообщество в целом в канонической приверженности «Хранителя двух мусульманских святынь»⁶ суннитской традиции, то в Омане – для придания большей легитимности власти, при которой воссоединились внутренний и прибрежный Оман. В обеих странах Верховный муфтий назначается главой государства, подконтролен ему и в значительной мере является проводником его воли.

В странах Залива основным каналом государственного регулирования деятельности исламских учреждений и обеспечения их лояльности служит министерство вакуфов и исламских дел.

Важнейшим институтом принуждения населения к исполнению всех мусульманских предписаний является так называемый комитет дозволения добра и воспреещения зла, работающий практически во всех населенных пунктах Саудовской Аравии. Конституционной базой этого института является статья 23 Основ системы власти, которая гласит: «Государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием

греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама»⁷.

Согласно указу короля Халеда (1979 г.) комитет является государственным органом при Совете министров, возглавляет комитет должностное лицо в ранге министра. К основным обязанностям относятся надзор за соблюдением основных принципов шариата всеми слоями общества, недопущение дурных поступков и привычек, а также разного рода новшеств, идущих вразрез с шариатом⁸.

Принципы ислама закреплены во всех конституциях арабских монархий, ислам декларируется в качестве основы деятельности высших органов власти. Прежде всего это относится к институту главы государства, для которого мусульманское вероисповедание является обязательным.

Чтобы глубже понять отличия современной западной концепции власти от исламской, следует рассмотреть природу закона и власти, функции и сферу полномочий государств арабского Востока. Как правило, для мусульманина закон – важная составная часть религии, и без понимания закона нет понимания религии. Закон не является творением человека, он получен в виде божественного откровения, поэтому закон во всех его аспектах имеет божественное происхождение, а значит, закон нельзя объявить утратившим силу, исправить или дополнить. Власть закона абсолютна, она распространяется на все стороны жизни, поэтому согласно исламской концепции в государстве не может быть законодательного органа власти, ибо только Всевышний вправе устанавливать законы⁹.

Официально в монархиях Залива отсутствуют законодательные органы, а их некоторое подобие функционирует по принципу «шура», т. е. как совещательный орган, в котором представлены ученые, писатели, крупные бизнесмены и члены королевской семьи.

С 1993 г. указом короля Саудовской Аравии был создан Консультативный совет. Консультативный совет призван разрабатывать рекомендации правительству по вопросам социально-экономического развития страны, готовить заключения по различным правовым актам и международным соглашениям. Все решения, доклады и рекомендации Совета представляются непосредственно королю и председателю Совета министров для рассмотрения. Если точка зрения обоих советов совпадает, решение принимается с согласия короля; если же не совпадает, король решает, какой вариант принять. Несмотря на определенные возможности, функции Совета ограничены, он не может осуществлять законодательную деятельность.

В прочих монархиях подобные советы действуют по тому же принципу и выполняют те же функции, отличаясь лишь названиями органа и способом формирования. Например, в ОАЭ в силу своеобразия государственной системы, сочетающей элементы федеративной республики и монархии, законодательная власть представлена федеральным Национальным советом, в состав которого входят представители каждого эмирата. Число представителей зависит от численности населения, политической и экономической ситуации в эмирате. Согласно статье 69 конституции ОАЭ, каждый эмират вправе выбирать собственный метод избрания членов Национального совета¹⁰. Вместе с тем каждый член Совета считается представителем народа всего союза эмиратов, а не эмирата, представителем которого он является (статья 77).

Национальный совет, являясь основным законодательным органом ОАЭ, лишен всей полноты законодательной власти. Он не обладает правом законодательной инициативы, но вправе обсуждать законы, предлагаемые Советом министров, и вносить по своему усмотрению поправки и дополнения. При этом за ним закреплено право вето на законопроекты.

Из всех государств Персидского залива, пожалуй, самый либеральный режим сформирован в Кувейте. Однопалатный Национальный совет Кувейта помимо совещательных полномочий может выполнять функции законодателя. Однако на формирование Совета существенно влияет ограничение: избирательным правом пользуются только грамотные подданные и только мужского пола. Фактически в выборах может принять участие около 10% населения страны. Несмотря на то что в Национальный совет избирались лояльные к монарху лица, Совет позволял себе критиковать действия правительства по основным вопросам внутренней и внешней политики, поэтому эмир своими декретами в 1976 и 1986 гг. распускал Совет, причем в последний раз работа Совета возобновилась только в 1992 г.¹¹

Как известно, по мере развития товарно-денежных отношений и накопления капитала от продажи углеводородов многие нефтедобывающие государства региона стали обладателями колоссальных финансовых ресурсов. Исламский фактор проявился в сфере кредитно-денежных отношений, например в принципе «риба» – отказе от взимания ссудного ростовщического процента.

Во второй половине XX в. во многих мусульманских странах появились кредитно-банковские учреждения, функционирующие по нормам шариата. А в 1975 г. участники Организации Исламская конференция учредили Исламский банк развития, задачей

которого стала координация кредитно-денежных отношений, финансирование проектов социально-экономического развития стран-участниц. Банк стал неким центральным банком для кредитных организаций, функционирующих в согласии с принципами шариата. Так был найден способ гибко приспособить религиозную традицию к капиталистическому финансовому хозяйству¹².

Запрет на *riba* основан на представлениях ислама о социальной справедливости. Поскольку ростовщик, предоставляя ссуду, не участвует в прямой хозяйственной деятельности, не подвергается коммерческому риску, но получает ссудный процент, шариат считает это нарушением социальной справедливости.

В то же время шариат позволяет переуплощение ссудного капитала, а именно ссудный капитал может выполнять (как правило, в партнерстве при разделении рисков между сторонами) функции торгового и предпринимательского капитала в рамках участия («мушарака») и его производных («мудароба» и «мурабаха») ¹³. Полученную прибыль стороны делят в соответствии с размером пая каждого участника.

Так на деле произошло совмещение принципов ислама с современным капиталистическим способом производства, что позволило формировать промышленный и инвестиционный капитал.

Некоторые ученые утверждают, что, по сути, демократия несовместима с принципами ислама¹⁴. Они утверждают, что ислам требует от законной политической власти полного подчинения Богу. В самом деле, многие исламские движения (в частности, салафиты) являются сторонниками авторитаризма, их цель – возродить автократический Халифат, раннюю форму исламской государственности¹⁵.

По этому вопросу, как и по ряду других, среди исламских мыслителей существуют различные мнения. Большинство ученых согласны, что шариат первоначально был разработан для ограничения власти правителя, что гарантировало подданным различные права и свободы¹⁶. В некоторых местах Корана сказано, что политические лидеры должны регулярно советоваться по различным вопросам со своими последователями. Лидеры большинства исламских движений формально являются представителями национальных советов, что отнюдь не делает их диктаторами. Таким образом, в религиозных доктринах уже разработаны положения, предполагающие некоторые формы демократии¹⁷.

С учетом социокультурных, исторических и других факторов перспектива демократизации стран арабского Востока, в частности монархий Персидского залива, на первый взгляд довольно туман-

на. Распространение демократии действительно довольно редкое явление в арабских странах. И все же, на наш взгляд, отсутствие процесса демократизации в арабских странах прежде всего связано с огромными месторождениями нефти, а не с особенностями культуры или религии.

В последние годы исследователи, изучающие мусульманский мир, разрабатывают теорию «государства-рантье». Согласно этой теории страны – обладатели крупных финансовых ресурсов от продажи нефти характеризуются тенденцией к сохранению авторитарной формы правления¹⁸. Государства, получающие огромные доходы от продажи нефти, газа и других сырьевых ресурсов, как правило, не нуждаются в налогообложении своих граждан. Граждане нефтедобывающих стран зависимы от государственных субсидий и рабочих мест, гарантированных правительством, следовательно, позиции гражданского общества в этих странах уязвимы. Безусловно, эта тенденция ярко выражена среди нефтедобывающих стран Персидского залива, где демократические институты не успели сформироваться до того, как в страну потекли нефтяные богатства¹⁹.

Хотя мы являемся свидетелями исторически высоких цен на мировом рынке, в перспективе ценность углеводородов будет снижаться. Это связано и с исчерпанием мировых запасов «черного золота», и с постепенным переходом на альтернативные источники энергии²⁰. Глобальные изменения в этом отношении могут заметно ускорить формирование базы для демократизации, преодоления «голландской болезни»²¹ или «ресурсного проклятия»²².

Итак, мы видим, что развитие государственных институтов и законодательства в монархиях Залива (как и на Ближнем Востоке в целом) основано на соблюдении исламских принципов. В настоящее время мы являемся свидетелями роста исламского самосознания, мусульманская религия укрепляет свои позиции во всех сферах жизни общества, что находит свое отражение во внутренней и внешней политике. При этом остается нерешенной коллизия «мирского» и «священного» закона. Шариат не в состоянии перекрыть все правовое поле в условиях меняющегося мира, и от того, как с этой проблемой справятся монархии Персидского залива, зависит успех формирования гражданского общества в странах региона, успех глобальной политической и экономической модернизации в XXI столетии.

- ¹ *Sadowski Y.* Political Islam: Asking the Wrong Questions? // Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9. P. 215–240.
- ² Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. 2-е изд. М., 2007. С. 158.
- ³ Основной Низам (положение) Королевства Саудовская Аравия [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/86> (дата обращения: 09.05.2013).
- ⁴ *Александров И.А.* Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: Дело и Сервис, 2000. С. 204–206.
- ⁵ Там же. С. 206.
- ⁶ На территории КСА находятся две почитаемые мусульманами святыни: Кааба – гранитный куб с черным камнем внутри, находится во внутреннем дворе Заповедной Мечети в Мекке, является одним из основных мест паломничества мусульман; Медина – второй священный город ислама после Мекки. В Медине находится мечеть пророка Мухаммеда, известная как Масджид ан-Набави.
- ⁷ *Сапронова М.А.* Арабский Восток: власть и конституции. М.: МГИМО, 2001. С. 17.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Бернард Л.* Ислам и Запад. М., 2003. С. 74.
- ¹⁰ Конституция ОАЭ [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/89> (дата обращения: 09.05.2013).
- ¹¹ Политические системы и политические культуры Востока. С. 207–208.
- ¹² Арабский мир: Три десятилетия независимого развития / Отв. ред. В.А. Исаев, В.В. Наумкин. М.: Наука, 1990. С. 125–126.
- ¹³ Там же. С. 126.
- ¹⁴ См.: *Kedourie E.* Democracy and Arab Political Culture. L.: Frank Press, 1994.
- ¹⁵ *Sadowski Y.* Op. cit. P. 215–240.
- ¹⁶ См.: *Peletz M.* Islamic Modern: Religious Courts and Cultural Politics in Malaysia. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2002.
- ¹⁷ См.: *Hefner R.* Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2004.
- ¹⁸ *Ross M.* Does oil hinder democracy? // World Politics. 2001. Vol. 53. № 3. P. 325–361.
- ¹⁹ *Bayulgen O.* Foreign investment, oil curse, and democratization: a comparison of Azerbaijan and Russia [Электронный ресурс] // Business and Politics. 2005. Vol. 7. Issue 1.
- ²⁰ *Sadowski Y.* Op. cit. P. 215–240.

- ²¹ «Голландская болезнь» – негативный эффект, оказываемый укреплением реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в добывающем секторе. Бум может быть вызван открытием месторождений полезных ископаемых или ростом цен на экспорт добывающих отраслей. См.: *Шмыкова С.В.* Голландская болезнь (Dutch Disease) [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19278955/> (дата обращения: 09.05.2013).
- ²² *Auty R.M.* Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. L.: Routledge, 1993.

КИТАЙ – ПАРТНЕР ИЛИ КОНКУРЕНТ

Китай и Россия в последнее время находят много точек соприкосновения – это и потенциальная возможность совместного участия в транспортно-энергетических проектах, и обеспечение региональной безопасности, и возможность совместного противостояния американскому «гегемонизму». Каковы причины, побуждающие Китай к развитию сотрудничества с Россией? Статья раскрывает возможные движущие силы сотрудничества Китая и ЕврАзЭС, Китая и России.

Ключевые слова: Китай, ЕврАзЭС, Центрально-Азиатский регион, Россия, энергетическое партнерство, политический союзник.

Отношения Китая с ЕврАзЭС строятся на основе стратегии Китая в Евразии, охватывающей не только российско-китайские отношения, отношения Китая со странами Центральной Азии, но и энергетические и коммуникационные проекты КНР во внутренней Евразии, участие Пекина в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), проблемы безопасности и борьбы с терроризмом¹.

Именно совокупность указанных факторов определяет каждый шаг Китая при взаимодействии с ЕврАзЭС и Россией. Разберем подробнее складывающиеся отношения между рассматриваемыми акторами.

В первую очередь следует отметить, что данные взаимоотношения первоначально определялись двусторонним взаимодействием Китая с Россией и непосредственно со странами Центральной Азии.

Интересы Китая в Центральной Азии, по мнению ряда китайских политологов, во многом связаны с обеспечением региональ-

ной безопасности: Пекин стремится обуздать сепаратистские силы «Восточного Туркестана» и сохранить Центральную Азию в качестве стабильного в стратегическом плане тыла².

Характер взаимодействия Китая в экономической сфере со странами Центральной Азии строится на двух определяющих факторах: это стремительный рост промышленного производства, обеспечивающий модернизацию технологической базы и требующий все новых рынков сбыта, который, в свою очередь, порождает рост потребности в импорте нефти и газа и обуславливает возрастание зависимости Китая от энергоносителей.

Первый фактор обуславливает потребности Китая (в любом приемлемом для него формате) в экономической интеграции со странами Центральной Азии, которые ввиду слабого развития своей обрабатывающей промышленности не могут противостоять товарной экспансии Китая. Правительства стран Центральной Азии понимают обострение этой проблемы, однако не могут противостоять давлению сильного партнера. Как известно, одной из насущных проблем стран Центральной Азии является их транспортная закрытость и ее несовершенная логистика. Китай же финансирует проекты по строительству транспортных магистралей в Центральной Азии, естественно, также выгодных и ему.

Стремительный экономический рост Китая определяет необходимость поиска выгодных со всех позиций поставщиков энергоносителей. В связи с этим энергетическая политика Китая направлена на подключение энергетических ресурсов Центральной Азии к обслуживанию его собственных потребностей. КНР стремится диверсифицировать своих поставщиков энергоносителей и маршруты их поставок. Поиск альтернативных поставок нефти и газа с традиционно нестабильного Ближнего Востока является важной задачей, а Центральная Азия в этих условиях представляется более надежным поставщиком с точки зрения безопасности маршрутов доставки углеводородов.

Кроме того, наполнение экономического взаимодействия Китая со странами Центральной Азии и Россией связано со взаимодополняемостью (экономической и транспортной) их экономик³.

Именно ориентация на мировом рынке до последнего времени многих стран Центральной Азии и России на поставку энергоносителей вынуждает их позиционировать себя как сырьевых поставщиков, а не поставщиков товаров глубокой переработки в отличие от Китая. Это, в свою очередь, неизбежно закрепляет их в качестве сырьевого придатка Китая.

Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и некоторые области России не имеют выхода к морю и, соответственно, не располагают прямым выходом к мировым внешнеторговым потокам, и для них приграничное сотрудничество, как и налаживание трансграничных транспортных коридоров к открытым торговым путям через территорию соседей не имеет альтернатив.

У Китая в этой связи появляется интерес к России и соседствующей с ней Беларуси (а значит, к ЕврАзЭС в целом, где они присутствуют в тандеме) с точки зрения возможности использования их транзитного потенциала для организации сухопутного грузопотока с ЕС. Хотя на сегодня этот поток с экономической точки зрения менее выгоден для Китая, чем морской путь через Суэцкий канал, но в этом случае значительно сокращается время товаров в пути (в 4–5 раз), а также повышается уровень безопасности.

При успешном сотрудничестве с Евразийским союзом Китай сможет использовать безопасную Транссибирскую магистраль, Северный морской путь, проходимость которого может улучшиться в результате таяния льдов, а также более короткий путь поставок в Европу из Северо-Восточной Азии⁴. В перспективе транзитные способности Транссиба могут быть восстановлены в полной мере и расширены подключением Байкало-Амурской магистрали, недостающей инфраструктуры, уже строящейся и Россией, и ЕС, и Китаем⁵. Этот факт является важным аргументом для сближения Китая с Евразийским союзом.

Однако во многом интересы Российской Федерации не совпадают с интересами Китая: ведь для нее также важно сохранить поставки ресурсов из Центральной Азии, принимать участие в проектах, ориентированных на восток, для поддержания своего влияния в регионе и получения доступа в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Именно для поддержания своего влияния в Центрально-Азиатском регионе Россия, на опережение, выступила партнером в ШОС. Кроме того, активизация Китая по налаживанию двусторонних отношений со странами Центрально-Азиатского региона, особенно в части энергетического сотрудничества, буквально вынудила Россию к ответному шагу – проявить инициативу по созданию энергетического клуба в рамках ШОС, чтобы не остаться «за бортом» и участвовать в совместных транспортно-энергетических проектах.

Ведь Центрально-Азиатский регион – один из важнейших путей, по которому пойдут поставки энергоносителей с Ближнего Востока и Каспийского бассейна прежде всего в Китай и Индию⁶. Не исключена идея строительства системы магистральных газо- и нефтепро-

водов между крупнейшими мировыми производителями углеводородов (Ближний Восток и Иран) и наиболее динамично развивающимися регионами мира (Китай и страны АТР) с возможностью ответвления в сторону Европы⁷. Строительство Евразийского транспортно-энергетического моста может послужить компромиссом в сфере энергетических интересов России и Китая, придать импульс промышленному развитию Севера КНР, обеспечить Китай и страны АТР альтернативным и беспрепятственным сухопутным доступом к углеводородным ресурсам Ближнего и Среднего Востока, получить дополнительную гарантию стабильности поставок углеводородов в наиболее динамично развивающиеся страны мира, сделать их менее зависимыми от морских коммуникаций⁸.

Наращивание определенного политического веса ЕврАзЭС, углубление интеграции внутри союза подталкивают Китай перестраивать свой подход в части взаимоотношений со странами Центральной Азии и Россией.

Также следует обратить внимание на следующее обстоятельство: обострение противоречий с США заставляет Китай искать геополитических союзников. На эту роль идеально подходит ЕврАзЭС, который в силу своего географического положения является своеобразным континентальным тылом для Китая, которому предстоит «сражаться» с США на своих морских границах⁹.

Интерес Китая к расположению ЕврАзЭС связан и с его выходом через Беларусь, Калининградскую область и границу с Финляндией на Европейский союз. В свою очередь, со многими странами ЕС Китай ведет успешную работу по «перетягиванию на себя одеяла» в грядущей геополитической борьбе с США: особые успехи достигнуты в отношениях с теми странами из ЕС, для которых возможность доступа их товаров на стремительно растущий рынок Китая является жизненно важной для преодоления экономических и финансовых проблем, связанных с региональным европейским кризисом¹⁰.

Здесь необходимо упомянуть и о ШОС с главенствующей ролью в нем Китая. Многие российские специалисты по Центральной Азии считают, что Китай отводит приоритетную роль при создании ШОС именно антиамериканскому акценту¹¹. Хотя существует и другая сторона медали функционирования ШОС – он является мостом к расширению торгово-экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Не раз подчеркивалось, что Китай в ШОС подталкивает другие страны-участницы союза к переориентации сотрудничества (с военно-политического акцента на экономический), к созданию зоны свободной торговли.

Таким образом, взаимоотношения Китая с ЕврАзЭС необходимо рассматривать в трех аспектах:

- обеспечение региональной безопасности;
- растущая потребность Китая в энергоносителях, которую можно закрыть огромным ресурсным потенциалом ЕврАзЭС;
- перевод существующего грузопотока Китая по Суэцкому каналу при торговом сотрудничестве с ЕС на альтернативные сухопутные и морские пути ЕврАзЭС;
- потребность Китая в приобретении серьезного геополитического союзника для возможного противодействия США.

Несомненно, для ЕврАзЭС тесное сотрудничество с Китаем интересно во многих отношениях: «использование ресурсной уязвимости Китая от отношений с США для упрочения политических отношений и выгодного инвестиционного, логистического и технологического сотрудничества может придать серьезный импульс процессам евразийской интеграции и росту экономик стран-участниц»¹².

«...В 2012 году объем китайских прямых инвестиций в нефинансовые секторы России составил 656 млн дол. при увеличении на 116,2% по сравнению с предыдущим годом. Успешно реализуются крупные проекты сотрудничества в области энергетики, науки и техники, транспорта и др., что обеспечивает устойчивое развитие двусторонних торгово-экономических связей. В 2012 году объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг рекордно высокого уровня – 88,16 млрд дол., увеличившись на 11,2% по сравнению с 2011 годом. При нынешних темпах роста торгового оборота между Китаем и Россией можно считать вполне достижимой поставленную главами двух государств цель двусторонней торговли – довести ее объем к 2015 году до 100 млрд дол., а к 2020-му – до 200 млрд дол.», – по сообщению официального представителя Министерства коммерции КНР Шэнь Даньяна¹³.

При всем этом не следует забывать, что Китай готов создать всевозможную конкуренцию в Центрально-Азиатском регионе. Его роль как союзника сугубо прагматична и связана скорее с созданной внешнеполитической ситуацией, где Россия отвечает на вызовы Китая, а не наоборот.

В этой ситуации исключительно своевременно было принято решение о вынесении на рассмотрение Высшего экономического совета ЕврАзЭС в мае 2013 г. договора о создании Евразийского экономического союза¹⁴.

Дальнейшее повышение уровня консолидации экономик стран-участниц ЕврАзЭС повысит конкурентоспособность созда-

ваемого союза, и прежде всего России, в экономическом соревновании и взаимодействии с таким сильным игроком мировой экономики, каким, несомненно, является Китай.

Примечания

- ¹ *Лаумулин М.Т.* Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Т. 5: Центральная Азия в XXI столетии. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. С. 156.
- ² Там же.
- ³ *Жуков С.В., Резникова О.Б.* Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М., 2009. С. 137.
- ⁴ *Кизима С.А.* Роль Китая в развитии Евразийского союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 193–198.
- ⁵ *Быков А.Н.* Развитие сотрудничества на постсоветском пространстве // Российский внешнеэкономический вестник. 2001. № 12. С. 11–19.
- ⁶ *Игумнов П.В.* Роль международных союзов и объединений Азиатского региона в развитии энергетического сотрудничества России и стран Азии // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1. С. 30–37.
- ⁷ *Парамонов В.* Энергетический клуб ШОС и потенциал Ирана: проблемы и рекомендации [Электронный ресурс] // Время Востока. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/2/230.html> (дата обращения: 22.07.2013).
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Кизима С.А.* Указ. соч.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Смазное И.А.* Евразийство в постсоветской России // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 298–303.
- ¹² *Кизима С.А.* Указ. соч.
- ¹³ Минкоммерции КНР: заметно активизируется инвестиционное сотрудничество между Китаем и Россией [Электронный ресурс] // Russian.news.cn. URL: http://russian.news.cn/economic/2013-03/19/c_132246193.htm (дата обращения: 22.07.2013).
- ¹⁴ Сопровождение с вице-премьерами 18 марта 2013 г.: Стенограмма [Электронный ресурс] // Правительственное Российское Федерация. URL: <http://government.ru/news/820> (дата обращения: 22.07.2013).

Н.А. Араловец

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СНГ В КОНЦЕ XX ВЕКА

В статье на большом фактическом материале рассматриваются факторы и особенности заболеваемости и смертности населения в странах СНГ.

Ключевые слова: население, здоровье, качество жизни, смертность, рождаемость.

Увеличение уровня смертности российского населения в 1990-е гг. было непосредственно связано с резким ухудшением социальных условий жизни в стране. В эти годы наблюдалось быстрое и баснословное обогащение меньшинства и значительное обнищание основной массы населения. Негативную роль в повышении уровня смертности в эти годы играла безработица. Такие условия жизни россиян оказывали негативное влияние на понижение уровня рождаемости: супруги из-за невозможности содержать ребенка нередко отказывались иметь детей.

С 1992 г. в России наблюдалось ежегодное увеличение смертности населения. При этом уровень смертности населения устойчиво превышал рождаемость. Самый высокий показатель смертности россиян был зафиксирован в 1994 г. (‰): 1990 г. – 11,2, 1994 г. – 15,7. Психологическая адаптация населения к новым условиям жизни обусловила понижение уровня смертности населения с 15,0‰ в 1995 г. до 13,6‰ в 1998 г. В последующие годы коэффициент смертности в условиях экономического кризиса 1998 г. вновь повысился (‰): 1999 г. – 14,7, 2000 г. – 15,4¹.

В конце XX в. превышение уровня смертности над рождаемостью было характерно и для некоторых стран СНГ. Наиболее

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 11-01-00110а).

© Араловец Н.А., 2014

высокий показатель смертности населения отмечался в 1999 г. в Украине и Беларуси. В 2000 г. он еще более повысился в Украине, Латвии и Эстонии, а в Беларуси понизился – на 1 тыс. человек населения: в 1999 г. умерло в Беларуси – 14,2, Украине – 14,8, Латвии – 13,5, Эстонии – 12,8; в 2000 г. – соответственно 13,5, 15,3, 13,7, 13,2².

Вместе с тем во многих странах СНГ показатели смертности населения имели тенденцию к понижению и не превышали уровень рождаемости – на 1 тыс. человек населения смертность составляла в Азербайджане в 1995 г. – 6,8, в 1999 г. – 5,9, в 2000 г. – 5,9; в Казахстане – соответственно 10,2, 9,8, 10,0; в Узбекистане – 6,4, 5,3, 5,8; в Таджикистане – 5,9, 4,2, 4,7.

Смертность превышала рождаемость в Венгрии, Болгарии, Румынии, Чехии, Италии. Стабильными были показатели смертности в ведущих европейских странах (%): в Великобритании в 1995 г. – 10,9, 1999 г. – 10,6, 2000 г. – 10,3; во Франции – соответственно 9,1, 9,2, 9,1. В Германии в отличие от Великобритании и Франции уровень смертности был выше рождаемости. Но и здесь показатели смертности имели явную тенденцию к снижению: 1995 г. – 10,8, 1999 г. – 10,4, 2000 г. – 10,1³.

Ожидаемая продолжительность жизни населения России в 1990-е гг. сокращалась. В 1990 г. она составляла в среднем 69 лет, а в 1994 г. снизилась до 64 лет, т. е. сократилась на 5 лет. В последующие годы ожидаемая продолжительность жизни населения повысилась с 64,6 лет в 1995 г. до 65,9 лет в 1999 г.⁴

В странах СНГ самая низкая продолжительность жизни у мужчин в конце 1990-х гг. была в Казахстане (1997 г. – 59 лет, 2000 г. – 60 лет) и в Украине (1996 г. – 62 года, 2000 г. – 62 года). Низкая продолжительность жизни у женщин отмечалась в Туркмении (1991 г. – 69 лет), Казахстане (1997 г. – 70 лет, 2000 г. – 71 год), Молдове (1997 г. – 70 лет), Таджикистане (1995 г. – 71 год, 1997 г. – 71 год)⁵.

В Российской Федерации ожидаемая продолжительность жизни была менее продолжительной, чем во многих зарубежных странах. Если в России в середине 1990-х гг. ожидаемая продолжительность жизни у мужчин – 58,3 лет, женщин – 71,7 лет, то в Великобритании – соответственно 74,1 и 79,3 лет; в Германии – 73,0 и 79,0 лет; во Франции – 74,0 и 82,0 года. Таким образом, в Великобритании ожидаемая продолжительность жизни при рождении была выше, чем в России, у мужчин на 15,8 лет, у женщин на 7,6 лет; в Германии – соответственно на 14,7 и 7,3 лет; во Франции – на 15,7 и 10,3 лет⁶.

Общие показатели смертности у мужчин были выше, чем у женщин. С 1990 по 1994 г. показатели смертности мужского населения ежегодно повышались.

Значительное превышение в 1990-е гг. смертности мужчин над смертностью женщин в большинстве возрастов, в том числе в молодых и трудоспособных, в демографии получило название сверхсмертность мужчин⁷. Высокий уровень мужской смертности в России в трудоспособных возрастах способствовал сокращению продолжительности жизни женщин в браке, а также численному повышению одиноких женщин в средних и пожилых возрастах. Сверхсмертность мужчин в 1990-е гг. была одним из проявлений демографического кризиса в России.

В России и СНГ, как и в западных странах, возрастало, особенно в конце XX в., влияние эндогенных факторов на смертность населения, т. е. факторов, порождаемых внутренним развитием организма человека. Однако из данных статистики виден в этот период высокий уровень смертности от так называемых новых патологий: болезней системы кровообращения, а также новообразований в большинстве случаев онкологического происхождения, в значительной степени связанных с влиянием ухудшавшихся экологических условий. Наряду с этим снижался уровень смертности от ранее распространенных инфекционных и паразитарных заболеваний, а также болезней органов дыхания и пищеварения.

В России и СНГ в 1990-е гг. влияние экзогенных факторов смертности особенно усилилось, что ярко проявлялось в омоложении смертей, прежде всего от болезней системы кровообращения и злокачественных заболеваний, а также в численном росте смертей от несчастных случаев, отравлений и травм, заболеваний органов дыхания и пищеварения, инфекционных болезней. Медики подчеркивали, что основными причинами инвалидности населения были болезни системы кровообращения и злокачественные заболевания, травмы всех локализаций, болезни нервной системы и органов чувств⁸.

Негативную роль в широком распространении этих классов причин смерти играли усиление стрессовых ситуаций, депрессий, связанных с резким изменением в этот период социального статуса большинства населения, разочарованием в идеалах прошлого и утрата прежних ценностей, растерянность перед настоящим и неуверенность в завтрашнем дне, постоянное чувство страха за жизнь и здоровье близких. Кроме того, заметно усилились профессиональные нагрузки у трудоспособных групп населения. Отрицательное влияние на состояние здоровья населения оказывал в целом нездоровый образ жизни.

Значительно выросла заболеваемость населения, в том числе в трудоспособных возрастах, от ишемической болезни сердца, гипертонии и стенокардии, а также от острого инфаркта миокарда. В России на 100 тыс. человек населения умерло от болезней системы кровообращения в 1994 г. 837, в 2000 г. – 849. Самые высокие показатели смертности от этого класса причин смерти отмечались в Украине (на 100 000 человек населения умерло в 1998 г. 561, в 2007 г. – 792), Беларуси (соответственно 1998 г. – 495, 2002 г. – 592), Молдове (1996 г. – 594, 2002 г. – 619), Казахстане (1997 г. – 596, 2002 г. – 713). В странах Европейского союза в отличие от России и СНГ наблюдалось снижение смертности от болезней системы кровообращения: на 100 000 человек населения в 1994 г. смертность составляла 292⁹.

В России отмечалось повышение уровня летальности от онкологических заболеваний: на 100 000 человек населения умерло в 1994 г. 207, в 1997 г. – 202, в 2000 г. – 206. Смертность мужчин от злокачественных новообразований в целом была выше, чем женщин.

Серьезным фактором распространения смертности населения от этих заболеваний была тяжелая экологическая ситуация, прежде всего в крупных промышленных городах. В 1990-е гг., несмотря на свертывание многих производств, экологическая ситуация в России оставалась сложной.

Кроме того, в 1990-е гг. существенно снизилась профилактика рака. Отсутствие диспансеризации населения в эти годы самым негативным образом сказывалось на позднем обращении больных к специалистам. В современных условиях не все больные могли позволить себе дорогостоящее лечение, включая и операционное. Негативно сказывалось на здоровье населения курение. Тем более что коммерческая заинтересованность в производстве и продаже табака и сигарет, активная реклама табака обусловили в 1990-е гг. заметное распространение в обществе курения, в том числе в наиболее молодых возрастных группах населения.

Из данных статистики видно увеличение в 1990-е гг. в России онкологических заболеваний пищевода и желудка. Росла смертность населения от рака дыхательных путей – легких и бронхов. В городах с развитой металлургической, химической и нефтехимической промышленностью и опасным уровнем загрязнения (Медногорск, Норильск, Нижний Тагил, Комсомольск-на-Амуре, Красноярск, Челябинск, Кемерово, Серпухов и др.) наблюдался рост числа онкологических заболеваний органов дыхания. Причем мужчины умирали от этих заболеваний в 2 раза чаще, чем женщины.

ны. Высокие показатели смертности у женщин сохранялись от рака молочной железы и матки.

Онкологические болезни в основном были распространены в пожилых возрастах. В то же время эти заболевания в России регистрировались и у трудоспособного населения. Вместе с тем в этих возрастах, особенно во второй половине 1990-х гг., наблюдалось понижение смертности от этих заболеваний¹⁰.

В странах СНГ уровень смертности населения от онкологических болезней был ниже, чем в России. Наиболее высокий уровень смертности от этих заболеваний был в Украине (на 100 000 человек населения умерло в 1995 г. 197, в 2004 г. – 192) и в Беларуси (соответственно 191 и 190)¹¹.

Смертность от злокачественных новообразований снижалась в европейских странах, например в Великобритании (на 100 000 человек населения умерло в 1997 г. 152, в 2002 г. – 143), в Германии (соответственно 145 и 141), в Италии (в 1995 г., – 145, в 2002 г. – 134), во Франции (в 1996 г. – 147, в 2002 г. – 142)¹².

Изучение ведущих классов причин смерти свидетельствовало о том, что Россия занимала первое место в мире по величине смертности от ишемической болезни сердца, заболеваний сосудов головного мозга, злокачественных опухолей желудка; второе – от дорожно-транспортных травм; третье место – от бронхитов, эмфиземы легких, астмы, а также самоубийств¹³.

Ухудшение не только социальных, но и усиление криминогенных условий жизни в стране вызвало значительное повышение в конце XX в. уровня смертности российского населения от несчастных случаев, отравлений и травм. На 100 000 человек населения умерло в 1990 г. 134, в 1994 г. – 251, в 2000 г. – 219.

Самые высокие показатели смертности населения от внешних факторов в странах СНГ отмечались в Украине (на 100 000 человек населения было умерших в 1995 г. 160, в 2004 г. – 150), Беларуси (соответственно 148 и 168), Казахстане (147 и 147), Молдове (114 и 102). Однако они были ниже общероссийских показателей.

В европейских странах уровень смертности населения от внешних факторов не был высоким и имел тенденцию к снижению. На 100 000 человек населения от внешних факторов умерло в Великобритании в 1997 г. 26, в 2002 г. – 26; в Германии – соответственно 35 и 29, во Франции в 1996 г. – 53, в 2002 г. – 48, в Швеции – 34 и 30¹⁴.

В России в 1990-е гг. наблюдалось увеличение заболеваемости и смертности населения от болезней органов дыхания и пищеварения, инфекционных и паразитарных заболеваний. Это явление было непосредственно связано со снижением уровня медицинского

и медикаментозного обслуживания, а также санитарии и гигиены в российском обществе, ухудшением качества питания большинства населения. Однако уровень смертности населения России был намного ниже, чем от новых патологий.

Данные статистики свидетельствовали о высоком уровне заболеваемости и смертности российского населения в 1990-е гг. от болезней органов дыхания, особенно пневмонии, хронического бронхита и эмфиземы, бронхиальной астмы. Смертность населения от болезней органов дыхания была выше, чем от заболеваний органов пищеварения, а также инфекционных и паразитарных болезней. В России на 100 000 человек населения умерло от болезней органов дыхания в 1990 г. 59, в 1999 г. – 65, в 2000 г. – 71.

Тревожным симптомом было увеличение в конце XX в. смертности от болезней органов дыхания в трудоспособных группах российского населения. Пик смертности в этих возрастах приходился на 1994 г. Наиболее высокий уровень смертности населения от болезней органов дыхания в середине 1990-х гг. был в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, но в начале 2000-х гг. он снизился. На 100 000 человек населения в 1995 г. умерло от этих болезней в Кыргызстане 125, в Таджикистане – 128, в Узбекистане – 105, в начале 2000-х гг. – соответственно 76 (2004 г.), 60 (2000 г.), 55 (2001 г.).

Уровень заболеваемости и смертности населения от болезней органов дыхания в европейских странах снижался. На 100 000 человек от болезней органов дыхания умерло: в Великобритании (1997 г. – 80, 2002 г. – 34), в Германии (1997 г. – 30, 2002 г. – 18), во Франции (1996 г. – 32, 2002 г. – 19), в Швеции (соответственно – 35 и 15)¹⁵.

В 1990-е гг., особенно в условиях распространения в России продовольственных продуктов низкого качества, уровень смертности россиян от болезней органов пищеварения повысился – на 100 000 человек населения от этих заболеваний умерло: 1990 г. – 29, 1995 г. – 46, 2000 г. – 45. Важно также отметить увеличение смертности трудоспособного населения от болезней органов пищеварения.

Повышение показателей смертности от болезней органов пищеварения наблюдалось в большинстве стран СНГ, особенно в Молдове (на 100 000 человек населения умерло от этого класса болезней в 1995 г. – 111, в 2004 г. – 116) и в Украине (1998 г. – 30, 2000 г. – 45, 2004 г. – 59, 2007 г. – 66)¹⁶.

Данные статистики свидетельствовали о повышении в 1990-е гг. уровня смертности российского населения от инфекционных и паразитарных болезней: 1990 г. – 12, 1996 г. – 21, 2000 г. – 25. В струк-

туре инфекционной заболеваемости населения России в эти годы доминировали острые респираторно-вирусные инфекции (90%). Такие болезни, как кишечные инфекции, дифтерит и коклюш, корь и краснуха, вирусный гепатит В и эпидемический паротит, давали от 1,5 до 3%. Среди заболевших этими болезнями были дети в возрасте до 14 лет. Небольшой процент имели вирусный гепатит, педикулез и другие инфекционные болезни.

Среди инфекционных и паразитарных заболеваний взрослого населения наиболее высокий уровень смертности в 1990-е гг. приходился на туберкулез. Это явление особенно видно при сопоставлении с данными 1980-х гг. В России на 100 000 человек населения умерло от туберкулеза в 1989–1991 гг. 9,1, в 1998–2000 гг. – 19,9. Причем значительно выросла в 1990-е гг. заболеваемость населения всеми формами активного туберкулеза. Такое повышение объяснялось существенным понижением качества жизни населения России в 1990-е гг. Одним из факторов увеличения уровня смертности от туберкулеза была мощная, в том числе незаконная, миграция в Россию из стран СНГ. Важно также отметить, что в эти годы появились возбудители туберкулеза, устойчивые к традиционным лекарствам. Отрицательно сказывалось также позднее выявление этого заболевания¹⁷.

Кроме того, уровень смертности российского населения от туберкулеза повысился в трудоспособных возрастах. В России на 100 000 лиц трудоспособного возраста умерло: 1991 г. – 10,1, 1996 г. – 23,7, 2000 г. – 27,8¹⁸.

Аналогичные явления были характерны для населения стран СНГ. Демографы отмечали, что в Казахстане и Молдове в классе причин смерти «инфекционные и паразитарные болезни» на туберкулез легких приходилось 70–80 % случаев смертей, в Армении, Беларуси, России – от 40 до 60, в Украине – 35%¹⁹.

В то же время в странах Европы фиксировались низкие показатели смертности населения от инфекционных и паразитарных болезней. На 100 000 человек населения от этих болезней умерло, например: в Великобритании (1997 г. – 4, 2002 г. – 5), в Германии (соответственно 5 и 8), во Франции (соответственно 6 и 7), в Финляндии (5 и 5), в Швеции (4 и 5)²⁰.

Таким образом, особенность демографической ситуации в России в конце XX в. состояла в увеличении уровня смертности населения, особенно у мужчин трудоспособных возрастов; в снижении ожидаемой продолжительности жизни населения; в повышении коэффициентов смертности по основным классам причин смерти, особенно от травм и отравлений; в омоложении смертей. Важно

отметить, что рост смертности, сопровождавшийся понижением рождаемости, обусловил естественную убыль российского населения и сокращение его численности. Все это свидетельствовало о глубоком демографическом кризисе в России в конце XX в. Аналогичная ситуация была характерна для стран СНГ в целом.

Улучшение демографической ситуации в России в первое десятилетие XXI в. связано с улучшением качества жизни населения и улучшением медицинского обслуживания, а также проведением активной государственной демографической политики. Ее осуществление в России в первое десятилетие XXI в. позволило несколько повысить показатели рождаемости и снизить смертность населения.

Примечания

- ¹ Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 81, 105, 107, 108, 110, 111, 115, 116, 117, 121; *Крутько В.Н., Смирнова Т.М.* Анализ тенденций смертности и продолжительности жизни населения России в конце XX века. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 46.
- ² Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2002. С. 384–387.
- ³ Российский статистический ежегодник. 2001. С. 81; Демографический ежегодник России. 1998: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. С. 386–391; Демографический ежегодник России. 2002. С. 384–388.
- ⁴ Российский статистический ежегодник. 2001. С. 125; Население России. 1996: Четвертый ежегодный демографический доклад. М.: ИНХП РАН, 1997. С. 166; *Крутько В.Н., Смирнова Т.М.* Указ. соч. С. 13.
- ⁵ Демографический ежегодник России. 2002. С. 239–240; Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. М.: Росстат, 2010. С. 757.
- ⁶ Демографический ежегодник России. 1998. С. 101–110, 392–393; Демографический ежегодник России. 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2002. С. 105–106; Российский статистический ежегодник. 2001. С. 125; *Городецкий А.П.* Региональные особенности смертности в России. М.: ИСПИ РАН, 2002. С. 3.
- ⁷ Народонаселение: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 421.
- ⁸ *Акопян А.С., Харченко В.И., Мишиев В.Г.* Состояние здоровья и смертность детей и взрослых репродуктивного возраста в современной России. М., 1999. С. 96.
- ⁹ Российский статистический ежегодник. 2001. С. 126; Российский статистический ежегодник. 2003: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003. С. 658; Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. М.: Росстат, 2008. С. 794; Российский статистический ежегодник. 2010. С. 130, 758; Население России. 2002: Десятый

- ежегодный демографический доклад. М.: КДУ, 2004. С. 80–81; Демографический ежегодник России. 2002. С. 222–225; Демографический ежегодник России. 2008: Стат. сб. М.: Росстат, 2008. С. 273, 282; Население и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств: Стат. сб. М.: Межгос. стат. ком. СНГ, 2005. С. 129–132; *Щербакова Е.* Быстрее всего снижается смертность от болезней системы кровообращения, органов дыхания и внешних причин [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0487/barom05.php> (дата обращения: 15.08.2013).
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 984. Л. 10; Д. 999. Л. 11 (подсчеты автора); Российский статистический ежегодник. 2001. С. 126; Демографический ежегодник России. 1998. С. 269, 272, 275; Демографический ежегодник России. 2002. С. 222–225, 260, 263, 266; Население России в XX веке: исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3. Кн. 1. С. 32–33; Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 357–360; Население России, 2002. С. 83; *Городецкий А.П.* Указ. соч. С. 22, 23, 31.
- ¹¹ Демографический ежегодник России. 2008. С. 264–290; Российский статистический ежегодник. 2010. С. 130, 264–290, 758.
- ¹² Российский статистический ежегодник. 2003. С. 658; Российский статистический ежегодник. 2008. С. 794.
- ¹³ *Школьников В., Милле Ф., Вален Ж.* Продолжительность жизни и смертность населения России: новое наступление несчастных случаев, травм и насильственной смерти. М.: ИНХП РАН, 1994. С. 20; Демографический ежегодник России. 2002. С. 220–225; *Акопян А.С., Харченко В.И., Мишнев В.Г.* Указ. соч. С. 95–96.
- ¹⁴ Демографический ежегодник России. 2009: Стат. сб. М.: Росстат, 2009. С. 276, 285; Российский статистический ежегодник. 2003. С. 658; Российский статистический ежегодник. 2008. С. 794; Российский статистический ежегодник. 2010. С. 758; Население и условия жизни... С. 129–132.
- ¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2003. С. 658; Российский статистический ежегодник. 2008. С. 794.
- ¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2003. С. 658; Российский статистический ежегодник. 2008. С. 794; Население и условия жизни... С. 129–132; Демографический ежегодник России. 2009. С. 268–269, 286–287.
- ¹⁷ Российский статистический ежегодник. 2001. С. 126; Демографический ежегодник России. 2002. С. 222–225; Население России. 2002. С. 84, 92.
- ¹⁸ Демографический ежегодник России. 1998. С. 269; Демографический ежегодник России. 2002. С. 260; *Городецкий А.П.* Указ. соч. С. 23, 26.
- ¹⁹ Российский статистический ежегодник. 2001. С. 126; Российский статистический ежегодник. 2010. С. 758; Демографический ежегодник России. 2002. С. 222–225, 268–269, 277, 286; Население России. 2002. С. 84, 92; Население и условия жизни... С. 129–132, 134–135; Демоскоп. 2011. № 469–470.
- ²⁰ Российский статистический ежегодник. 2003. С. 658; Российский статистический ежегодник. 2008. С. 794.

ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ –
ЖИТЕЛИ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ
В ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II
(сравнительный анализ)

В работе использованы редкие статистические данные последней четверти XVIII в. На их основе дается анализ ряда демографических показателей для иностранных граждан – постоянных жителей Москвы и (эпизодически) некоторых других городов Центральной России в правление Екатерины II. Внимание уделяется как лицам, проживающим в России на законных основаниях, так и тем, статус которых был не определен (пленные, незаконные мигранты).

Ключевые слова: иностранные граждане, статистика, XVIII в., русский город, демография, народонаселение, уровень рождаемости, уровень общей смертности, детская смертность, социальная стратиграфия населения города, пленные, мигранты.

Историческая демография начинает обращать внимание на Россию в основном со второй половины XIX – начала XX в. Такое положение дел закономерно: данный этап связан с началом демографической модернизации страны и переходом населения России к современному типу воспроизводства. Уже одно это обстоятельство является важной научной проблемой¹. Однако необходимо отметить, что есть и еще одно обстоятельство, определившее незначительное внимание демографов к предшествующим периодам истории страны. Им является недостаток необходимых для этого типа исследования источников². И чем древнее эпоха, тем это заметнее.

Первые массовые описания мест и регионов возникают как результат развития городской и земской статистики, вставшей

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00-333).

© Белов А.В., 2014

на ноги благодаря Великим реформам второй половины XIX в. Некоторые данные можно извлечь из работ фондов бывшего Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба Российской Императорской армии, материалы которого сохранились в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве, а также других источников. Но и они приходится в основном на период XIX столетия. Пусть и первую его половину.

Таким образом, XVIII век во многом оказывается белым пятном в истории населения России. Впрочем, данное обстоятельство не может (и не должно) снимать сам вопрос о положении дел на этом важнейшем для понимания развития страны отрезке ее истории. Тем более что многие процессы последующего времени берут свое начало, оформляются или набирают силу именно в период XVIII столетия.

В эпоху Петра I и Екатерины II в России, естественно, не существовало статистической службы, поэтому для данного периода не сформировался более или менее полный комплекс статистических источников. Однако целый ряд важных и информативных демографических материалов все же был составлен еще в 60-е гг. XVIII в. Правда, большую трудность для исследователя создает то обстоятельство, что материалы эти сохранились разрозненно, не образуя единый комплекс. Их возникновение являлось, скорее всего, эпизодическим, направленным на решение иных, в первую очередь узкоадминистративных задач. Так, например, расчет численности жителей мог находиться в связи с проектом проведения губернской реформы, необходимость которой ясно осознавалась уже в самом начале правления Екатерины II³. В итоге весьма интересные демографические данные сохранились распыленными внутри многочисленных дел самого различного характера, откладывающихся в течение значительного периода в рамках нескольких административных единиц. Для выявления данных материалов требуется подъем большого пласта делопроизводственной документации без заранее гарантированного результата. Но тем не менее эта работа способна дать большие результаты, так как содержащаяся в них информация (даже в неполном виде) практически нигде более не отражена и представляет исключительную ценность.

В делах так называемого Госархива (16-й фонд Российского государственного архива древних актов) сохранились дела наместников и губернаторов старых и «вновь учреждаемых» административных единиц империи за весь XVIII век. Среди бумаг делопроизводства до нас дошли ведомости о составе населения ряда регионов Центральной России, относящиеся ко времени

правления Екатерины Великой. В частности «Ведомость коликое число в Москве и Московском уезде в прошлом 1766^м году родилось, браком сочеталось и померло и в каковые имянно лета»⁴ и «Ведомость коликое число по всей Московской губернии в прошлом 1767^м году в Москве, Костроме и Суздале российских и иностранных а в протчих городех и уездах одних российских людей родилось браком сочеталось и померло и в каковые имянно лета»⁵. Очевидно, что оба комплекса являются итогом выполнения одной программы, направленной на сбор сведений о состоянии населения в губерниях России и спущенной на места с самого верха. Вполне возможно, что именно эти документы являются первыми попытками проведения серьезного демографического анализа жизни русского города и его предместий.

Несмотря на заметные лакуны, источник весьма детален и основателен. Благодаря содержащимся в нем сведениям возможно составить представление об основных проблемах состояния городского населения страны в первые годы правления императрицы Екатерины II.

Важной особенностью обнаруженных документов является наличие информации не только о россиянах, но и о проживавших в русских городах (постоянно или достаточно продолжительное время) иностранных подданных – «чужестранных разных законов» лиц. Подобная формулировка была достаточно широко распространена во второй половине XVIII в.⁶

Кроме вышеназванных таблиц среди дел шестнадцатого фонда «Госархива» дошли и другие материалы⁷. Будучи менее информативными и не столь подробно составленными, они в комплексе с другими источниками способны предоставить или уточнить информацию об особенностях населения русских городов в середине XVIII в. В том числе и о пребывании среди их жителей иностранцев.

Иностранные подданные – постоянные жители русских городов. При анализе данных бросается в глаза, что иностранные подданные проживали только в трех городах «большой» Московской губернии незадолго до ее разукрупнения: Москве, Костроме и Суздале. В остальных (по крайней мере, официально) среди постоянных жителей данная группа полностью отсутствовала⁸. То же самое относилось к уездам, в числе жителей которых иностранные подданные вообще не упоминаются. Это подтверждается и другими источниками, в частности освещающими демографическую ситуацию по городу Ярославлю с уездом⁹.

Данные о численности иностранцев в документах отсутствуют. Но на основании уровня рождаемости (что является показате-

телем степени укоренения) можно с большой долей вероятности предположить степень их распространения среди основного населения городов. В 1767 г. 217 человек «чужестранных» «обо-его полу» родились в Москве, 6 – в Костроме. В Суздале за это время зафиксирована лишь 1 смерть женщины-иностранки¹⁰. Таким образом, абсолютно подавляющее число рождений (99%) приходится на Москву, которая выступает главным местом постоянного присутствия иностранных граждан в городах Центральной России.

При определении демографических показателей необходимо знать общую численность населения и его основные характеристики. Точных данных по населению Москвы этого времени нет и в связи с особенностями проведения подсчетов быть не может. Поэтому при установлении данного показателя необходимо принимать целый ряд допущений. В соответствии с имеющимися материалами¹¹ можно утверждать, что в последнее десятилетие правления Екатерины II (1788–1795 г.г.) население «старой» русской столицы насчитывало без группы «иностранцев» около 175 тыс., или, по другим данным, 172 800 человек. По подсчетам историка и демографа Адольфа Григорьевича Рашина, эта цифра была чуть больше и варьировалась на 1785 г. около 189 тыс. человек¹².

Социальная стратиграфия населения города была следующей: посадские люди – т. е. собственно горожане в трактовке правил того времени (купцы, мещане и ремесленники) – 21 тыс. человек (или 12% от общего числа населения); различные привилегированные социальные группы (духовенство, военные, приказнослужители и разночинцы, дворяне) – 36 800 человек (21%); сельские элементы, являвшиеся обязательной частью русских городов (крестьяне и дворовые) – 115 тыс. человек (66%). Последняя категория – лица «из разных наций», «чужестранных разных законов представители», т. е. переехавшие в Москву иностранцы, которые жили в городе постоянно или весьма продолжительное время. Общая их численность составляла около 2200 человек, т. е. 1% от всего охваченного переписью населения города.

Судя по косвенным данным, в национальном отношении приоритет был за жителями стран, с которыми Россия имела старые и устоявшиеся связи: греки, арабы, французы, немцы, поляки и др. Известно, что в 1780-х гг. купцы-иностранцы часто селились в «Первопрестольной» в Басманной слободе. В 1780-е гг. они составляли здесь ровно $\frac{1}{3}$ от числа всех жителей этого административно-территориального образования¹³. К концу столетия Басманная слобода фактически слилась со знаменитой Новой Немецкой

слободой, став ее территориальным и, судя по всему, еще и функциональным продолжением. В наши дни территории обеих давно исчезнувших структур лежат приблизительно между течением реки Яузы и Садовым кольцом (в районе между Курским вокзалом и площадью Красных ворот).

В соответствии с имеющимися данными естественный прирост населения Москвы был положительным, равняясь 785 человек «обоего полу». Хотя мужчин и женщин родилось в этот год примерно равным числом (2532 человек и 2585 человек соответственно), в естественном приросте доля женщин была значительно выше мужчин – почти в 3,5 раза.

Ситуация в отношении проживавших в «Первопрестольной» иностранцев была, естественно, меньшей в абсолютных показателях. Но в соотношении частей, по сути, копировала положение коренного населения: положительный естественный прирост (21 человек) и соотношение по полам – $\frac{1}{3}$ (5 мальчиков и 16 девочек).

Уровень рождаемости и общей смертности составлял среди коренного населения Москвы соответственно 30 и 25%. Как мы видим, оба коэффициента очень высоки. Однако рождаемость заметно превышала смертность. Все три отмеченных обстоятельства абсолютно естественны для данного периода истории и России, и Европы, которым в основном был присущ традиционный тип воспроизводства¹⁴. В такой ситуации основную часть жителей Москвы должны были составлять молодые люди¹⁵.

Однако при более детальном разборе показатели смертности среди коренных жителей и иностранцев, проживавших в Москве, заметно разнились. Благодаря обнаруженным документам можно проследить распределение смертности по возрастам жителей города в течение одного года¹⁶. Главным отличительным и весьма характерным признаком этого времени была высокая детская смертность (до 15 лет)¹⁷. На этот возрастной отрезок приходилось 41% всех летальных случаев. При этом максимальное число относилось к самому первому году жизни (так называемая младенческая смертность). В 1766 г. эта цифра достигала 900 случаев, что равнялось почти 50% от числа всей детской смертности, или почти $\frac{1}{5}$ (19%) от всех смертей за этот год.

Высокая детская смертность – типичная черта того времени, в том числе для такой относительно благополучной страны, как Англия. В это же время в Лондоне до 15 лет «дотягивала» лишь половина рожденных, в связи с чем в одной семье детям часто давали одинаковые имена, полагая, что кто-то из них умрет¹⁸. Детская смертность этого времени (согласно работе итальянского демо-

графа Массимо Ливии Баччи) составляла для Англии 165%, для Франции – 273, Швеции – 200, Дании – 191%¹⁹.

Обнаруженные нами документы охватывают два соседних года, что позволяет найти аналогичные показатели и для России, используя традиционную для этого формулу Йоханнеса Ратса. Согласно проведенным подсчетам младенческая смертность среди коренного населения Москвы в 1767 г. равнялась 371 %. Как мы видим, это не только выше европейских показателей, но и значительно выше данных, традиционно приводимых по России как в отечественной²⁰, так и в зарубежной²¹ историографии. Последнее, скорее всего, объясняется использованием цифр более позднего времени, которые были применены ко всему дореформенному периоду, что в условиях ограниченности демографических данных практически неизбежно. А также обобщением данных по всей стране.

На данном фоне весьма любопытно выглядят показатели детской смертности в среде москвичей-иностранцев. Их величина составляла всего (если сравнивать с коренным населением) 234 %, что вполне соответствует европейскому уровню и значительно ниже тех же показателей у соседней-москвичей. Одна из причин, по-видимому, кроется в разном культурном уровне населения, преодоление которого (наряду с другими факторами) заметно снизило уровень смертности впоследствии²².

К большому сожалению, опираясь на данные источника, нельзя установить уровень рождаемости и среднюю продолжительность жизни жителей Москвы. На основании других материалов и периодов она, по-видимому, колебалась около 30–45 лет. Естественно, независимо от происхождения и подданства. Впрочем, мы можем определить, на какие годы жизни приходились наиболее высокие показатели смертности.

Для коренных жителей города это были два отрезка – около 40-го и около 60-го года жизни. После 70-летнего возраста число зафиксированных смертей становится крайне малым, обозначая грань, за которой остаются только признанные долгожители. При обработке документа хорошо заметна интересная особенность: резкий рост смертности приходится на отметки большей части круглых дат (20 лет, 30, 40, 50, 60, 70). Подобное совпадение с полными десятилетиями связано, по-видимому, с тем обстоятельством, что многие коренные жители города Москвы вообще не имели представления о точном возрасте как у себя, так и у своих близких. Поэтому при определении возраста смерти они ориентировались в рамках десятилетних отрезков. Конечно, это обстоятельство доказывает, что имеющиеся в источнике данные

относительны. Однако лишение их абсолютной (арифметической) точности не отрицает значение источника как свидетеля общего процесса.

В отличие от коренных жителей города, проживавшие с ними по соседству иностранцы всегда могли точно назвать возраст усопшего. В их данных вообще нет резкого роста цифр на десятилетних отрезках. Для этой категории населения основными этапами увеличения показателей уровня смертности выступают этапы между 42-м и 45-м годом жизни, 52-м и 55-м и 60-м и 64-м.

Несмотря на высокий уровень смертности и небольшой показатель средней продолжительности жизни, долгожители среди москвичей были нередки. Самым поздним возрастом, зафиксированным в источнике, является 101 год. Причем за один год зафиксирована смерть сразу двух людей, ушедших из жизни в столь почтенном возрасте. В 100 лет умерло 6 человек, в 99 лет – 6, и т. д. Всего в возрасте от 71 до 101 года закончили свой путь 476 человек из числа коренных жителей. Это не такая уж малая величина. Она составляет почти $\frac{1}{5}$ (17%) от числа смертей всего взрослого населения Москвы (после 14 лет), умершего за описанный год.

Для иностранных жителей долгожительство было не свойственно. В бумагах зафиксирован единственный случай, когда лицо «чужестранных разных законов» скончалось в Москве в возрасте 85 лет. Максимальный возраст смерти составлял для данной категории от 60 до 64 лет. В этом несовпадении цифр коренного и иностранного населения есть некая недосказанность: по другим показателям основные показатели жизни в обеих категориях близки. Причина значительно меньшей продолжительности жизни у иностранцев кроется, скорее всего, не в объективных, а в субъективных причинах. Рубеж 50 и 60 лет, обозначенный в документах, является не временем смерти, а возрастом, в котором человек начинает готовиться к близкому и неизбежному концу. Для находившихся на чужбине это, скорее всего, выражалось в стремлении вернуться на родину, чтобы там подвести итоги своих дел и встретить конец жизненного пути.

Иностранные граждане с неопределенным статусом и находившиеся в городах России против своей воли. Как видим, иностранцы в начале правления Екатерины II не представляли собой сколь-нибудь заметную часть населения городов губерний Центральной России. В основном их деятельность в этом регионе ориентировалась на Москву. Однако иноземная речь не была такой уж редкостью для жителей других городов «большой» Московской губернии, где, по более поздним данным, наблюдается присутствие

небольшого числа иностранных специалистов, в частности архитекторов и врачей. По мере осуществления губернской реформы их число будет все время увеличиваться²³.

Среди местных жителей существовала группа лиц, состоящая из иностранцев-эмигрантов, которые, «объявляя себя выходцами из-за границы», по каким-то причинам не успели (или не хотели) приписаться к конкретному сословию. Многие из них «обращаясь в праздности»²⁴ были буквально головной болью руководителей губернии. В соответствии с указом от 19 апреля 1788 г. местным властям разрешалось брать их как «зачет за рекрут» и освобождать от повинности «кому следует»²⁵.

В 1788 г. в ходе выявления праздношатающихся только во Владимире и в городах Владимирской губернии из числа «объявивших себя выходцами из-за границы» были «сысканы» 16 человек, которых «по распоряжению военной коллегии» временно причислили к солдатам местного гарнизона. По-видимому, таких людей в наместничестве было немало, так как в продолжении отчета особо отмечалось, что «прочие же» неприписавшиеся «вновь сокрылись»²⁶.

Но наиболее важным источником поступления иностранцев в провинциальные города России была не добровольная эмиграция, а война и плен. На данном этапе истории страны первое место среди перемещенных лиц занимали две национальные группы – поляки и шведы. Массовый приток последних пришелся на период войны 1788–1790 гг. Пленных, отправленных во Владимирскую и Калужскую губернии, размещали исключительно по городам («разделены по всем окружным городам... наместничества»)²⁷. Известно, что 20 человек из них («умеющих плотников и кузнецов») позже русские власти отправили на строительство Черноморского флота²⁸.

Поляки упоминаются реже. Но во Владимире в самом конце эпохи Екатерины II польская речь была заметной частью местного антуража. В городе под надзор (т. е. в относительно свободных условиях) был поселен «бывшего короля Польши секретарь Фриз». При этом Петербург обращал внимание властей на необходимость контроля общений поляка с его «единоземцами»²⁹.

Таблица 1³⁰

Число родившихся, брачующихся и умерших в Москве и Московском уезде по полам и подданству за 1766 г.

	Родившихся			Брачующихся		Умерших					
	м.п.	ж.п.	Обоего полу	лиц	супру- жеств	м.п.	ж.п.	Обоего полу	«против родившихся меньше»		
									м.п.	ж.п.	обоего полу
в Москве	2532	2585	5117	3630	1815	2350	1982	4.332	182	603	785
	92	83	175	98	49	87	67	154	5	16	21
в уезде	4046	3753	7799	3328	1664	2438	2584	5025	1608	1166	2774
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ИТОГО	6578	6338	12 916	6958	3479	4788	4569	9357	1790	1769	3559
	92	83	175	98	49	87	67	154	5	16	21
	6670	6421	13 091	7056	3528	4875	4636	9511	1795	1785	3580
	ВСЕГО										

Таблица 2³¹

Число и возраст умерших в Москве в 1766 г. россиян и иностранных подданных

года	россиянских	иностранных	года	россиянских	иностранных	года	россиянских	иностранных	года	россиянских	иностранных	года	россиянских	иностранных	года	россиянских	иностранных	года	россиянских	иностранных
1	900	16	21	29	1	41	36	-	61	47	1	81	20	-	101	2	-	-	-	-
2	343	13	22	22	-	42	34	3	62	41	1	82	17	-	-	-	-	-	-	-
3	215	5	23	37	1	43	34	-	63	38	2	83	15	-	-	-	-	-	-	-
4	103	1	24	10	-	44	28	1	64	23	2	84	4	-	-	-	-	-	-	-
5	101	2	25	84	1	45	63	3	65	49	-	85	25	1	-	-	-	-	-	-
6	74	-	26	23	-	46	40	1	66	31	-	86	13	-	-	-	-	-	-	-
7	55	1	27	24	-	47	39	-	67	42	-	87	8	-	-	-	-	-	-	-
8	41	-	28	13	1	48	28	2	68	29	-	88	9	-	108	1	-	-	-	-
9	21	-	29	25	1	49	23	1	69	18	-	89	13	-	-	-	-	-	-	-
10	39	1	30	95	-	50	134	3	70	134	1	90	22	-	110	1	-	-	-	-
11	20	-	31	19	-	51	31	-	71	21	-	91	6	-	-	-	-	-	-	-
12	21	-	32	31	1	52	36	1	72	26	-	92	6	-	-	-	-	-	-	-
13	22	-	33	17	-	53	25	1	73	34	-	93	3	-	113	1	-	-	-	-
14	17	-	34	17	1	54	31	1	74	18	-	94	2	-	-	-	-	-	-	-

Окончание табл. 2

15	37	1	35	60	3	55	45	4	75	53	-	95	3	-	-	-	-
16	32	1	36	28	-	56	30	-	76	16	-	96	1	-	-	-	-
17	19	-	37	24	-	57	25	-	77	11	1	97	1	-	-	-	-
18	23	2	38	44	-	58	25	1	78	20	-	98	5	-	-	-	-
19	20	-	39	20	-	59	27	-	79	11	-	99	6	-	-	-	-
20	95	1	40	140	1	60	162	1	80	78	-	100	7	-	-	120	1

Таким образом, на основании имеющихся материалов видно, что все основные показатели качества жизни иностранцев в России в основном были мало отличны от качества жизни местного российского населения. Однако уровень младенческой смертности коренного населения Москвы отличался необычайно высокими показателями, в то время как аналогичные данные для иностранных подданных соответствовали средним показателям по странам Европы.

Иностранцы не были редкостью для городов России. Правда, подавляющая их масса группировалась в Москве. Но и другие поселения принимали у себя для «жительства» выходцев из-за границы, которые нередко являлись приметной чертой жизни провинциальных городов Центральной России.

Несмотря на эпизодичность обнаруженных демографических таблиц середины XVIII в., содержащиеся в них данные весьма информативны. А в условиях отсутствия достаточного количества массовых источников – практически незаменимы. При этом нельзя не отметить качество составления бумаг и проделанных для этого работ. Являясь, по сути, первыми выполненными в России материалами такого типа, они подготовлены на достаточно высоком уровне, в соответствии с требованиями для подобных документов, принятых в это время в других странах Европы.

Примечания

- ¹ *Жиромская В.Б.* Лекции по демографической истории России XX века: Учеб. пособие. М.; Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2011. С. 38.
- ² Причин этого несколько. В первую очередь они связаны с тем, что демография как научный способ анализа и прогнозирования пришла в Россию позднее, чем в Западную Европу. В итоге сбор и изучение данных о численности, составе, характере населения, его развитии и трансформации не ставили перед собой собственно демографических задач. Собираемый материал являлся побочным результатом других типов работ и требует более сложной обработки. Кроме того, отсутствие статистических исследований не создало пласт подобного вида документов, и то, чем может воспользоваться исследователь, рассеяно среди массы разнотипного архивного материала.
- ³ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII и до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 344.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 555. Л. 404–405.
- ⁵ Там же. Д. 564. Л. 12–19.

- ⁶ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 745. Д. 751. Л. 330 об.–331.
- ⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640. Ч. I. Л. 70, 136, 138, 139; Ч. II. Л. 127.
- ⁸ Там же. Д. 564. Л. 12–19.
- ⁹ Там же. Д. 555. Л. 409.
- ¹⁰ Там же. Д. 564. Л. 12 об., 15 об., 16 об.–17.
- ¹¹ Расчеты производились выдающимися отечественными историками-исследователями Павлом Григорьевичем Рындзюнским и Константином Васильевичем Сивковым (*Рындзюнский П.Г., Сивков К.В.* Население и территория Москвы // История Москвы. Т. 2: Период феодализма. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 305–332).
- ¹² *Рашии А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки / Под ред. С.Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. С. 114.
- ¹³ *Рындзюнский П.Г., Сивков К.В.* Указ. соч. С. 318.
- ¹⁴ *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 38.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Правда, в данном случае подсчеты велись по Москве вместе с ее уездом. Но если учесть, что к концу XVIII в. ближние и дальние окраины Москвы были активно включены в жизнь города, данное слияние показателей по двум разным административным единицам не противоречит исторической реальности.
- ¹⁷ Эта цифра чрезвычайно важна, так как по ней с середины XX в. принято определять уровень жизни граждан страны.
- ¹⁸ *Уоллер М.* Лондон: 1700. Смоленск: Русич, 2003. С. 62.
- ¹⁹ *Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы. СПб.: Александрия, 2010. С. 164.
- ²⁰ *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. С. 251.
- ²¹ *Ливи Баччи М.* Указ. соч. С. 165.
- ²² *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 191.
- ²³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 100 об.
- ²⁴ Там же. Д. 640. Ч. I. Л. 70.
- ²⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 22. СПб., 1830. № 16646.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640. Ч. I. Л. 70.
- ²⁷ Там же. Л. 138, 139.
- ²⁸ Там же. Л. 136.
- ²⁹ Там же. Ч. II. Л. 127.
- ³⁰ Составлено по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 555. Ч. I. Л. 404–405.
- ³¹ Составлено по: Там же.

Н.Ю. Андрианова

РОЛЬ НАРКОМПРОСА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1922 гг.)

Статья посвящена анализу деятельности Наркомпроса в первые годы советской власти, в течение которых были заложены идейные и организационные основы советской системы образования и создана сеть государственных учреждений, академических институтов, общественных организаций, призванных утверждать и воплощать новые идеологические ценности.

Ключевые слова: Наркомпрос, власть, культура, идеология, школа, ценности.

Исторический опыт показывает, что успешное становление новой власти во многом обусловлено ее идеологией, точнее тем, насколько быстро и полно она усваивается обществом, насколько близкой ему оказывается вносимая аксиология. Чаще всего «посредником» этому является культура, например проведение культурной революции в процессе становления диктатуры пролетариата в России.

Как уже приходилось писать ранее, полагаем, что основой советской идеологии стали разработки в области культуры, которыми в течение весьма длительного периода занимались А.А. Богданов и А.В. Луначарский¹. Часть их работ увидела свет еще в дореволюционный период, другая – в годы революции, но ряд работ так и остались неопубликованными и хранятся в архивных фондах².

Многообразие научных интересов обоих исследователей отражает их стремление не только раскрыть роль культуры в общественной жизни, но также исследовать особенности восприятия, отражения и усвоения вносимого материала как на индивидуаль-

ном, так и на массовом уровне; раскрыть наиболее эффективные каналы и механизмы воздействия.

Культура, считал Богданов, фиксируется «в формах мышления», которым люди подчиняются «автоматически, не рассуждая и не выбирая». Поэтому и борьба культурных принципов «глубже борьбы непосредственных интересов». Отчего и революционный процесс по сути – противостояние различных социальных культур. «Великие революции – это революции, сменяющие господство культурных принципов»³.

Обращение к «пролетарской культуре» в качестве идеологической программы советской власти не кажется странным, поскольку отношение к А.А. Богданову и А.В. Луначарскому как к возможным партийным идеологам очевидно, в какой-то момент было присуще даже В.И. Ленину. Так, например, отечественный исследователь О.В. Щелоков высказывал предположение о попытке Ленина ввести «разделение труда» в руководстве партии на начальном этапе оформления большевизма. Оставляя за собой вопросы тактики, оргработу и работу с прессой, он планировал «научные изыскания, разработку партийной идеологии» передать «Богданову, Луначарскому и другим большевикам, склонным к исследовательской и литературной работе»⁴.

Именно Луначарскому революция позволила (деятельность Богданова на тот момент во многом была ограничена в силу его политического противостояния с Лениным) практически реализовать теоретические наработки прежних лет.

Наркомпрос, как представляется, и был тем идеологическим центром, который воплощал положения «пролетарской культуры», ставшие основой культурной революции власти. Данное утверждение не будет выглядеть голословным, если принять во внимание, что согласно отчету Наркомпроса за 1920 г. структура наркомата имела «громадный аппарат» и включала «все учреждения, ведущие соответствующую работу (по политическому просвещению. – *Н. А.*) среди взрослого населения: Агитпросветы Пура, Главполитпутти и Политвода, профсоюзов, ВЦСПС». В состав Главполитпросвета входили «Государственное издательство с Центрпечатью, РОСТ» с подчиненными ему «художественными отделами Наркомпроса»⁵. При этом отмечалась необходимость дальнейшего «теснейшего привлечения к Главполитпросвету Отдела по работе среди женщин, Отдела работы в деревне ЦК РКП и Союза Коммунистической Молодежи». И тогда «культурно-просветительная работа Республики получит единый стройный план»⁶.

Очевидно, что из потребностей времени проистекали две взаимосвязанные задачи: закрепление новой идеологии и развитие образования. В 1919 г. А.В. Луначарский писал: «Издавая наши первые декреты, мы прямо говорили – надо приступить как можно скорей к громовой пропаганде», призванной перевернуть русское сознание. «В этом заключался смысл переворота и диктатура пролетариата. К чему было делать переворот, если бы весь русский народ был достаточно просвещен?»⁷.

Но подлинные перемены были возможны только при условии, о чем неоднократно говорил Богданов, перехода социализма из категории разума в иную, когда социалистическое, коллективное начало превращается в потребность, в «социализм чувств». Подобное превращение во многом определялось правильно «выстроенным» воздействием. Среди работ Луначарского сохранился текст его выступления перед писателями, в котором он рассуждает о психологии читателя и особенностях восприятия. В частности Луначарский отмечал, что любое переживание представляет «процесс внутренней цепи», реакцию на явление, «интерес», им порожденный. Но «интерес» не «является в голом виде», а переплетается в клубок из жизненного опыта, навыков, быта. Отчего, «строя свое мирозерцание – личность искренне уверена, что преследует лишь “объективные” нормы добра, истины и красоты»⁸. Мирозерцание можно «внести» в сознание человека, только правильно определив каналы воздействия. Умелому воздействию, считал Луначарский, трудно сопротивляться, «даже на старика можно воздействовать»⁹. Однако процесс восприятия деликатен, оно будет тем выше, чем «ближе» содержание к природным установкам психики, ибо речь «идет о бессознательном, фатальном подчинении индивида своим коренным интересам», на фоне которых и создаются «особые культуры»¹⁰.

Сказанное представляется чрезвычайно важным для понимания программных документов, методов, диапазона работы Наркомпроса в первые годы советской власти.

Теоретической базой образовательной политики советской власти стал принятый 29 октября 1917 г. документ, определявший «Общее направление просветительной деятельности» республики. Главная задача, которую советская власть должна была решить в области просвещения в стране, заключается в необходимости «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности»¹¹.

По сути своей это была Декларация советской власти в области просвещения.

Принципы советского образования предусматривали: «организацию единой светской школы в нескольких ступенях»; «равное и

возможно более высокое образование для всех граждан»; «школы для взрослых»; создание необходимой креативной среды, когда «народные массы будут сами вырабатывать свою культуру»¹².

Вторым документом стало подготовленное Луначарским и утвержденное Государственной комиссией «Положение о единой и трудовой школе»¹³ от 16 октября 1918 г. Не менее декларативный, чем первый, этот документ представляет «сплав» идеалистических представлений об образовании с реальностью революционной России, положенных (помноженных) на идейную платформу «пролетарской культуры».

Главной задачей советской школы в рамках от дошкольного, впервые вводимого на государственном уровне, до вузовского образования было создание «нового человека» (человека новой идеологической формации, в идеале способного к «социализму чувства»).

Принципами новой школы должны были стать: отсутствие платы за обучение на всех ступенях; доступность образования; создание единой и трудовой школы (под «единой» понималась системность образования «от детского сада до университета»¹⁴); дифференцированное образование по «многообразию разного рода инициатив и творческих исканий»¹⁵, а также по подходу к каждому ребенку, особому вниманию к работе на индивидуальном уровне¹⁶.

Наиболее эффективными средствами такого рода работы считали занятия творчеством, в частности приобщением к занятиям различными видами искусства, поскольку именно искусство создатели «пролетарской культуры» считали наиболее эффективным средством воздействия. Богданов называл искусство «орудием социальной организации людей», поскольку «язык живых образов массам ближе и понятнее». Искусство по сути – «наука жизни в образах», способная «организовать не только представления людей, их знания, мысли, но также чувства, настроения»¹⁷. Луначарский еще в 1903 г. отмечал, что искусство вызывает реакцию, поступок, побуждает человека к действию, является «оружием огромной ценности»¹⁸.

Отсюда проистекает то особое внимание советской власти к сфере духовной культуры, контроль за творчеством, подчинение всех видов творческой деятельности идеологическим задачам власти и жесткая цензура последующих лет.

В структуре Наркомпроса работой творческих отделов ведал непосредственно сам А.В. Луначарский. Развитие творческой инициативы, привлечение масс к занятиям искусством должно было идти на всех уровнях социальной жизни: уроки ИЗО в школе, творческие секции и организации, массовые праздники. Главное

предназначение подобных занятий Луначарский видел в их воспитательном воздействии, когда новая власть должна «дать более высокую мораль, особенно в жизни детей. Наши праздники: Первомайский, праздник Коммуны или дни, посвященные воспоминаниям о Ленине» следует превратить «в чрезвычайно торжественные дни, которые дети будут ждать, долго вспоминать, может быть, до седых волос»¹⁹.

Активным помощником наркомата в вопросах внешкольной работы стал Российский Коммунистический Союз Молодежи. Именно комсомол взял под контроль становление пионерской организации. Общеизвестно, что идея организации, подобно скаутской, была заимствована еще в начале века из западных стран, но большевики придали ей массовый характер и наполнили революционной идеологией.

Вопросам детского движения был посвящен V съезд РКСМ, состоявшийся в октябре 1922 г. «Классовое воспитание» стало главной задачей пионерской организации. Ее содержание предусматривало знакомство детей с «наиболее яркими эпизодами революционной борьбы и борьбы человека с природой, <...> строительства нового общества». Для большей эффективности предлагалось деление пионерской организации на группы или «особые малые коллективы», в которых ребенок, «не теряя индивидуальных черт и стремлений», мог научиться соотносить и «подстраивать» свои потребности под общезначимые. «Программа внедрения» рекомендовала: а) дать группе идеал борца «<...> для подражания»; б) «культивировать святость знамени, честь звена и т. д.» для лучшей «спайки группы»; в) установить ряд моральных обязательств (законы юного пионера, даваемые в торжественной обстановке), чтобы подчинить «личную жизнь участника целям движения»; г) в целях воспитания характера «культивировать обычаи, игры, состязания; д) ввести значок, салют, для воспитания «классовой солидарности, связи с комсомолом и другими организациями детей»²⁰.

Во многом тезисы комсомольского съезда содержательно и стилистически повторяли работы А.В. Луначарского по проблемам «пролетарской культуры», а также документы Наркомпроса первых постреволюционных лет.

Для распространения идей «пролетарской культуры» среди взрослого населения в первые годы советской власти немало сделала организация, созданная непосредственно при участии Богданова и получившая название Пролеткульт. Но мало кто знает, что Пролеткульт был одним из подразделений Наркомпроса²¹. Сотрудничество Наркомпроса и Пролеткульта строилось на

основе широкой автономии последнего, однако финансирование Пролеткульта осуществлялось через Наркомпрос²², куда ежегодно поступали отчеты Пролеткульта о проделанной работе. Меньший по масштабам и более мобильный Пролеткульт свое положение в системе Наркомпроса определял как «лабораторную творческую работу, все достижения (которой. – Н. А.) должны быть использованы Отделом Народного Образования, как завод пользуется достижениями лаборатории»²³.

В первые послереволюционные годы деятельность Пролеткульта была широко представлена в регионах страны и отличалась заметной активностью. Созданный в 1918 г. Пролеткульт согласно имеющейся статистике уже через год насчитывал 41 губернскую, 44 уездные, 28 районных организаций. Помимо этого, в структуру Пролеткульта входили 18 пролетарских университетов, 22 рабочих клуба и 10 рабочих курсов. Организации Пролеткульта создавались и за рубежом РСФСР, например в Харькове, Екатеринославе, Тифлисе²⁴. А с 1920 г. начало свою деятельность Международное Бюро Пролеткульта, включавшее представителей из стран дальнего зарубежья: Англии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Бельгии, Норвегии, Италии, США. Председателем Бюро был А.В. Луначарский²⁵.

В целом из документов Наркомпроса, Пролеткульта, отчетов подразделений наркомата, газетных публикаций следовало, что географические рамки распространения программ и идеологических установок советской власти были много шире, чем официальные границы РСФСР.

Для послеоктябрьского периода характерно сходство политических систем и государственных структур на всех территориях бывшей Российской империи, избравших советскую систему власти. Не без влияния местной специфики, но в целом одинаково осуществлялся перевод систем образования под государственный контроль, временной отрезок становления национальных ведомств образования занимает период с декабря 1917 до 1920 г.²⁶

Содержательно деятельность национальных органов просвещения во многом повторяла положения российских образовательных документов и программ. Так, упоминание о необходимости создания единой трудовой школы – общее место национальных программ, как и принципы общедоступности, демократизма, интернационализма, бесплатного обучения, классовости (пролетарская школа)²⁷. Во многом этому способствовали общепартийные тенденции времени. X съезд РКП(б) в марте 1921 г. принял постановление «Об очередных задачах партии в национальном вопро-

се», ставшее основой для ряда документов о «помощи трудовым массам невеликорусских народов по преодолению их отсталости». Главными направлениями этой работы были названы те, которые могли помочь «невеликорусским народам догнать ушедшую вперед Центральную Россию», способствовать созданию у них: а) «советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов»; становлению национальных «прессы, школы, театров, культурно-просветительных учреждений на родном языке»; образованию на родном языке «(в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев)» для «ускоренной подготовки туземных кадров по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения»²⁸. Наркомпрос уже к 1921 г. имел обширный опыт по становлению национальных систем образования. 31 октября 1918 г. наркомат принял постановление «О школах национальных меньшинств». В документе отмечалось: «1. Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе. 2. Школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы. 3. С целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся различных национальностей в школах национальных меньшинств вводится обязательное изучение языка большинства населения данной области. 4. Школы национальных меньшинств являются школами государственными, и на них распространяется во всей полноте Положение об единой трудовой школе, опубликованное в № 225 “Известий ЦК”».

Укреплению межнациональных связей и распространению идей «пролетарской культуры» на национальных окраинах бывшей Российской империи способствовала и деятельность Пролеткульта. Согласно статистике конференции и съезды Пролеткульта всегда имели широкое географическое и национальное представительство независимо от места проведения. Так, в период 1918–1920 гг. прошло несколько конференций Пролеткульта: II Петроградская, II Московская (297 делегатов от 193 фабрично-заводских организаций, 150 гостей. 85% – коммунисты и сочувствующие)²⁹, I Всероссийская (330 делегатов, 234 гостя). 10 мая 1920 г. состоялось Всероссийское совещание пролетарских писателей (149 человек), а 18 октября – I Всероссийский съезд пролетарских писателей (142 человека из 36 городов России, Украины, Средней Азии, Урала, Северного Кавказа и Закавказья). Из них: 93 коммуниста, 8 со-

чувствующих, 2 представителя других партий, 39 б/п). А 5 октября 1920 г. состоялся II Всероссийский съезд Пролеткульта, в котором приняли участие более 300 делегатов³⁰.

В целом исследователи истории Пролеткульта считают 1919–1920 гг. годами наивысшего подъема и расцвета движения. Только по РСФСР в его рядах насчитывалось примерно 400 тыс. человек³¹.

Представляется возможным допустить, что к концу Гражданской войны Наркомпрос по многим направлениям консолидировал идеологическую работу в республике. РКП (б) поддерживала деятельность наркомата. Так, в циркуляре ЦК РКП (б) «О связи партийных организаций с органами народного образования» от 4 ноября 1921 г. говорилось: «Дело народного просвещения <...> – есть дело глубоко коммунистическое. <...> Партийным организациям надлежит обратить особое внимание на отделы народного образования и политпросветы. Установить с ними постоянную связь. <...> 1. Выдвигать для заведования отделами народного образования ответственных коммунистов. <...> 6. Обратить внимание на необходимость участия коммунистов во всех организациях, связанных с просветительными мероприятиями, каковыми являются школьные, библиотечные советы, комитеты содействия и пр.»³². В целях «усиления снабжения просветительных учреждений за счет местных средств следовало (следует. – Н. А.) привлечь членов партии к работе по агитации и организации, а также к наблюдению за исполнением партийных директив и инструкций Наркомпроса. <...> Обязать партийные комитеты в своих периодических отчетах сообщать о принятых ими мерах по проведению настоящей директивы и по практической помощи органам Наркомпроса на местах»³³.

Сказанное позволяет предположить, что возможность и способность Наркомпроса реализовать поставленные задачи не вызвали сомнения у руководства страны. Однако многомерность и сложность этих задач, возможно, до конца не понимали даже исполнители. Впоследствии Луначарский писал: «Большая трудность заключалась в том, что выработка абсолютно новых принципов, которые должны были лечь в основу <...> просвещения, вызвала естественные разногласия. <...> Надо было прежде всего провозгласить во всей полноте наши идеалы и беспощадно сокрушить то, что нам не подходит. <...> На первой половине работы Комиссариата, которая ознаменовалась теоретически его несомненными завоеваниями, в практической области лежала печать бури и натиска, от которой осталось много лому и сравнительно мало подлинных практических достижений. <...> О полумерах, об

этапах <...> тогда говорить было трудно. Это воспринималось как оппортунизм <...> даже самыми “осторожными”, которые видели непрактичность чисто революционно-разрушительного пути, но видели также скверну существующего и понимали, что лучше уж разрушение, чем потворство старому»³⁴.

Становление системы, налаживание новых связей сопровождалось большими трудностями, особенно в контактах с другими регионами страны. Сотрудничество осуществлялось в основном посредством съездов. Согласно «Отчету» Наркомпроса за 1917–1920 гг. было проведено 53 съезда: «общих – 5, школьных работников – 6, по школьному делу – 2, по дошкольному делу – 5, по внешкольному – 15, по профессионально-техническому образованию – 3, по вопросам искусства – 6, по просвещению национальных меньшинств – 3, учащихся – 2, специальные – 5»³⁵.

Острой проблемой был и кадровый голод. Общеизвестно, учительство и преподавательский состав вузов не высказывали желания сотрудничать с новой властью. Однако уже к концу 1922 г. Наркомпрос соединил под своим началом всю образовательную, а во многом и идеологическую работу. «Пролетарская культура», дополненная и более соответствовавшая времени, составила основу советского образования, искусства и в целом образа мысли.

А.В. Луначарский, как известно, пост наркома просвещения занимал бессменно до 1929 г. И, как представляется, это было время становления, «внедрения» и закрепления основных идеологических установок власти. 1929 год открыл новый этап в советской истории, когда на заложенном фундаменте следовало возвести здание иного формата, для чего прежний Наркомпрос и его руководители уже не подходили.

Примечания

- ¹ См.: Андрианова Н.Ю. Концепция «пролетарской культуры» и монументальная лениниана как отражение идеологических и ментальных установок в обществе в первые годы советской власти (1917–1927). М., 2008.; *Она же*. Концепция «пролетарской культуры» и монументальная лениниана. [Б. м.]: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
- ² См.: Материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ): Ф. 142. Оп. 1: А.В. Луначарский; Ф. 259. Оп. 1: А.А. Богданов; Материалы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 279. Оп. 1, 2: А.В. Луначарский.
- ³ Неизвестный Богданов. М., 1995. Кн. 1.

- 4 *Щелоков О.В.* РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906–1911). М., 1995. С. 42.
- 5 Краткий отчет НКП: 1917–1920. М.: Гос. изд-во, 1920. С. 79–80.
- 6 Там же.
- 7 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.
- 8 *Луначарский А.В.* Культурные задачи рабочего класса // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 7. С. 186–187.
- 9 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 228. Л. 130.
- 10 Там же.
- 11 Выделения в документах сохранены согласно оригиналу.
- 12 Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 156–159.
- 13 См.: От Государственной Комиссии по просвещению // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1 (с 28 октября 1917 г. по 7 ноября 1918 г.). М., 1919.
- 14 Там же. С. 175.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 176.
- 17 *Богданов А.А.* Пролетариат и искусство // Богданов А.А. О пролетарской культуре. Л.; М., 1925. С. 118.
- 18 *Луначарский Л.В.* Письма о пролетарской литературе // Луначарский Л.В. Собр. соч. Т. 7. С. 171.
- 19 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 178. Л. 22, 23.
- 20 Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 261.
- 21 Материалы по деятельности Пролеткульта: журналы заседаний Президиума Пролеткульта, протоколы, доклады, переписка с Наркомпросом, инструкции местным организациям, переписка с ними, статистические материалы, статьи авторов Пролеткульта и т. д. за период 1918–1928 гг. широко представлены в материалах Государственного архива РФ (ГА РФ): Ф. 6946. Оп. 1: Совет культурного строительства при президиуме ВЦИК; Ф. 2306. Оп. 1: Секретариат Наркомпроса; Ф. 2306. Оп. 17: Пролеткульт (в качестве отдела Наркомпроса); Ф. 2306. Оп. 23: ИЗО отдела Наркомпроса в материалах РГАЛИ: Ф. 279. Оп. 1, 2: А.В. Луначарский; Ф. 1230. Оп. 1: Пролеткульт.
- 22 Пролеткульт входил в качестве отдела во II Внешкольную секцию НКП.
- 23 РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
- 24 Там же. Л. 14.
- 25 Там же. Д. 15. Л. 4 об.
- 26 См.: Культурная жизнь в СССР: 1917–1927: Хроника / Сост. Л.В. Иванова, М.Б. Кейрим-Маркус, Р.А. Кленова и др. М.: Наука, 1975.
- 27 Там же.
- 28 Народное образование в СССР. С. 20.

- ²⁹ Статистика приведена не во всех случаях. См.: Культурная жизнь в СССР: 1917–1927. С. 78, 82, 85, 86, 87.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 17. Д. 14. Л. 9.
- ³² Народное образование в СССР. С. 20.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Краткий отчет НКП: 1917–1920. С. 4.
- ³⁵ Там же. С. 5–6.

Abstracts

N. Andrianova

THE ROLE OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR EDUCATION AS THE IDEOLOGICAL CENTER IN SOVIET RUSSIA (1917–1922)

The article is devoted to analysis of activity of the people's Commissariat for education in the first years of Soviet power, during which the ideological and organizational bases of the Soviet education system and a network of government agencies, academic institutions, public organizations had laid to adopt and implement new ideological values.

Key words: people's Commissariat for education, power, culture, ideology, school, values.

N. Aralovets

POPULATION OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: SICKNESS RATE AND MORTALITY IN THE LATE 20TH CENTURY

On the basis of vast factual data the article considers characteristic factors and features of sickness and death rate of the population of the CIS.

Key words: population, health, quality of a life, death rate, birth rate.

A. Belov

FOREIGN SUBJECTS-RESIDENTS OF CENTRAL RUSSIAN CITIES IN THE REIGN OF CATHERINE THE GREAT (COMPARATIVE ANALYSIS)

The article uses rare statistics data from the last quarter of the 18th century and on that basis analyses a number of demographic indicators for foreign nationals-permanent residents of Moscow and (occasionally) some other cities of the Central Russia in the reign of Catherine II. The

article pays attention both to legal migrants and to people whose status was not determined (people in the military service, illegal migrants).

Key words: foreign citizens, statistics, 18th century, a Russian city, demography, population, birth rate, level of overall mortality, child mortality, social stratigraphy of the city population, prisoners of war, migrants.

V. Bozhko

THE POSITION OF THE PRESIDENT OF FRANCE FRANÇOIS MITTERAND ON THE GERMAN QUESTION (BEFORE 1989)

The article considers the position of the President of the Fifth Republic of France François Mitterand regarding the reunification process in Germany until 1989/1990. A deep analysis is given to the evolution of the point of view of the French politician through different periods: studentship, participation in Second World War, the beginning of his political career in the Fourth Republic, years of opposition and, finally, in his presidential years until the beginning of the reunification process in 1989/1990.

Key words: François Mitterand, reunification of Germany, president, opinion, European Community, balance of powers theory.

A. Burganov

SOURCES OF SELF-DEVELOPMENT AND MISSION OF THE MODERN INTELLECTUALS

In the article the author presents the main idea of his conception – the transfer of modern civilization of owners from the elite stage to the democratic one, providing everyone the opportunity for self-realization. He believes that the solution of this task is the main mission of the intelligentsia.

Key words: source of self-development, modern intellectuals, civilization owners, self-actualization.

S. Burtsev

THE ROLE OF CASPIAN SEA REGION IN WORLD POLITICS

This article describes the geopolitical characteristics of the Caspian Sea region and its role in the world *politics*. The article covers the policy of non-regional member countries and *touches upon* the problem of the Caspian Sea legal status definition.

Key words: Russia, USA, Central Asia, non-regional member countries, Caspian Sea legal status.

M. Demetradze

MODERN SOCIOCULTURAL TRADITIONS IN THE USA AS A RESULT OF THE PRACTICAL APPLICATION OF SOCIOLOGICAL THEORIES

In work practical value of some major sociological theories created in the USA in the second half of the XX century is analyzed. It is important to author to open not so much contents of scientific theories, how many their role in sociocultural processes. Coverage of various spheres of life of society, examination of political institutes, including power institutes, development of various models of development of the future, ensuring exact coincidence of predicted stages with reality, introduction of social traditions and life standards.

Key words: American sociology, special sociological theory, socio-cultural traditions, sociocultural methodology, institutionalization of public administration, examination of social processes.

E. Ermilova

THE BASIC MEASURES ON COUNTERACTION TO TERRORISM ON THE TERRITORY OF THE UNITED STATES AFTER THE EVENTS OF 11 SEPTEMBER 2001

This article analyses the response to the terrorism in the United States after September 11th in 2001. The U.S. main priority after terrorist attacks was to enhance internal security measures.

Key words: U.S. counter-terrorism strategy, the Patriot Act, Guantanamo, B. Obama's anti-terrorist concept.

N. Gasymov

THE ROLE OF ISLAM IN THE FORMATION
OF STATE AND PUBLIC INSTITUTES
IN THE MONARCHIES OF THE PERSIAN GULF

In the article is devoted to some features of the state and public institutions in the monarchies of the Persian Gulf, in particular the influence of Islam and Sharia law on constitutional development, as well as it contains an attempt to assess the prospects of the democratization in the region.

Key words: Islam, Sharia, institutions of power, constitutional development, Consultative Assembly.

S. Gavrilyuk

MODERN TERRORISM AND ENSURING SECURITY
OF THE CIS COUNTRIES

The article discusses the issues associated with the phenomenon of terrorism on the territory of the Commonwealth of Independent States (CIS) and in this context investigates ways to ensure security of the CIS and Customs Union countries and problems of providing security measures to counter terrorism in the post-Soviet states.

Key words: terrorism, counteraction, security, interaction of the CIS countries, subjects of antiterrorist activities, state system of counteraction to terrorism (SHGs).

E. Khalina

TRANSIT FACTOR IN ENERGY COOPERATION
BETWEEN THE EU AND RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF THE OIL INDUSTRY)

In this article the author plans to consider a complex of problems associated with the export of Russian oil to the EU countries, with a focus on transport and the development of corresponding transit infrastructure.

Key words: oil, energy, the Druzhba pipeline, the Baltic Pipeline System.

O. Khlopov

INTERNATIONAL ENERGY SECURITY: NEW PROBLEMS AND THREATS

The article covers the problem of definition “international energy security” and its interpretation by different actors of international oil and gas market. The beginning of XXIst century we witness the growing struggle for national resources with military pressure, of the necessity to secure stable functioning of the global economy and development.

Key words: energy security, oil and gas policy, resources wars, exporting countries, importing countries, global challenges

Yu. Krasin

HUMANISM, MODERNIZATION, INTELLIGENTSIA

The author shows the relationship of modernization of the Russian society with the proliferation and development of humanistic world-view. The main attention is paid to the new humanism – a phenomenon, which emergence is stipulated by the profound changes in the life of the global society, the transition of the human civilization to the innovative type of development.

Key words: new humanism, intelligentsia, dehumanization, spiritual culture.

V. Minaev

HUMANISM AND EDUCATIONAL PROCESS

The article deals with a group of questions for discussion of methodological, theoretical and practical political problems of modern humanism.

Key words: humanism of the XXI century, human capital, social capital, educational process.

L. Mozhayeva

ANTI-MILITARIST STRUGGLE AND YOUTH
INTERNATIONAL SOLIDARITY IN THE POLITICAL
FOCUS OF INTERNATIONAL YOUTH DAY

The article covers the main aspects of the political orientation of the celebration of the International Youth Day – youth First of May – in Russia and in some European countries in the first half of the twentieth century. The article reveals how the celebration of the International Youth Day contributed to the formation of traditions of the international youth solidarity in the struggle against war and aggression.

Key words: International Youth Day, international youth solidarity, anti-militarist struggle, Young Communist League, socialist youth unions, Young Communist International.

V. Pryakhin

PHILOSOPHIC AND POLITICAL CONCEPT
OF “THE COMMON CAUSE” IN THE CONTEXT
OF FORMING “SOFT POWER” OF RUSSIAN
FOREIGN POLICY

The article is devoted to using the heritage of the native political philosophy for developing “soft power” tools in the foreign policy of modern Russia.

Key words: concept, Russia’s foreign policy and “soft power”, ideology, Russian.

A. Repinetsky

GLOBALIZATION OF EDUCATIONAL SPACE
AND THE ISSUES OF SCHOOL HISTORICAL
EDUCATION IN RUSSIA

The article considers the problems of history education in modern school connected with the formation of the unified educational space in the conditions of globalization.

Key words: General and national history, unified state examination, integrated educational programs.

N. Samarkina

STRATEGIES AND DEVELOPMENT PROJECTS
OF THE MODERN DEFENSE – INDUSTRIAL SECTOR
OF THE RUSSIAN FEDERATION

In this article the author seeks to analyse the evolution of existing concepts and programs for the development the Russian defense – industrial sector. This objective involves the following tasks: the analysis of the military doctrine documents (first of all the Military doctrines of 2000 and 2010), *researching* the key development projects of the army and the Russian defense industry.

Key words: the military-industrial complex, military reform, security.

A. Senokosov

THE EVOLUTION OF THE FOREIGN POLICY
OF THE UNITED KINGDOM IN 1898–1904 YEARS:
FROM “SPLENDID ISOLATION”
TO THE ANTI-GERMAN ENTENTE

The article deals with the history of British foreign policy in the late XIX – early XX centuries. The author analyses the reasons for the withdrawal from the status of “splendid isolation” and its rapprochement with France and Russia against the increasing Germany. Special attention is paid to the content of the public debate in the UK on the issues of foreign policy.

Key words: military alliance, the Entente Cordial, the Tripple Alliance.

B. Shevchenko

MILITARY-ECONOMIC INTEGRATION OF NATO
COUNTRIES: STATE, TENDENCIES, CONTRADICTIONS

The article deals with evolution, modern tendencies and contradiction of the military-economic integration, its target and strategic priorities determination. Industrial cooperation and specialization which are the basis for the extension of International division of labour take the important place in the analysis.

Key words: military economy, military security, military-industrial complex, military building, military-economic policy, military-economic science, military expenses, military-economic efficiency.

P. Torochkova

SOCIAL NETWORKS AS AN ELEMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES – A NEW ACTOR IN WORLD POLITICS

The article is devoted to the study of the role of social networks such as Twitter and Facebook as a new element of information and communication technologies in the process of globalization. Special attention is paid to the use of social media in the U.S. presidential election campaign and in the organization of protest movements in the Arab countries. The relevance of social networks as a tool influencing the global political processes and as a mean of democratization of the international community is analyzed. In conclusion the author makes an assumption that the new actor in world politics has appeared.

Key words: globalization, information society, information technologies, social networks, democracy, actor in world politics.

M. Tsomaya

CHINA PARTNER OR COMPETITOR

Recently Russia and China have discovered many common grounds including potential opportunity of joint participation in transport and energy projects, regional security and possibility of joint opposition to the US supremacy. What are the reasons that motivate China to develop cooperation with Russia? The article reveals possible driving forces for cooperation between China and Eurasian Economic Community and Russia and China.

Key words: China, Russia, Eurasian Economic Community, Central Asian Region, transport and power engineering, political partner.

G. Vodolazov

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEXT OF WORLD AND RUSSIAN HISTORY

The article is devoted to the elucidation of the essence of modern intelligentsia, its place in the system of social relations, its role in the development of modern society. It is emphasized that the old, traditional definitions of intelligentsia as a social strata professionally engaged in mental work today has lost its sense, and that the main characteristic of intelligentsia is that “it expresses the interest of social development in

general". It is the expression of this interest that defines the tasks before the "new" intelligentsia of our days: understanding the interests of social development and 'transmitting' respective ideas to general public, developing programs for gradual softening of alienation: programs of humanization of the historical process, programs of Humanism.

Key words: intelligentsia, the interests of social development, humanism, morality, reform, revolution, alienation, the logic of world history.

V. Zhyromskaya

POPULATION OF THE POST-INDUSTRIAL COUNTRIES OF EUROPE IN THE GLOBAL DEMOGRAPHIC DIMENSION

This article is an attempt to provide a comparative characteristic of development of the demographic modernization in post-industrial countries of Europe and to consider the stages of the modernization process. Special attention is paid to the measures of demographic and family policy.

Key words: demographic situation, demographic modernization, the model of reproductive behaviour, encouraging fertility, family policy, the second demographic transition.

Сведения об авторах

Андреянова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, natandrianova@list.ru

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, aralovetz@yandex.ru

Белов Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ИРИ РАН, belovavhist@mail.ru

Божко Вячеслав Юрьевич – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, slavik.bozhko@gmail.com

Бурганов Агдас Хусаинович – доктор исторических наук, почетный член Академии наук Татарстана, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, награжден орденом Отечественной войны II степени и 15 медалями, Agdas1@mail.ru

Бурцев Сергей Николаевич – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, gr-ay@bk.ru

Водолазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, gvodolazov@yandex.ru

Гаврилюк Станислав Андреевич – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, alien.89@mail.ru

Гасымов Нурлан Алисаевич – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, nur_601@mail.ru

Деметрадзе Марина Резоевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института культурологии Министерства культуры РФ, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, demetradze1959@mail.ru

Ермилова Эллина Александровна – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, ellina.ermilova@gmail.com

Жиромская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, председатель научного совета по исторической демографии и исторической географии РАН, лауреат премии РАН имени В.О. Ключевского, zhyromskaya@yandex.ru

Красин Юрий Андреевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, krasinyua@mtu-net.ru

- Минаев Валерий Владимирович* – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики и международных отношений РГГУ, mrimo@mail.ru
- Можжаева Любовь Алексеевна* – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, lamozh@mail.ru
- Пряхин Владимир Федорович* – доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, mrimo@mail.ru
- Репинецкий Александр Иванович* – доктор исторических наук, профессор, проректор Самарской государственной педагогической академии, a.repinetsky@yandex.ru
- Самаркина Нина Сергеевна* – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, аспирант Института геополитики Университета Париж-8, nina-samarkina@rambler.ru
- Сенокосов Алексей Георгиевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, senokosov@inbox.ru
- Торочкова Полина Андреевна* – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, p.torochkova@gmail.com
- Халина Екатерина Сергеевна* – специалист отдела логистики ООО «ФНС СНГ», 29-katya@mail.ru
- Хлопов Олег Анатольевич* – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, univer619@mail.ru
- Цомай Михаил Артурович* – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, Mike-inside@mail.ru
- Шевченко Борис Иванович* – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, bshevchenko@inbox.ru

General data about the authors

- Andrianova Natalia Yu.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, natandrianova@list.ru
- Aralovets Natalia A.* – Dr. in History, leading researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, aralovetz@yandex.ru
- Belov Alexei V.* – Ph.D. in History, associate professor, senior researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, belovavhist@mail.ru
- Bozhko Vyacheslav Y.* – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, slavik.bozhko@gmail.com
- Burganov Agdas K.* – Dr. in History, honorable member, Tatarstan Academy of Sciences, professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, awarded by the Order of the Great Patriotic War of the 2nd degree and 15 medals, Agdas1@mail.ru.
- Burtsev Sergey N.* – postgraduate student, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, gr-ay@bk.ru
- Demetradze Marina R.* – Dr. in Politics, , leading researcher, Russian Institute for Cultural Research, Ministry of Culture of the Russian Federation; professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, poteha2000@mail.ru
- Ermilova Ellina A.* – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, ellina.ermilova@gmail.com
- Gasymov Nurlan A.* – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, nur_601@mail.ru
- Gavrilyuk Stanislav A.* – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, alien.89@mail.ru
- Khalina Ekaterina S.* – specialist, Logistics Department, LLC “FNS CIS”, 29-katya@mail.ru
- Khlopov Oleg A.* – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, luniver619@mail.ru
- Krasin Yuri A.* – Dr. in Philosophy, chief researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, krasinyua@mtu-net.ru
- Minaev Valery V.* – Dr. in Economics, professor, head, Department of World Politics and International Relations, mpimo@mail.ru

- Mozhayeva Lyubov A.* – Ph.D. in History, associate professor, professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, lamozh@mail.ru
- Pryakhin Vladimir F.* – Dr. in Politics, professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, mpimo@mail.ru
- Repinetskiy Alexander I.* – Dr. in History, professor, prorektor, Samara State Pedagogical Academy, a.repinetsky@yandex.ru
- Samarkina Nina S.* – postgraduate student, Department of the Area Studies and Foreign Policy, Institute for History and Archives, *RSUH*; postgraduate student, the Institute for Geopolitics, Université Paris-8, nina-samarkina@rambler.ru
- Senokosov Alexey G.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, senokosov@inbox.u
- Shevchenko Boris I.* – Dr. in Economics, professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, bshevchenko@inbox.ru
- Torochkova Polina A.* – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, p.torochkova@gmail.com
- Tsomaya Mikhail A.* – postgraduate student, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, Mike-inside@mail.ru
- Vodolazov Grigory G.* – Dr. in Philosophy, professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*, gvodolazov@yandex.ru
- Zhiromskaya Valentina B.* – Dr. in History, professor, Department of World Politics and International Relations, *RSUH*; chairman, Scientific Council on Historical Demography and Historical Geography, Russian Academy of Sciences, the winner of the premium of the Russian Academy of Sciences named by V.O. Klyuchevsky, zhyromskaya@yandex.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.Н. Панкова*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 17,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 72

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

